

Л.М. КОНЕВ

**ПЕРВАЯ РУССКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА
НА УРАЛЕ:
60-е гг. XIX в. – НАЧАЛО XX в.**

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Челябинский государственный педагогический университет»

Л.М. КОНЕВ

**ПЕРВАЯ РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ
ШКОЛА НА УРАЛЕ:
60-е гг. XIX в. – НАЧАЛО XX в.**

МОНОГРАФИЯ

Челябинск
2012

УБК 371 (09 С)
ББК 74. 03 (2 Р 36)
К 64

Конев, Л.М. Первая русская национальная школа на Урале: 60-е гг. XIX в. – начало XX в. [Текст]: монография / Л.М. Конев. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2012. – 330 с.

ISBN 978-5-85716-950-6

Монография содержит анализ материалов по истории становления и развития первой русской национальной школы на Урале: женской средней школы. Показаны основные процессы, которые характеризуют зарождение и развитие на Урале первой русской национальной школы в 60-е гг. XIX – начале XX в. Рассмотрены роль государства и местных органов самоуправления (губернских, уездных земств и городских Дум) в создании школьной социальной политики, её достоинства и недостатки. Показаны причины и степень участия представительниц женской средней школы в демократическом и революционном движении в XIX – начале XX в. и, главное, меры, которые предпринимались государством и школой для нейтрализации революционной и антигосударственной пропаганды, а также антиправительственных действий и выступлений школьной молодёжи. Рассмотрен вопрос «цены», которую молодёжь платила, участвуя в демократической и революционной борьбе против самодержавия.

Монография предназначена для студентов и преподавателей, учителей и социальных работников, руководителей и специалистов местных органов самоуправления; а также для депутатов и руководителей городских Дум, представителей молодёжного движения в регионе и России, специалистов органов образования, науки и культуры на Урале; для всех тех, кто интересуется историей Урала и изучает её.

Рецензенты: Г.Я. Гревцева, д-р пед. н-к, проф.
З.М. Большакова, д-р пед. н-к, проф.

ISBN 978-5-85716-950-6

© Конев Л.М., 2012
© Издательство Челябинского
государственного педагогического
университета, 2012

Научное издание

КОНЕВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ

**ПЕРВАЯ РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА НА УРАЛЕ:
60-Е ГГ. XIX в. – НАЧАЛО XX в.**

МОНОГРАФИЯ

Работа рекомендована РИСом ЧГПУ
Протокол № 1/12 (пункт 2) от 27.06.2012 г.

Редактор Л.Н. Корнилова

ISBN 978-5-85716-950-6

Издательство ЧГПУ
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69

Формат 60x80x1/16

Тираж 500 экз.

Бумага офсетная

Объём 11,7 уч.-изд. л.

Подписано в печать 06.12.2012 г.

Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ЧГПУ
454080, Челябинск, пр. Ленина, 69

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РУССКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ШКОЛУ	
1.1. Историография женского среднего образования	15
1.2. Методологические аспекты национального обучения и воспитания в царской России.....	30
ГЛАВА 2 ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА УРАЛЕ	
2.1. Становление уральских женских средних учебных заведений.....	46
2.2. Развитие уральской женской средней школы как национальной русской.....	82
2.3. Частные школы на Урале.....	113
ГЛАВА 3 ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ШКОЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ	
3.1. Влияние уральских органов самоуправления на развитие социальных отношений в школе.....	129
3.2. Предпосылки создания системы социальной защиты учителей и их реализация в новой русской национальной школе.....	147
3.3. Духовно-нравственное воспитание учениц и их социальная защита.....	171

ГЛАВА 4

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ И УЧЕНИЦ В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

4.1. Борьба представительниц женских средних учебных заведений за свои права.....	198
4.2. Отношения между представителями женской средней школы и царской власти в период между двумя буржуазно-демократическими революциями.....	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	265
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	270
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	313

*С благодарностью посвящаю эту книгу
Владимиру Яковлевичу Рушанину,
ректору ЧГАКИ,
доктору исторических наук, профессору*

ВВЕДЕНИЕ

В первое десятилетие двадцать первого века Российская Федерация переживает очередную реформу образования: провозглашена и осуществляется президентская национальная инициатива «Наша новая школа». Завершился десятилетний процесс «модернизации» российской школы и начался новый этап реализации президентской инициативы «Наша новая школа». Она, как и все реформы, предполагает поднять российскую школу на новый, европейский и мировой, уровень. В истории нашего государства это не первая реформа, которая ставит такие амбициозные цели. Безусловно, что это усиливает интерес общества к опыту подобных преобразований в XIX и XX вв. И не подлежит сомнению, что по состоянию и развитию системы образования можно судить о верности выбранного пути, о сути ценностных ориентаций общества, о правильности темпов и сроков преобразований, об эффективности применяемых методов в решении тех или иных проблем и, наконец, о том, что является главным, о направленности и целях преобразований: во имя кого и для чего всё делается – для человека, общества и государства в их гармонических связях или во имя государства, которое игнорирует личность, во

имя отдельной группы или даже общества, но при подавлении интересов отдельного человека.

В современном реформировании народного образования мы должны широко использовать опыт дореволюционной, императорской школы, в том числе и женской средней школы, тем более что женское образование как весьма специфическая часть всей системы образования своеобразно развивалось в период российских реформ 60–70-х гг. XIX в. Оно по многим показателям выводило Российскую империю в число передовых стран и превосходило другие области школьного строительства (к примеру, блестящий опыт быстрого перехода женского образования в 60–70-е гг. XIX в. от элитарного к всеобщему; деятельность попечительских советов и отдельных попечительниц; система социальной защиты учениц и учителей; научная деятельность учителей и др.).

Заметим, что изучение опыта дореволюционной школы должно учитывать все системные связи, а не обращаться только к некоторым элементам данного сложного явления. Так, во время и после Великой Отечественной войны, к примеру, односторонне и формально был использован принцип раздельного обучения мальчиков и девочек, платного обучения в старших классах и на первых курсах высших учебных заведений и т.д. Подобное копирование на долгие годы скомпрометировало саму идею изучения интересного и поучительного опыта создания и работы императорской новой школы, которая была сформирована в ходе Великих реформ XIX в.

В наши дни, когда всё возрастающее влияние на решение многих вопросов, в том числе и жизни школы, получают местные органы самоуправления, исключительно важное значение для теории и практики государственной политики в области образования и строительства гражданского общества приобретает знание и использование опыта работы дореволюционных органов местного самоуправления и их взаимоотношений со школой, родительской общественностью, промышленными и торговыми кругами как в России, так и на Урале.

Для изучения истории народного образования, женской средней школы важно и то, что сегодня реформы в нашей стране идут практически в тех же условиях, что и много лет назад. В XIX в., с одной стороны, государство, общество, население активно осваивало рыночные отношения, а с другой стороны – шёл процесс становления и развития местных органов управления. На фоне исторической реальности, близкой современной России, и возникла женская средняя школа со своими типичными и специфическими чертами.

Становление и развитие женской средней школы в России и на Урале проходило не только под влиянием положительных элементов новых рыночных отношений, но и было связано с их отрицательными сторонами (ослабление морали, снижение авторитета школы, церкви, семьи и т.п.). Их нейтрализацию не сразу смогло обеспечить общество и государство, а это привело к тому, что молодёжь, школа стали постепенно попадать под влияние формировавшихся в стране политических партий и движений, в том числе и

террористической направленности. Вот почему для будущего президентской России, её государственных органов власти и местных органов самоуправления, для нашей новой школы и семьи так важен опыт, который был накоплен государством с 1861 по 1917 г. в борьбе с революционной пропагандой, агитацией и практическими формами антиправительственной деятельности в России и на Урале.

С 1860-х гг. царское правительство проявляло пристальный интерес к школе. Под руководством министра народного просвещения Д.А. Толстого в России и на Урале открывались женские средние учебные заведения. Министр и его преемники часто вмешивались в деятельность женских учебных заведений, в сущности, им неподвластных: часть открытых женских училищ была подчинена ведомству учреждений императрицы Марии, другая – местным органам власти, были училища находящиеся в ведении Священного Синода. Но основания такой подчиненности были определены Уставами женских училищ: средние учебные заведения этого типа могли открываться только при финансировании их частными лицами, обществами, органами местного самоуправления. Это, с одной стороны, создавало «вечную» проблему для школы: и в XIX в., и в XX школам постоянно не хватало средств. С другой стороны, это обеспечивало им свободу, какой не имели, например, мужские средние учебные заведения, которые полностью финансировались казной, что не всегда давало положительный результат. Так, в период 80-х гг. XIX в., времени печально знаменитого указа о «кухаркиных» детях, изгнавшего из мужской средней школы сотни и тысячи

учеников и наложившего запрет на обучение детей из-за социального происхождения родителей, женские средние учебные заведения не претерпели столь катастрофических преобразований, именно в силу своей специфики (минимальное участие в финансировании женской школы со стороны правительства).

Отсутствие жесткого влияния и контроля за финансовой стороной деятельности женской школы, при сохранении влияния на учебно-воспитательный процесс в этих учебных заведениях, отличало школьную политику правительства России в отношении двух основных типов средних общеобразовательных учебных заведений: мужских и женских гимназий и прогимназий.

Гимназии и прогимназии как тип общеобразовательного среднего учебного заведения существуют уже почти пять столетий. Всё это время они являются важнейшими элементами образовательной системы многих европейских государств. До начала прошлого века понятие «гимназическое образование» было тождественно «общему среднему».

Отечественная система образования по образцу национальной прусско-австрийской школы начала складываться с начала XIX в. В 1804 г. был принят «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», который обеспечивал подчинение всех систем задаче подготовки учащихся к переходу на следующую ступень, в случае гимназии – в университет. К началу XX в. прогимназии были открыты почти в каждом уезде городе, крупных заводских посёлках и казачьих станицах, что обеспечивало широким слоям населения доступ к гимназическому, общему среднему об-

разованию. Но функция средней школы этим не ограничивается, постановка среднего образования двойственна по своему замыслу. «Для одной части учащихся оно переходная ступень к образованию высшему, для другой – основной духовный багаж, с которым учащиеся выходят в жизнь», – указывал Д. Менделеев в работе «Заветные мысли».

В настоящее время в центре внимания многих учёных продолжает оставаться один из самых интересных периодов в России – 1861–1917 гг., (время «великих реформ», нескольких войн, революционных ситуаций и революций, развития промышленности, транспорта, связи, науки, культуры, народного образования). Развитие рыночных отношений в XIX в. приводило не к закрытию школ, а к созданию новых систем образования (женской средней и высшей школы, коммерческих и торговых училищ и школ и т.д.).

Настоящая работа посвящена истории становления и развития первой русской национальной школы на Урале – женской средней школы. К ней мы относим женские училища 1 и 2 разряда Министерства народного просвещения, преобразованные в 1870 г. в женские гимназии и прогимназии, а также епархиальные женские училища Святейшего Синода и Оренбургский женский институт имени императора Николая I ведомства учреждений императрицы Марии.

Историю развития женской средней школы мы рассматриваем на материале Урала. Урал, огромный по территории, исторический сложившийся регион нашей Родины, занимал важное место в экономике и политической жизни

России во второй половине XIX – начале XX в. В состав уральского региона входили до октября 1917 г. Оренбургская, Вятская, Пермская, Уфимская губернии (ныне это Пермская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Кировская, Оренбургская области, республика Башкортостан, Удмуртия). Территория четырёх уральских губерний равнялась 698,6 тыс. кв. вёрст, что составляло одну шестую часть всего пространства Европейской России. В 1867 г. население Урала доходило до 6,6, а в 1914 г. – до 13,2 млн. человек, что составляло более 10 % всего населения России.

Для нашей работы важно уточнить ряд понятий: «русская национальная школа», «педагогическое поле», «цена участия» представительниц женской средней школы в революционной и демократической борьбе за свои права и свободы.

Рассмотрим, каким нам представляется содержание понятия «русская национальная школа».

По предметам, урокам и языку обучения школа характеризуется нами как русская национальная и общеобразовательная европейская.

К. Ушинский главным предметом в общем гуманном развитии человека считал не древние языки (греческий и латинский), а родной язык и родную литературу. «За изучением родного слова, – подчёркивал он, – мы ставим изучение других предметов, непосредственно раскрывающих человека и природу, а именно историю, географию, математику, естественные науки; за ними помещаем изучение новейших иностранных языков» [88].

Позиция нашего выдающегося педагога в этом вопросе сегодня представляется научно объективной: он исходил из сущности педагогических понятий, из диалектики общечеловеческого и национального, родного и иностранного.

Российская средняя школа в XIX – начале XX в. осваивала идею единства общечеловеческого и национального начал в образовании, его формального и материального аспектов, ориентации на создание благоприятных условий для духовного развития учащихся и подготовки их к практической деятельности в различных областях и сферах жизни общества, государства, экономики, науки, образования.

Основные черты русской национальной школы следующие.

По вероисповедальному и национальному составу эта школа национальная, русская, православная, т.к. подавляющее число учениц и учителей в ней составляли лица, исповедовавшие догматы Русской православной церкви и принадлежавшие русской нации.

По социальному составу учениц эта школа была демократическим учебным заведением. Основной контингент учениц женской средней школы составляли представительницы городских и сельских сословий. Исключение составлял Оренбургский институт.

По источникам финансирования эта школа демократическая, т.к. плата за обучение и средства земств составляли основные статьи доходов женских гимназий и прогимназий.

Отличительной особенностью русской национальной школы на Урале было: 1) многонациональный состав учениц, 2) многоконфессиональность и 3) наличие детей дво-

рян в социальной демократической структуре детского контингента, особенно в первые три десятилетия существования женской средней школы. Эта особенность была характерна и для школ России.

К важнейшим методологическим проблемам современной исторической науки учёные относят понятие «цены участия» учителей и учениц (да и не только их) в революции.

Мы считаем, что понятие «цена» применительно к участию представительниц женской средней школы в революционном и демократическом движении должна по историческому факту быть разделена на «цену школьную» и «цену политическую, кровавую». «Цена школьная» – эта плата, предъявляемая властью участницам протестных революционных и демократических движений и полученная вследствие использования школьных форм борьбы. Она устанавливается школьными правилами и носит школьный характер: выговор, снижение балла за поведение, исключение из школы. «Цена политическая» – эта плата, которую предъявляла власть представительницам женской средней школы: аресты, ссылки, тюрьмы – за использование политических форм и методов борьбы (участие в кружках, политических организациях и союзах, в маёвках, демонстрациях, восстаниях).

Понятие «педагогическое поле» женской средней школы характеризуется числом школ и количеством учениц, в них обучавшихся.

Более подробно уточнение этих понятий мы проведем в соответствующих параграфах нашей монографии.

Целью нашей работы является изучение истории становления и развития первой русской национальной школы – женской средней общеобразовательной школы на Урале в период с 1861 по февраль 1917 г. Конкретизируя цель, мы ставим перед собой следующие задачи:

- показать процесс становления женской средней школы как русской национальной школы, её характерные черты и основные этапы развития;
- изучить литературные и архивные источники по теме научного исследования;
- выделить в истории развития женской средней школы на Урале те основные политические силы, которые влияли (в той или иной мере) на школьную политику в регионе и России;
- определить численный состав женских средних школ и количество учениц;
- исследовать место и роль местных органов власти и правительства России в истории женской средней школы, выявить основные направления их деятельности;
- проанализировать причины, степень и «цену участия» в революционно-демократическом движении представительниц женской средней школы;
- рассмотреть школьные и правительственные меры по нейтрализации революционной пропаганды и практики недопущения её в деятельность учебных заведений.

В нашей работе мы стремились соотнести уральский материал с общероссийским.

Работа состоит из введения, 4 глав, заключения, приложений.

ГЛАВА 1 | ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РУССКУЮ НАЦИОНАЛЬНУЮ ШКОЛУ

1.1 | ИСТОРИОГРАФИЯ ЖЕНСКОГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

19 февраля 1858 г. был представлен и утверждён императором Александром II проект первого в России училища для приходящих девиц с курсом равным институтскому, а 19 апреля того же года состоялось открытие в Петербурге самого училища, названного Мариинским (в честь государыни императрицы Марии Александровны). Это училище положило начало общему женскому среднему образованию, без различий сословий, и открыло этим российским женщинам доступ к высшему образованию [57].

В изучении проблемы становления и развития женской средней общеобразовательной школы в России и на Урале нами условно выделяется четыре периода.

Первый период исследования охватывает время с 1861 по 1917 г.

Для него характерны работы, посвящённые состоянию женского воспитания и образования до открытия общеобразовательных средних учебных заведений и первым шагам женских школ. Такова работа И. Белюстина о первых женских школах в России. Материал исследования касался как отдельных городов России, так и её регионов [11].

В дальнейшем стали выходить работы, связанные в большей мере с юбилейными датами в жизни как отдельных учебных заведений, так и целых подсистем женского образования в России. Например, работы В. Осгорского и В. Овчина. В них авторы впервые приводят статистические данные и обобщают опыт существования разных типов женских средних учебных заведений. Некоторые авторы сами были преподавателями или директорами учебных заведений и поэтому показали не только сухие цифры статистики, но и яркими и сочными красками нарисовали картину обучения и воспитания, привели отдельные детали, раскрывающие суть школьной жизни того времени. Работы создавались также на основе архивов учебных заведений и публикаций прессы, воспоминаний [56; 57].

Конец XIX – начало XX века ознаменовались тем, что к продолжавшим выходить изданиям добавились фундаментальные работы. Среди них можно назвать четырёхтомное исследование Е. Лихачёвой «Материалы для истории женского образования» [126].

В нём автор, работая с архивами Министерства народного просвещения, публикациями педагогической печати, собрал и издал интересный материал о женском образовании со времён Киевской Руси до царствования Александра I. Но, к сожалению, процесс развития женской средней школы остался за рамками её исследования.

В книге профессора МГУ С. Рождественского развитие женского среднего образования было рассмотрено в связи с юбилеем Министерства народного просвещения. Автор, кроме архивов ведомства, использовал вышедшие в

то время сборники законодательных актов о школе, но дальше показа процесса становления женской школы в XIX и в начале XX в. не пошёл. Женская школа Урала отмечена у С. Рождественского лишь отдельными примерами [68].

Несколько позже, в 1905 г., в издательстве департамента народного просвещения вышел исторический очерк, посвящённый женским гимназиям и прогимназиям МНП, снабжённый хронологическим перечнем постановлений о женской школе, списком учебных заведений на 1 января 1905 г. по России и её отдельным регионам, статистическим приложением. Для нас это издание – важный источник сведений о школах Урала, входящих в Казанский и Оренбургский учебные округа [115].

Общую картину по женским средним учебным заведениям России дополняли очерки и обзоры, которые были посвящены средним учебным заведениям ведомства учреждений императрицы Марии. В них был опубликован материал, освещающий жизнь Оренбургского института благородных девиц имени императора Николая I и определяющий его место среди других женских средних учебных заведений России [104; 162; 132].

Первая российская революция 1905–1907 гг. обострила интерес общества к проблемам школы. Почти все газеты были заполнены сообщениями о событиях в учебных заведениях, о влиянии политических сил на молодёжь, о её требованиях, формах борьбы, результатах выступлений и т.п. Этому периоду посвящена фундаментальная работа С. Знаменского [26].

Другая группа работ, вышедших в этот период, была посвящена истории женской средней школы, её проблемам и путям их решения. Одной из особенностей этих изданий было то, что авторы стали указывать источники, которыми воспользовались. Таков, к примеру, отчёт по Троицкому женскому училищу 2 разряда [114].

В журнале «Русская школа», в статье С. Незлобина «Внеклассная школьная литература» (1893 г., кн. 1) даётся срез ещё одной группы источников о дореволюционной школе – это школьные ученические газеты и журналы.

В частности, автор отмечает, что в дореволюционной литературе имелись очерки по школьным вопросам, нередко вполне добросовестные, но основательного и разно-стороннего исследования средней школы почти не было. Он писал, что русский человек указанного периода изображен во многих произведениях Тургенева, Григоровича, Гончарова, Толстого и других, но типов русских учеников средней школы, тем более учениц средней школы в литературе и в научной, и в беллетристической очень мало, а в имеющиеся исследования было внесено много тенденциозного.

А чего стоят рассказы А. Чехова, с его «человеком в футляре», который он практически никогда не открывал. Досталось, видимо, ему в детстве от учителей.

В школьных журналах и газетах мы наблюдаем различные жанры. Одно из первых мест в них по своей распространённости занимают произведения сатирические. Они встречаются в 80 % всех школьных журналов и дневников. Содержание этих произведений весьма разнообразно.

Чаще всего предметом их служит военный быт (40 %), т.к. в местах нахождения учебных заведений квартировали воинские части, во-первых, и в среде учащихся было значительно число детей военных, во-вторых. После военного быта дневники и журналы касались проблем удач и неудач в жизни, низкопоклонства и угодничества, любви и т.д. Эти произведения не отличались особой едкостью, в них, скорее всего, слышался благодушный смех. Вот один из примеров:

«На солдатском экзамене:

– Скажи, братец, мне, отчего это ракета летит кверху?

– Потому, ваше благородие, что она с хвостом.

– Этак, братец, значит, и корова полетит.

– Ну, а скажи мне, отчего граната лопается?

– Потому, что она пуста.

– Отчего-же тогда твоя голова не лопнет?

Солдат теряется».

Однако, как ни добротны были написаны работы по проблемам женской средней школы России, всё же региональный аспект, в частности Урал, в них был отражён очень слабо. Это объясняется и задачами, которые ставили перед собой авторы, и тем, что женская средняя школа ещё только проходила процесс становления и развития.

Не только в России, но и на Урале в 50–70-е гг. XIX в. выходят первые работы, посвящённые женской средней школе, вопросам образования и воспитания учениц. Авторами этих изданий, как правило, были учителя мужских гимназий. В большинстве своём выпускники университетов, знающих научные методы изучения общественных явлений. В это же время, согласно решениям попечительских

советов, появляются первые отчёты по женским гимназиям, вначале в местных газетах, а затем и отдельными изданиями. Эти книги основывались на архивных материалах и газетных отчётах первых женских средних учебных заведений [161].

В 80–90-е гг. XIX в. уральскими авторами издаются работы, связанные с юбилейными датами в жизни женского образования. Одним из первых был очерк, посвящённый 25-летию Вятской женской гимназии, составленный преподавателем В. Юрьевым. Работа была написана на основе архива этой гимназии, ежегодных отчётов школы. Практика выхода отчётов по женским средним школам, начатая в 60-е гг. продолжалась вплоть до 1917 г.

В этот же период начала выходить и земская литература, в которой мы находим ответы на вопросы о том, как шёл процесс взаимодействия женской средней школы и местных органов власти. Материалы, которые легли в основу этих работ, основывались на архивах земств.

Интерес к проблемам женской средней школы на Урале в начале XX в. значительно вырос.

В работе К. Белавина «К истории просвещения Оренбургского края. Женские гимназии и прогимназии в 1875–1899 гг.» показана широкая панорама женского образования: количество школ и число учениц, состояние школьных библиотек, наличие учебных пособий, изменение образовательного ценза и зарплаты учителей [7].

В начале XX в. многие уральские женские средние учебные заведения отметили свой юбилей и издали новые

книги о женских школах. Эти уникальные издания сохранили своё значение до наших дней [2; 28; 29; 42; 65].

Значительный интерес представляют общеисторические работы, выпуском которых продолжали заниматься школьные отделы земств и городских Дум и управ. Например, в это время выходит «Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910 гг.». Автором работы был заведующий отделом народного образования этого земства П. Григорьев [20].

Значительны для понимания исторических явлений исследуемого периода, проходивших в стране школьных реформ и контрреформ работы многих известных учёных, выдающихся мыслителей, педагогов, историков культуры [35; 51; 84].

Итак, ещё до революции было положено начало историографии женской средней школы на Урале. В свет вышли фундаментальные, с добротной архивной основой книги, статьи, сборники, обогащённые статистическими выкладками и личными воспоминаниями многих авторов. Во многом эти работы служат основой современного изучения истории женской средней школы Урала и России.

В то же время, являясь уникальными по охвату событий, фактов, по сюжетам, эти работы не затрагивали целых пластов важнейших для истории проблем школы, местных органов управления, государства. Почти не рассматривалось, например, влияние на женские учебные заведения революционных событий, партий, движений, а также не были описаны меры борьбы с ними общества и государства, национальный и вероисповедальный состав женских

учебных заведений, что для многонациональной России и Урала является жизненно важной проблемой, и др.

С 1917 г. наступил второй этап в изучении истории женской средней школы Урала, который закончился в 1953 г. со смертью И. Сталина (Джугашвили). Этот период характеризовался утверждением марксистской, классовой трактовки истории школы. В это время появились исследования обобщающего характера, принадлежавшие перу Н. Чехова, Г. Жураковского, Е. Медынского и др. [50; 101].

Основной недостаток работ этого периода состоял в недооценке исторического опыта дореволюционной школы. Кроме того, литература этого времени посвящена проблемам общероссийского плана, региональные же вопросы почти не рассматривались

В середине 30-х годов XX в. мы потеряли целую плеяду выдающихся учёных, вследствие чего прекратили своё существование целые школы и научные направления. Однако именно в это время публикуются работы, посвящённые проблемам школы и её истории: их авторы обращаются к опыту отечественной школы, к её национальной проблематике; издаются труды видных учёных-педагогов и деятелей просвещения. Появляются труды, посвящённые отдельным вопросам женской школы. В эти годы были защищены и первые диссертации по проблемам женской школы. В них авторы пытались показать место и роль женского среднего образования в стране. Так, В. Лапчинская сделала смелый вывод о том, что «русская педагогическая мысль создала... самую передовую теорию женского образования в мире» [44].

Для работ этого периода характерна некоторая прямолинейность: например, при освещении роли земства в истории России был сделан вывод о том, что эти органы власти отрывали народные массы от борьбы с самодержавием.

К сожалению, и для этого периода не стало исключением почти полное отсутствие работ по проблемам женской средней школы на Урале. Этот пробел восполнялся лишь отдельными изданиями, в которых была показана борьба молодёжи за свои права и участие молодых людей в революционном движении [73].

С середины 60-х гг. XX в. наступил новый период в изучении истории, дореволюционных школ России, деятельности местных органов самоуправления, и др., который отличался значительным расширением тематики, географии, хронологического диапазона исследований [45; 81; 82; 83; 90].

В этот период вышли работы, в основном статьи, которые были посвящены женской школе, в том числе и средней. Но и в них мы не найдём материалов по уральской школе [95].

В рамках этого периода в 60–80-е гг. XX в. были защищены докторские и кандидатские диссертации, в которых вопросы школы, в том числе женской, рассматривались на фоне других, основных для того или иного исследования проблем. При этом о женской средней школе в этих работах можно было найти лишь самые общие упоминания [21; 53; 93].

В 80-е гг. XX в. активнее, чем прежде, учёные начали изучать вопросы уральской школы. В их трудах использованы архивные материалы, воспоминания и мемуары. Источниковая база значительно расширилась. Были защищены новые диссертации [82; 90; 93].

Наконец, с начала 90-х гг. XX в. наступил очередной, современный этап в развитии историографии дореволюционной школы, в том числе женской средней общеобразовательной школы, который продолжается до сих пор. Марксистская методология перестаёт быть единственной в изучении исторических процессов и явлений российской школы и педагогики. В связи с этим происходит переосмысление уже известных фактов, смещение устоявшихся акцентов и оценок [4; 6; 16; 23; 36; 40; 72 и др.].

Этот период характеризуется значительно более широким рассмотрением проблем женской школы и, в том числе, на Урале.

Журнал «Советская педагогика» (с 1992 г. – «Педагогика») печатает многочисленные статьи по проблемам национальной, русской школы, истории женской средней школы и, в целом, по истории дореволюционной школы России. Например, О. Кошелева рассматривает страницы начальной истории женского образования в России, а А. Данилюк – содержание понятия «русская национальная школа» и т.п. [40; 22].

Многие крупные российские учёные в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия обратили своё внимание на проблемы истории нашей школы. Среди них и доктор исторических наук, профессор В. Рушанин [71].

К этому времени на Южном Урале активно начинают свою работу аспиранты и соискатели, ученики научной школы В. Рушанина. Одним из основных направлений работы его учеников является изучение проблем народного образования Урала, в т.ч. числе и женской средней школы [34; 39; 102].

Отметим, что уральские учёные и краеведы обобщают свои исследования по истории школы в публикациях и в новых крупных научных изданиях. Так, Челябинский центр историко-культурного наследия (руководитель В. Боже) по материалам научной конференции «Культура Челябинска: поиски и находки» (2000 г.) издаёт сборник статей «Исторические чтения» (2000, № 5). В них мы знакомимся с работами, которые в той или иной степени отражают историю женского среднего образования. Например, свои статьи публикуют Н. Рушанина «Из истории женского образования в Челябинске» и М. Юсупов «Культурно-просветительская деятельность челябинского земства».

В 2004 г. в очередном издании «Исторических чтений» (2004, № 7–8) был представлен материал по трём конференциям Центра историко-культурного наследия города Челябинска: «Христианство на Урале» (2000), «Вдали от столиц: страницы городского быта» (2001), «Краеведение как явление культуры» (2003). Здесь мы то же можем найти многочисленные свидетельства о развитии народного, в том числе и женского, образования на Урале. Однако достаточно полной и цельной картины и эти труды не представляют.

В Челябинском государственном педагогическом университете в начале 1996 г. открылся музей «История народного образования Челябинской области». В его постоянном научном издании – в «Музейном вестнике» – систематически печатаются работы, которые посвящены вопросам народного образования, и в том числе дореволюционной женской средней школе. В издании «Музейный вестник» 2003 г. № 1 (14), в рубрике «К 200-летию Министерства образования России», нами опубликованы материалы: «Из истории среднего женского образования Челябинской области в XIX – начале XX в.», «Частная женская гимназия Романовских в г. Миассе», «Троицкая женская гимназия», «Верхнеуральская частная мужская гимназия М. Громогласова», «Верхнеуральская частная женская гимназия Павловой».

В 2009 г. продолжая лучшие традиции уральских учёных, в Москве в МГУ М. Егорова защитила докторскую диссертацию «Развитие системы среднего образования на Урале (1808 – февраль 1917 г.)». В диссертации было показано, «как на протяжении целого столетия взаимодействовали в среднем образовании три основные силы: государство, общество и сами непосредственные участники образовательного процесса». Автором делается вывод о том, что в начале XX в. российская средняя школа становится всё более национальной по своему характеру.

Всё это свидетельствует о том, что история становления и развития женской средней школы на Урале нуждается во всестороннем изучении, постановке новых проблем и их решении, особенно с учётом новой президентской инициативы «Наша новая школа» (март, 2010).

Задача всестороннего исследования истории женской средней школы на Урале требует привлечения разнообразных источников.

Источниковую базу работы составили наиболее полно отразившие информацию об учебных заведениях «Всеподданнейшие» отчёты Министерства просвещения России, губернаторов с Урала, Обер-прокурора Святейшего Синода за более чем 50 с лишним лет [109–112; 116–123; 128; 130; 140–141].

Важным источником исследования служит разнообразная статистика местных органов управления по народному образованию, особенно та, которая была сведена в итоговые сборники. Статистика помогла раскрыть проблемы финансирования женских школ (назначение стипендий и выделение стипендиальных капиталов, решение городов и земств о бесплатном отводе и эксплуатации земли под строительство учебных заведений, школьных общежитий, храмов) [129; 140; 144; 145; 149–151].

«Списки» учебных заведений и служащих Министерства народного просвещения хранят на своих страницах богатейшие сведения о месте и времени открытия учебных заведений, их финансовом состоянии, зарплате учителей, наградах, образовательном цензе и т.п. К аналогичным источникам можно отнести «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу», позднее переименованный в «Вестник Оренбургского учебного округа», «Адрес-календари», «Памятные книги», в которых помещались законодательные акты; постановления; решения об отпусках, переводах, приёме на работу; списки награждённых; хроника школьных дел и т.д. [137; 152–154; 177].

В сборниках «Постановлений» и «Распоряжений» Министерства народного просвещения была отражена политика государства в отношении школы. В них публиковались важнейшие документы по созданию учебных округов, по реформе школы; учебные планы, программы, инструкции, положения о стипендиях и т.д. [146–148].

Вопросам женской средней школы посвящён ряд тематических сборников документов под редакцией А. Кузьменко, А. Лаурсона и др. Эти документы не утратили своего значения для исследователей наших дней [124; 125].

Однако документы и материалы в вышеперечисленных источниках не в полной мере отражают и раскрывают историю женского среднего образования на Урале и в России. Картину широкого освещения этой проблемы решает вторая группа источников: документы и материалы, извлечённые нами из более чем 40 фондов Российского государственного исторического архива (РГИА), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Златоустовского филиала архива Челябинской области (ЗФГАЧО), Государственного архива Пермской области (ГАПО), Государственного архива Кировской области (ГАКО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центрального Государственного Архива Республики Башкортостан (ЦИА РБ) и др.

В фондах уральских областных архивов нами собраны уникальные данные и документы, которые сохранились либо в подлинниках, либо в копиях. Большинство документов, касавшихся внутренних вопросов жизни отдельных учебных заведений, (прошения о приёме на работу или

увольнении, журналы педагогических советов, свидетельства и дипломы и т.д.), – это подлинники. В фондах учебных округов сохранились подлинные отчёты учебных заведений, формулярные служебные списки учителей, документы на награждение. В фондах министерств, Святейшего Синода собраны отчёты по округам, епархиям. К сожалению, в местных архивах мы наблюдали очень плохую сохранность документов. Таких фондов, как, например, фонд Уфимской Мариинской женской гимназии, насчитывающий более 2 000 дел, сохранилось на Урале очень и очень мало. Многие документы были утрачены в ходе тех или иных исторических событий, которыми был богат Урал и Россия в XIX–XX вв. Вот почему для нас так важно было обращение к фондам центральных архивов.

Фактическая база нашего исследования была существенно обогащена материалами центральной и местной печати [163–177].

В целом источниковая база нашей работы весьма обширна и разнообразна, её основу составляет архивный материал, малоиспользованные и неопубликованные документы. Многие документы вводятся в научный оборот впервые.

Таким образом, из вышесказанного мы можем сделать ряд выводов.

Проблеме женской средней школы России и Урала учёные, краеведы, специалисты по народному образованию в губернских и уездных земствах, в гимназиях и прогимназиях, в советской и современной исторической и педагогической науке уделяли внимание с момента её возникнове-

ния. Ими изучались вопросы правового, финансового, учебно-воспитательного характера. Они рассматривали проблему взаимодействия местных органов самоуправления и школы. Одним из направлений изучения была школьная социальная политика. На изучение вопросов женской средней школы влияли политические факты и обстановка в стране. Это не могли не приводить к ошибочным взглядам и выводам.

В целом же историография проблемы женского среднего образования в России и на Урале широка и многообразна и требует своего дальнейшего изучения. Изучению должны быть подвергнуты вопросы эффективности социальной политики, её влияние на умонастроения детей и учителей. Своего изучения требует проблема рассмотрения места русской национальной школы, женского среднего образования Урала в российской системе и в европейской системе национального образования. Важно изучить и взаимное влияние российской и европейской школы.

1.2 | МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

История обсуждения проблем «новой русской школы», по мнению одного из самых известных историков и педагогов России конца XIX – начала XX в. Н. Чехова, начиналась в конце 50-х гг. XIX столетия. И он не ошибался.

На рубеже веков в императорской России обострился интерес к вопросам русской национальной школы. В это

время выходят в свет: «Путь русской национальной школы» В. Сороки-Росинского, «К вопросу о национализации русской школы» К. Грота, «Беспочвенность русской школы» В. Розанова, «Заметки о русской школе» В. Стоюнина, «Значение русской словесности в национальном русском образовании» А. Царевского и многие другие исследования. Кроме того, выходят работы, в которых нет слов «русская» или «русский», но они посвящены национальному образованию – таковы труды И. Толстого «Заметки о национальном образовании», П. Блонского «О национальном воспитании», П. Ковалевского «Национальное воспитание и образование» и другие [12; 66; 67; 79].

К исследованию русской воспитательной системы обращались деятели просвещения всех направлений – от государственников до приверженцев классового подхода. Проблема русского образования и воспитания исчезла со страниц отечественной педагогики в 20-х гг. XX в. Термин «национальная школа» в советской России стал употребляться исключительно для обозначения национальной, нерусской школы.

Впервые тема русской народной школы была поднята К. Ушинским, подчёркивавшим необходимость именно национального воспитания, создания системы нравственного просвещения. Наряду с национальным направлением в русской педагогике существовало и гуманистическое, чьи сторонники считали, что основные принципы являются общими для всех народов, а национальный компонент входит в воспитание как неизбежное условие существования общечеловеческих идеалов вместе с личным началом.

Это условная схема, о которой писал П. Каптерев в «Истории русской педагогики», не может считаться идеальной. Н. Пирогова, К. Ушинского, а вместе с ними и Л. Толстого, В. Стоюнина, Д. Менделеева можно считать представителями национального и гуманистического направлений в русской педагогической мысли. Они в одинаковой мере были и достойными патриотами, и великими гуманистами.

Наиболее удачным в научном отношении следует признать структурирование педагогики по пяти основным направлениям: государственное, гражданское, народно-религиозное, классово-корпоративное, личностное. Мы согласны с далее цитируемым автором и нами освещаются первые три течения, вокруг которых дискуссии разгораются с новой силой [8].

Так, педагогические концепции государственников базировались на ценностях, основанных на вере, патриотизме, семейных и национальных традициях, главной из которых была русская монархическая власть, освящённая Церковью. У К. Победоносцева, например, первенство русской нации над всеми другими не основывалось на каких-либо особых этнических свойствах русских, а утверждалось самим ходом исторического развития России. Сущность русского национального воспитания определялась им как законопослушание, «подчинение порядку общественной жизни». Его нравственные основы К. Победоносцев видел в традиционной семье, считая, что образование, не связанное с семенно-бытовыми устоями, лишает родителей будущих помощников, т.е. развращает детей, «порождая мираж фальшивого и отрешенного от жизни знания». Саму мысль

о прямой зависимости состояния нравственности общества от распространения школьного образования он полагал ошибочной. Обер-прокурор Святейшего Синода был против понимания просвещения как некоей суммы знаний, достаточной для осуществления различных операций, и считал, что знания, не освящённые нравственностью, бессмысленны и не нужны ни их обладателю, ни обществу [61].

Активное участие в дискуссии о русском национальном воспитании принял профессор Варшавского университета П. Ковалевский, разработавший в своих трудах основные принципы национального воспитания, основанные на русских культурно-исторических традициях. В области нравственного воспитания, по его мнению, только православие имеет право на пропаганду своего учения, остальные же вероисповедания должны пользоваться свободой только в рамках своей церкви. Рассматривая школу как адаптационное звено от догражданского состояния личности (патриархальный уклад) к осознано-национальному познанию себя не только как части нации, но и государства, а затем и человечества, П. Ковалевский считал, что её цель заключается в том, чтобы вырастить из ребёнка хорошего честного гражданина, любящего свою Родину здоровой, разумной, настоящей любовью, и можно поручиться, что он будет гуманным, отзывчивым, честным человеком вообще. Такая задача, по мнению учёного, наиболее точно соотносится с устремлениями общества, поскольку объединяет государственную, общехристианскую и национальную идеи.

Само национальное воспитание – это переход от национального инстинкта к национальному чувству, но ни в коем случае к интернационализму и к национальному нигилизму. В том, что такое случилось, П. Ковалевский винил классическое образование. И в этой оценке он был не одинок: харьковский педагог К. Ярош и многие другие деятели просвещения доказывали необходимость сужения сферы классического образования в пользу реального и критиковали «чисто гуманистические идеи образования», которые так или иначе ограничиваются необходимостью индивидуализации, профессионализации и национализации школьного дела [108].

Слабые стороны концепции П. Ковалевского, как и многих других государственников, заключались в смешении этнокультурных и социальных подходов. Так, тезис о том, что всем жителям России нерусского происхождения необходимо с помощью школьного воспитания превратиться в русских, опровергается другой установкой, нацеленной на воспитание детей в строго национальном духе своего народа.

Защитником русских национальных воспитательных идеалов был преподаватель Казанской духовной академии А. Царевский, который с горечью отмечал, что в результате немецкого воспитания получается всегда немец, из французского – француз, из английского – англичанин, и только из русского воспитания сплошь да рядом выходит не русский, а часто если не космополит по убеждению, то человек совсем равнодушный и безучастный к своей стране и народности [98].

Цель нравственного воспитания русского человек, считал А. Царевский, заключается в возбуждении чувства национальной гордости и самоуважения, в воспитании национального самосознания, т.е. «сознательного удовольствия принадлежать к своему народу». Будучи профессором русской словесности, А. Царевский видел её миссию в пробуждении у школьников патриотизма.

Некоторые педагоги, придерживаясь такого же взгляда на отечественную литературу в целом, считали, что многие произведения малопригодны для раннего воспитания школьников. Например, Б. Юзефович предлагал провести тщательный отбор хрестоматийных текстов, так как вопрос национализации школы состоит в том, какое направление примет преподавание русской истории и литературы [107].

Уже упоминавшийся К. Ярош в своей книге «Современные задачи нравственного воспитания», убеждая читателя в отсутствии общеевропейских и общечеловеческих идеалов, за которые чаще всего выдаются идеалы какой-либо личности или в лучшем случае некоего общества, считал, что гуманность как человеческая ценность должна относиться лишь к тем, кто живёт по нравственным законам. Опорные точки в русской воспитательной системе он видел в христианстве и в «самостоятельной работе народности», а её цель – в понимании русским юношеством «своего национального способа осуществления общехристианского нравственного идеала. По его мнению, особенности духовной жизни русского народа диктовали и способы воспитания: в русских школах не должно быть места скепсису и прагматизму по отношению к родной истории, нрав-

ственным устоям своего народа; в русских школах не следует поощрять соревнование, так как оно развивает тщеславие и ведёт к тому, что на первое место ставится сам успех, а не его соответствие нравственным целям [108].

Итак, для педагогов-государственников воспитание в национальной школе должно было строиться на уваровских принципах: где церковь – душа нации, а государство – её тело, внешняя форма. Поэтому их воспитательные системы ставили целью формирование не национального, а скорее всего православно-патриотического мировоззрения.

Виднейшим теоретиком народно-религиозного направления был блестящий русский педагог и организатор, профессор Московского университета С. Рачинский. Идеальным средством национального воспитания крестьянских детей он считал школу, которая находилась под руководством церкви, служащей единственным и неиссякаемым источником нравственного воспитания. Все три ипостаси воспитания (гуманизм, народность, нравственность) он объединял в систему, в которой приоритет на первой ступени образования отдавал вере, поскольку духовно-нравственные основы русских заложены в православии. Достаточно вспомнить, что стереотип национального поведения во многом основывался на православных традициях. Именно поэтому в русле церковной школы легче было перейти от патриархально-семейного воспитания к школьному. Само население отдавало предпочтение возникающим по всей стране школам грамоты и церковно-приходским школам. Тот же Л. Толстой считал, что народ-

ный идеал школы состоит в обучении детей в простой избе вечерами, в зимнее время, с помощью местных грамотеев.

К народно-религиозному направлению в образовании можно отнести и идеи В. Розанова. Основная мысль его концепции сходна с позицией профессора С. Рачинского: дети должны получать национальное воспитание в церковной среде. Рассуждая о недостатках светской школы, он указывал, что в ней «ребёнок из семьи с древним церковным строем становится духовно обезображен». И далее, что беда такой школы в её безликости, подражательстве; идеалом воспитания её является создание человека вне духа своей культуры, синтетически собранного из элементов всех цивилизаций.

Сопоставляя русские педагогические идеалы с европейскими, философ В. Розанов отмечал, что, по крайней мере, от древнего грека и до современного нам англичанина, француза, немца – каждый, именно в пору отрочества и первой юности воспитывался и воспитывается в типично национальном духе, – и, может быть, этот же крепкий фундамент даёт основательность и яркость последующим блужданиям духа, если им и случится переступить за национальные рамки. Он подчёркивал, что русские школы, переделывают структуру русской души на манер иностранной, уча патриотизму на примере римских патриотов, чести – на образцах французского рыцарства, семейной домовитости – на рассказах о германцах и швейцарцах [66].

Рассматривая третье, гражданское направление, надо вспомнить профессора В. Стоюнина. По его мнению, цель

школы заключается в воспитании людей, полезных обществу, способных отстаивать закон и подавлять произвол, для чего необходимо органичное взаимодействие семьи, школы и общества, но оно либо очень слабо, либо вовсе отсутствует. Более того, сама система воспитания в каждом из трёх компонентов этой триады не свободна от недостатков, подлежащих исправлению.

Безусловно, это должно было подтолкнуть ответственную интеллигенцию к активным действиям по координации трёх звеньев воспитания. Только тогда возможно создание национальной воспитательной системы, учитывающей интересы и традиции всех членов общества.

Проблеме национализации русской школы посвятил свою работу «Путь русской национальной школы» сторонник гражданского направления в педагогике В. Сорока-Росинский, видевший основное препятствие в деле формирования национальной школы в расколе русской культуры на элитарную и народную. Педагогика, как он считал, в такой ситуации должна формировать гражданские убеждения и воспитывать «государственные привычки», иными словами – жить по «закону», а не по «благодати». В. Сорока-Росинский говорил, что дело педагогики состоит в использовании для своих целей не только силами интеллекта, но и теми таинственными и тёмными силами, среди которых находится и такой могучий, древний и тёмный инстинкт, как любовь к Родине и своему народу. Но при этом, как отмечал он, наука о воспитании не должна ставить понятие родной нации выше этических принципов, которые должны входить составной частью в национальное сознание [79].

Так же, как и В. Стоюнин, В. Сорока-Росинский уделял большое внимание семье, в которой воспитание детей велось в духе русской народной традиции. Но в тех условиях, когда число патриархальных семей сокращалось, главенствующая роль в деле формирования нравственности должна была, по его мысли, перейти к школе, воспитывающей в своих учениках жертвенное служение своему народу и ограничение личного во имя более высоких идеалов. По мнению В. Сороки-Росинского только такая школа будет соответствовать русским педагогическим традициям и национальным особенностям народа [79].

Другой известный педагог П. Блонский считал, что все попытки создать русскую национальную школу «в кабинете» обречены на провал, так как она формируется только в «ходе живой национальной истории». Он утверждал, что условиями органического возникновения национального воспитания» служит общий расцвет нации: подъём экономики, демократизация культуры, развитие международных отношений, смягчение форм социальной борьбы внутри нации; естественная эволюция, позволяющая обеспечить сохранение традиций [12].

Учитель, по мнению П. Блонского, должен «воспитывать интерес к Родине, национальный вкус и сделать ученика способным создать свой национальный идеал».

Выводы П. Блонского характерны для всех педагогов гражданского направления: воспитание в России нельзя назвать национальным, в формировании нравственности необходим синтез двух идей – гражданской и общемировой. Собственно национальному воспитанию в их теориях

не придавалось большое значение: оно либо приравнивалось к гражданскому, т.е. становилось как бы общенациональным, либо рассматривалось как необходимая его основа, которая по мере продвижения учащегося по образовательной лестнице теряла своё значение, уступая место общемировым идеалам.

Говоря в целом о концепциях национального воспитания в России, следует заметить, что все три рассмотренных направления, несмотря на принципиальные различия, имели и общие черты: во-первых, уважение к Отечеству, его историческому прошлому; во-вторых, признание опыта народной педагогики, выработанной столетиями; в-третьих, стремление к созданию системы просвещения, в которой русское общество сможет избежать опасности резкой ломки сложившихся национальных устоев.

Выделим ещё одну проблему, которая актуальна для современной истории России – «место системы образования в деле сохранения социальной стабильности».

Подробнее остановимся на взглядах К. Ушинского, К. Победоносцева на эти проблемы через призму вопросов о русской национальной школе .

В «национальном» (по выражению Н. Рубакина) лагере отечественной педагогики объективно оказались те, кто на первое место ставил развитие государства при сохранении стабильности общественного порядка. Здесь были такие разные по своему положению и взглядам люди, как Ушинский, Стоюнин, Рачинский и Победоносцев.

Общей для всех них задачей в области образования было воспитание людей, которые сознательно стали бы

поддерживать государственный порядок. Но «охранительство» не было самоцелью: оно считалось условием развития страны.

С детальной разработкой концепции национальной системы образования в 1857 г. выступил К. Ушинский. Как сказал о нём очень популярный в начале века литературовед Ю. Айхенвальд, что К. Ушинский был европейцем по своему образованию и симпатиям, по культурности своих воззрений. Перенявший идеи западных мыслителей и учёных, К. Ушинский в то же время высоко ценил «самобытную физиономию русских и считал отказ от неё историческим преступлением» [5].

Следуя по пути А. Пушкина, В. Жуковского, А. Хомякова, заложивших философские основы русской национальной педагогики, К. Ушинский провозглашает первенство воспитания над образованием. Национальный характер школы, по его мнению, определяется тем, что в основе воспитания любого народа должен находиться обусловленный жизнью этого народа и соответствующий его характеру идеал человека [91].

Предлагаемая им модель вполне отвечала потребностям общества. Задача национального воспитания, уважения русских традиций (дом, быт, ремесло) в его понимании не означала призыва к реставрации в ущерб развитию страны.

Говоря об основах воспитания, К. Ушинский отнюдь не противопоставлял христианство знанию. Он просто не признавал за последним исключительного воспитательного значения, как это продолжают делать все его оппоненты.

В ответ на стенания известной публики об отсутствии в России «общественной нравственности» он писал, что «чаще всего мы очень хорошо понимаем, что закон полезен, что исполнение его необходимо для пользы общества, но понимаем также очень хорошо, что невыполнение законов очень полезно для нас самих» [91].

Одновременно он проводил ту мысль, что разъединяющих Россию язв и болезней было бы значительно меньше, «если б мы добились хотя бы того, чтоб наш юноша, оканчивающий курс учения, знал о полусветной России столько же положительных фактов, сколько знает о своей маленькой Швейцарии 10-летний швейцарец» [91].

Теперь обратим внимание на положительную роль, которую должны играть знания, даваемые школой. Здесь хотелось бы акцентировать внимание именно на пользе «положительного» знания.

К национальным традициям, в безусловной пользе которых он был уверен, К. Ушинский относил православие. По его мнению, в новых условиях промышленной Европы и наступающего господства естественных наук только религия, с одной стороны, сердцем человека решающая мировые вопросы, и наука, с другой, в высшем, бескорыстном, философском своём значении – могут удовлетворить и на земле бессмертный дух человека. Вот почему всякая школа, позабывшая изречение Христа: «не о хлебе едином жив будеш» и приготовляющая человека только к материальной жизни, как бы утонченна она ни была и сколько бы ни требовалось для неё познаний, не выполняет своего назначения. Всякая школа прежде всего должна показать человеку

то, что в нём есть драгоценного, заставить его познать себя частицей бессмертного и живым органом мирового, духовного развития человечества» Очень важным в его концепции был тезис о превосходстве христианства над народностью, а следовательно, его идея не имела ничего общего с проповедью национальной исключительности. Также важно и то, что считая православие неотъемлемым элементом русского национального самосознания и образования, он не призывает свести к нему всё народное воспитание [5].

Средством формирования человека, любящего свою родину и одновременно готового к созидательной, а не революционной и разрушительной деятельности, К. Ушинский считал, как и все охранители, труд. Правда, в отличие от министров Д. Толстого и П. Валуева он не считал изучение латыни истинным трудом [5].

К числу людей, мысливших государственными интересами в сфере педагогики, следует отнести К. Победоносцева и В. Розанова.

К. Победоносцев был одним из представителей той многочисленной в России группы государственных деятелей, которые не только понимали национальную значимость образования и влияли на осуществление государственной политики, но и активно выступали с изложением своих взглядов на воспитание в печати. Как Рачинский и Ушинский, Победоносцев выступал за школу, выросшую «самыми корнями своими в народ», за школу, которая соответствует потребностям и представлениям народа и развивается «не по фантазиям доктринёров школ». В письме к императору Александру он пишет, что народ – это «единственная среда, в коей хра-

няться зиждущие инстинкты и зиждительные начала народной и государственной жизни» [61].

К. Победоносцев, противопоставляя школу формальную школе воспитательной, выступал против смешения понятий знание и умение, против просветительского характера школьного образования, против идеи «всё зло от невежества». Ибо то, что просвещению видится как невежество, Победоносцеву представлялось как «балласт», как инерционная сила, столь необходимая государству, обществу, человечеству. Разрушить – значит лишит корабль устойчивости. «В пренебрежении или забвении этой силы – вот в чём главный порок новейшего прогресса» [61].

Педагог, литературовед и философ В. Розанов внёс в дискуссию тему важности и необходимости создания философии образования. Будучи активным сторонником идеи национального характера школы, он в «Сумерках просвещения» писал о «беспочвенности русской мысли», об отсутствии в ней «христианской традиции», для которой «просвещение есть высшее земное дело, украшающее и возвеличивающее человека». Эта беспочвенность, выражающаяся в стремлении не только мелочно копировать зарубежные образцы, но и переделать «структуру русской души», ведёт к «слабости национального сознания», к «превращению своего кровного, национального в отвлеченную идею» [66].

Таким образом, мы можем отметить следующее. Русская педагогическая и государственная мысль не переставая обращалась к проблеме национальной школы, путей развития русского образования, обучения и воспитания. К

этой проблеме возвращались с целью совершенствовать систему обучения и воспитания в женской средней школе, когда она только начала создаваться, в течение всего процесса становления женской школы и накануне её краха в советской России. К истокам русской народной школы возвращались, чтобы обучить и воспитать думающего, грамотного, образованного гражданина России.

Крах царской России и установление Советской власти закономерно привел к реализации новых принципов построения школы. Пересмотр прежних ценностей и обращение к наследию сторонников русской национальной системы образования, обучения и воспитания придётся на конец XX столетия.

ГЛАВА 2 | ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА УРАЛЕ

2.1 СТАНОВЛЕНИЕ УРАЛЬСКИХ ЖЕНСКИХ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Буржуазные реформы, проведённые императором Александром I дали новый толчок развитию горнозаводской, обрабатывающей отраслям промышленности. В пореформенный период быстро развивалось сельское хозяйство региона, особенно на юге. На Урале складываются промышленные центры (Златоуст, Кыштым, Екатеринбург, Пермь и др.).

Развивается торговля. Появляются и свои центры торговли, например знаменитая Ирбитская ярмарка. Оренбургская и Троицкая ярмарки служили местом торговли между Европейской частью России и Уралом, а также Сибирью, Китаем, Средней Азией.

Важным центром торговли стал и Челябинск. В конце XIX в. из города вывозилось до 26 млн. пудов хлеба, на 600 тыс. рублей различных кож. Промышленность состояла из двух чаеразвесочных фабрик, плужного и механического заводов, нескольких мельниц, 15 кожевенных заводов, винного склада, пивоваренного завода и т.п. Общее число жителей к концу XIX в. достигало 55 тыс. человек.

В 1865 г. в Оренбурге открывается отделение Государственного банка России. Здесь проживает в 1861 г. 24 тыс. жителей, в 1897 г. – 74 тыс. В Оренбурге работало 109 скотобоен, салотопенных и кожевенных заводов, мельниц и т.п. заведений.

Известный толчок развитию экономики Урала дало железнодорожное строительство: в 1892 г. вступила в действие железная дорога Самара – Златоуст, ставшая частью Транссибирской железнодорожной магистрали.

Дальнейшее развитие получили гг. Златоуст, Кыштым, Миасс, Куса, Сатка и др.

По данным переписи 1897 г. на Урале увеличилась доля городского населения до 5,3 %.

Эти и другие экономические и социальные факты не могли не повлиять на быстрое развитие народного образования, и, прежде всего, на женское среднее образование.

В середине XIX в. Россия, вступив новую стадию экономического, финансового и культурного развития, нуждалась не просто в грамотных, а европейски образованных специалистах и знатоках своего дела. Развивавшиеся в стране рыночные отношения требовали изменений в подготовке специалистов разных профессий, нового отношения государства и общества к своим гражданам-мужчинам и – особенно! – к женщинам. Женщина, оставаясь женой и матерью, хранительницей семейного очага, должна была занять новое место и стать общественно значимой личностью: учителем, врачом, учёным, торговым работником, телеграфистом и т.д.

Об этом во всём цивилизованном мире и в России шли горячие споры. Русские писатели того времени, лучшие и знаменитые из них – Л. Толстой, Ф. Достоевский, Н. Чернышевский, И. Тургенев и другие – вывели на страницы своих романов новые художественные образы: это женщины нового типа, которые не удовлетворялись прежним положением и отвергали «коран» общественного мнения. В их числе «тургеневские девушки», Вера Павловна с её снами и другие.

Широкая общественность вела дискуссии на страницах популярных журналов: «Отечественных записок», «Современника». Выдающийся учёный и врач Н. Пирогов со страниц «Морского сборника» обратился с призывом к обществу изменить отношение к русской женщине, её месту и роли в семье, школе и государстве.

Голос общественности, который сыграл особую роль в развитии женского образования, был услышан правительством и в стране, и в отдельных её регионах, в частности на Урале. В конце 50-х гг. XIX в. здесь появились первые женские общеобразовательные школы. Отставая от Европы в развитии многих отраслей народного хозяйства, Россия, открыв женские гимназии, опередила её в становлении женского образования на многие годы.

На Урале (в силу того, что здесь освоение края шло очень бурными темпами) история женской средней школы началась гораздо раньше. «Девичье» училище, учреждённое в 1832 г. при Неплюевском кадетском корпусе в городе Оренбурге, 30 августа 1855 г. было превращено в закрытое и переименовано в Оренбургский институт императора

Николая I. Принятым уставом этот институт был отнесён ко 2-му, среднему разряду учебных заведений. Для него была определена и главная воспитательная задача – подготовка девиц «к добросовестному и строгому исполнению предстоящих им обязанностей», дабы они со временем могли быть добрыми жёнами и полезными матерями семейства. С этой целью в институте преподавали закон Божий; русский, французский и немецкий языки; арифметику, «курс явлений о природе», историю, географию и другие предметы [158].

На Южном Урале это было единственное женское среднее общеобразовательное учебное заведение, которое финансировалось и входило в общероссийскую систему школ ведомства учреждений императрицы Марии (ВУИМ).

Гораздо более массовыми были женские епархиальные училища, которые открывались Святейшим Синодом. Первое такое училище на Урале было открыто в городе Уфе 29 сентября 1862 г. Возраст поступавших сюда учениц – от 10 до 12 лет. В курс обучения входили закон Божий, арифметика, гражданская история, всеобщая и русская география, богослужение Православной церкви, церковное пение, чистописание и другие предметы. К преподаванию наук «на безвозмездной основе» приглашались наставники семинарии и духовных училищ, местные священники [2].

Так в системе женского образования, создаваемой на Урале, как и по всей стране, в 60-е гг. XIX в. появляется новое звено. Епархиальные училища для детей духовенства испытывали определённые трудности с педагогами, так как многие учителя работали в них по совместительству, либо

бесплатно, либо за очень умеренную плату. Эти и другие проблемы были обусловлены слабым, на первых порах, финансированием школ со стороны местных духовных властей. Две эти проблемы – учительский персонал и финансирование – вставали перед школой и в грядущем десятилетии.

30 мая 1858 г. императором Александром II было утверждено «Положение о женских училищах Министерства народного просвещения». Они должны были открываться в городах, жители которых «наиболее нуждаются в способах образования дочерей своих». Средства на содержание могли поступать от правительств, разных ведомств, сословий или частных лиц. Они шли «в безотчётное пользование начальницы» училища. Ей же единолично было предоставлено право определять размер платы за учение. Но эта плата не должна была, согласно закону, превышать либо быть меньше 35 рублей в училище 1-го разряда и 25 рублей в училище 2-го разряда. Для сравнения заметим, что в институты благородных девиц вносилась плата 150 рублей.

По этому положению курс училищ 2-го разряда был четырёхлетним, и в нём ученицы изучали закон Божий, краткую русскую грамматику, русскую историю и географию, четыре действия арифметики, учились рукоделию.

В училищах 1-го разряда давали знания по Закону Божьему, русскому языку, естественной истории, географии всемирной и русской, истории русской и всеобщей и другим предметам. Курс был рассчитан на шесть лет. К необязательным предметам, которым обучали за отдель-

ную плату, были отнесены иностранные языки, танцы, музыка, пение.

Рассмотрим, какую роль играли в открытии женских училищ Министерства народного просвещения на Урале на первых порах местные общества и местные органы управления.

В 1858 г. вятское купеческое сообщество решило вносить на открывавшееся в городе женское училище по полпроцента с «объявленных капиталов». Начальник губернии Н. Муравьёв, узнав о решении купцов, «нашёл, что этого мало». Он приехал в собрание купеческого общества и убедил его в необходимости увеличить взносы. Тогда купечество постановило вносить в течение 12 лет по полтора процента с «объявленных капиталов». Кроме того, купцы обязались после открытия в Вятке общественного банка назначить из его прибыли сумму на содержание школы, а также устраивать в её пользу лотереи [126].

На содержание училища в 1861–1862 учебном году поступило от города 1 254 рублей, прочих доходов – 4 542 рубля, в 1863–1864 учебном году пособие от города (1 117 рублей) фактически сравнялось с платой за обучение (1 122 рубля), прочие источники дали 3 672 рубля. Вплоть до 1870 г. ни государство, ни земства не вносили своего вклада в содержание Вятской Мариинской женской гимназии, выросшей из училища 1-го разряда. Она развивалась при поддержке частного и общественного благотворительного капитала.

В отчёте Пермской женской гимназии читаем, что губернатор Бернард Васильевич Струве (отец известного

деятеля оппозиции П. Струве) «обратил особое внимание на женское училище в видах поддержания его в материальном отношении и изъявил готовность жертвовать полтора процента из своего жалованья». «И тогда же, по его предложению, решили жертвовать чиновники губернского правления, губернского казначейства, Казённой и Счётной палат» [74].

Купцы и мещане города Котельнича Вятской губернии ходатайствовали об учреждении женского училища, для которого они выделили общественный дом и обеспечили (довольно редким путём) средства на его содержание. Деньги собирались из взносов с гильдийских капиталов и при совершении браков с жениха и невесты (с купцов 1-й гильдии по 5 рублей, со 2-й гильдии по 3 рубля, с 3-й гильдии по 1 рублю). Городской голова объявил, что, желая ускорить открытие училища, он жертвует на него свой дом и берёт на себя все расходы в первый год работы школы.

Таким образом, инициаторами открытия первых русских национальных школ на Урале становились купцы и мещане, которых поддерживали губернаторы и местные органы самоуправления.

В то же время, после издания Положения 30 мая 1958 г. в Министерство народного просвещения стали поступать жалобы и представления попечителей учебных округов, губернаторов на некоторые неудобства изданного акта. Среди прочих замечаний они указывали на то, что представители местных сословий, на чьи деньги учреждены училища, не допускаются к участию в их заведовании. Жаловались они и на бесконтрольное со стороны общества распоряжение

хозяйством, выбор должностных лиц и даже назначение платы за обучение начальницей училища, которая никем не избиралась и ни перед кем не отчитывалась.

Эти и другие недостатки Положения 1858 г. привели к принятию в 1860 г. нового «Устава о женских средних учебных заведениях». Главное отличие этого закона от предыдущего состояло в том, что для содействия успешному развитию женских училищ со стороны общества при каждом из них учреждался попечительский совет. В попечительский совет входили представители дворянства, чиновничества, купечества от уездов и городов, директор местной мужской гимназии, выполнявший обязанности председателя педагогического совета женского училища 1 или 2 разрядов, и начальница училища, избираемая попечительским советом, а также почётная попечительница, тоже на выборных началах. По новому положению губернаторы получали звание почётного попечителя всех женских учебных заведений на территории всей губернии.

С 1863 г. женские училища Министерства народного просвещения получили право называться гимназией. Почему? Однажды, докладывая императору Александру II об учреждении Екатеринбургского женского училища 1-го разряда, статс-секретарь Мансуров сообщил, что в двух проектах, представленных для рассмотрения, в одном оно называется училищем, а в другом – «гимназиею». Статс-секретарь подчеркнул, что «гимназия» противоречит сложившейся практике, т.к. «гимназиями» официально называются лишь училища, подведомственные принцу Ольден-

бургскому. Государь в ответ на это написал на докладе «гимназия».

Рассмотрим, как проходил процесс становления женских средних учебных заведений: из училищ в гимназии. К примеру, в 1860 г. в Оренбургской губернии (куда входила до 1875 г. и территория современной Челябинской области, и Башкирия) из трёх гимназий две были женские, в них обучалось 110 учениц, что составляло только 37 % всех учеников средних учебных заведений губернии.

В 1860 г. в г. Перми было открыто первое женское училище – будущая Мариинская женская гимназия, в которой обучалось в первый год 57 учениц от 8 до 16 лет. Учителя местной мужской гимназии в течение года работали в женском училище бесплатно [74].

Как отмечал в своём докладе попечитель Казанского учебного округа, куда до середины 70-х гг. XIX в. входили все уральские губернии, действительный статский советник Д. Шестаков, женские училища 1-го разряда в городах Вятке и Уфе «существуют безбедно», главным образом, при помощи единовременных пожертвований». Вятское училище поддерживалось преимущественно начальником губернии генерал-лейтенантом Струковым, а второе всем было обязано супруге Уфимского губернатора Софье Аксаковой. И попечитель делал вывод, что эти женские училища могут считаться обеспеченными до тех пор, пока они «будут пользоваться покровительством означенных лиц» [136].

Процесс становления женских средних школ на Урале (до реформы местных органов власти 1864 г.) проходил

при непосредственном участии губернаторов как почётных попечителей женских школ в губерниях и местного городского самоуправления. Позднее уже местные органы самоуправления дали толчок к поддержке женских училищ населением и открытию первых женских средних учебных заведений. В дальнейшем эти усилия были поддержаны всеми земствами.

Период 60-х гг. XIX в. вошёл в историю нашей страны как время великих перемен, изменивших облик России. За освобождением крестьян в 1861 г. последовали другие реформы, в том числе и местного самоуправления. Земство, составив с Городской Думой и управой единую систему местных органов управления, активно стало влиять на развитие женской школы. Влияние это было многоплановым и долготетним, зачастую превосходящим усилия губернаторов и городских властей.

Так, вопрос о народном образовании обсуждался уже на первом экстренном заседании Вятского губернского земства. В 1867 г. оно поставило перед собой важнейшей из задач в области развития народного образования подготовку учителей для земских школ. В этом же году губернное земство приняло решение о создании педагогических курсов при Вятской Мариинской женской гимназии и выделило средства на стипендии тем ученицам, которые в будущем пожелают стать учительницами. С 1872 по 1899 г. эти курсы окончили 830 человек, что, безусловно, помогло обеспечить учителями около 300 новых сельских школ [42].

Если в 1842 г. по всем губерниям России из общей суммы земских повинностей в 6 млн. ни одной копейки не

было предназначено для образования, то в 1868 г. по земским сметам 30-ти губерниям было ассигновано на народное образование 738 тыс. рублей, или 5 % всех расходов. И это было только начало.

В Троицком женском училище 2-го разряда из 2 092 рублей, поступивших на его содержание, 1 183 рубля, или 56,5 % было выделено Городской Думой. В 1866 г. на содержание Челябинского женского училища 2-го разряда поступило из Городской Думы 972 рубля, или 33 % общей суммы в 2 893 рубля [168].

В 1860-е гг. местные органы самоуправления, получив по Уставу 10 мая 1860 г. право принимать участие в открытии и содержании женских училищ 1 и 2-го разрядов, прямо или через попечительские советы этих училищ приступили к выполнению своих обязанностей. В ноябре 1861 г. в Бирское женское училище 2-го разряда на имя члена попечительского совета Юдиной поступила благодарность императора России за пожертвованный ею дом для училища, оценённый в 3 500 рублей. И таких примеров было очень много.

Деятельность местных органов самоуправления, попечительских советов привела к тому, что на Урале уже в первые годы реформ было открыто четыре женских училища первого разряда и восемь училищ второго разряда.

Среди того нового, что появляется в это время и навсегда остаётся неотъемлемым атрибутом женской средней школы на Урале и в России, стала такая форма материальной поддержки учениц, как назначение стипендий. В 60-е гг. XIX в. в уральских женских гимназиях появились пер-

вые стипендиаты. Их назначение было связано с активной позицией местных органов власти, поддержанной в Петербурге. Такие стипендии были назначены в Вятской и Екатеринбургской женских гимназиях уже в 1866 и 1867 г.

Стипендиальной поддержке в женском образовании сопутствует присвоение ряду уральских школ почётных наименований «Мариинских». Так, 15 июля 1865 г. управляющий Министерством народного просвещения докладывал царю, что «Государыня Императрица Мария Александровна, по доведению до Высочайшего сведения Её Величества об отличном состоянии Уфимского женского училища 2-го разряда, Всемилостивейше соизволила изъявить своё согласие на дарование сему училищу наименования «Мариинская» гимназия». В ноябре 1865 г. это почётное название получило и женское училище в городе Вятка [147].

Новые тенденции в жизни вновь созданных школ были закреплены в принятых позднее документах.

Так, 24 мая 1870 г. императором было утверждено очередное «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения», оставшееся руководством для них вплоть до 1917 г.

По новому положению женские училища 1 и 2 разрядов преобразовывались в гимназии и прогимназии. Они оставались открытыми учебными заведениями, предназначенными для девиц всех сословий. В организации управления женскими гимназиями и прогимназиями произошли существенные изменения: высшей местной властью для них стал попечитель учебного округа (а не губернатор).

Попечительские советы стали решать более узкие цели: изыскание материальных средств для школ, наблюдение за их хозяйством и благоустройством. Непосредственное управление гимназиями и прогимназиями было вверено начальнице, избираемой попечительским советом и утверждаемой в должности министром. Преподаватели, избираемые председателем педагогического совета, пользовались правами чиновничества и назначения пенсии, согласно образовательному цензу и соответствующему званию. Курс женских гимназий был увеличен с 6 до 7 лет, курс прогимназий сохранялся прежним. Министром просвещения объяснялось это «необходимостью водворить в «женских гимназиях и прогимназиях» учение основательное и удовлетворяющее население» [68].

В своих реформаторских действиях министерство не было одиноко, идя вслед за Святейшим Синодом. В 1868 г., то есть раньше, чем в Министерстве народного просвещения, был утверждён новый «Устав духовных женских училищ», которые стали называться епархиальными женскими училищами. Училища предназначались «для дочерей православного духовенства», хотя здесь могли учиться и учились лица других сословий. При училище учреждался совет для организации и контроля за учебной, нравственной и хозяйственной деятельностью. Его члены избирались на епархиальных съездах. Совет состоял из председателя, двух членов от духовенства, начальницы и инспектора училища. Совет занимался также вопросами приёма и увольнения воспитанниц, переводом из класса в класс, составлением

инструкций, приобретением учебных пособий и книг, выбором методической литературы для учителей [157].

Согласно Уставу 1868 г., в училище изучались следующие предметы: а) обязательные (закон Божий, русский язык, русская словесность, практическое ознакомление со славянским языком, арифметика и общие основания для геометрии, география всеобщая и русская, физика, педагогика, чистописание, церковное пение); б) необязательные предметы (немецкий и французский языки, музыка, рисование). Во внеурочное время ученицы занимались кройкой, шитьём, вязанием, домашним рукоделием.

Воспитанницы, окончившие полный курс обучения, могли получить, не подвергаясь особому испытанию, звание домашних учительниц по тем предметам, по которым показали хорошую подготовку.

Таковы были основные положения новых законов о женской средней школе России. Как же они действовали на Урале? Какие исторические традиции установились в ходе становления и развития этого типа учебных заведений?

Прежде уточним географические координаты и состав учебных округов. На Урале с 1875 г. женские гимназии и прогимназии, епархиальные училища, Оренбургский институт стали входить во вновь образованный Оренбургский учебный округ. Наряду с целым рядом поволжских губерний, Вятская губерния была оставлена в прежнем Казанском учебном округе.

Рассмотрим, как этот и другие факторы повлияли на динамику развития учебных заведений в уральских губерниях.

По-разному изменялось число женских средних учебных заведений на Урале в 60–90-е гг. XIX в.

В Вятской губернии оно выросло с 4 (1865 г.) до 10 (1875 г.), т.е. более чем в два раза. За последующие десять лет здесь открылась ещё одна гимназия, и на этом процесс роста числа школ этого типа прекратился вплоть до конца 90-х гг.

В Пермской губернии в 1865 г. было две женские средние школы. Для того чтобы приблизиться к числу школ этого типа в Вятской губернии, пермякам потребовалось 30 лет: в 1894 г. здесь было 8 женских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. Школ других ведомств здесь открыто не было.

В Уфимской губернии с 1865 по 1894 г. количество женских средних учебных заведений оставалось неизменным: три гимназии и одно епархиальное училище. В Оренбургской губернии число женских средних школ за тот же период выросло с четырёх до шести.

Всего же на Урале с 1865 по 1894 г. число женских средних учебных заведений выросло с 14 до 30, т.е. в два раза. В Вятской и Пермской губерниях тенденция роста числа учебных заведений превышала общеуральскую: в первой – в 3 раза, во второй – в 4 раза. В Уфимской и Оренбургской губерниях рост числа учебных заведений составил до 20 %, уступая и общеуральской, и отдельно взятым пермской и вятской губернским тенденциям.

В этот период в Вятской и Пермской губерниях основной прирост числа женских средних школ шёл за счёт женских прогимназий, которых здесь стало больше в пять

раз, а по Уралу более чем в три раза. Кроме того, в Пермской и Оренбургской губерниях прибавилось по одной гимназии. В Вятской и Оренбургской губерниях открылись первые епархиальные училища. За более чем тридцатилетний период конца XIX в. увеличение числа женских средних школ сопровождалось качественным изменением их состава: училища 1-го и 2-го разрядов были преобразованы в женские гимназии и прогимназии, стали открываться епархиальные училища.

Совсем по-иному растёт с конца 60-х гг. XIX в. количество учениц в женских средних учебных заведениях Урала: в гимназиях более чем в пять раз, в прогимназиях – в 7 раз, в епархиальных училищах – более чем в 10 раз, а во всех школах этого типа – в 6 раз. Эти общеуральские тенденции в процессе становления и развития женских средних школ выгодно отличались от аналогичных закономерностей в губерниях.

По отдельным губерниям Урала это выглядело следующим образом. В Вятской и Пермской губерниях за указанный выше период вырос контингент учениц: в женских гимназиях более чем в пять раз, в женских прогимназиях в 10 раз, в Вятском епархиальном училище в 4 раза.

В Уфимской и Оренбургской губерниях за это время состав учениц вырос: в женских гимназиях – в 3,5 раза, в женских прогимназиях – в 3 раза, в Уфимском епархиальном училище – в 4 раза, во всех этих школах вместе взятых – более чем в три раза. Несмотря на общий рост количества учениц этих двух губерний, они отставали по этим параметрам как от общеуральской, так и от отдельно взятых

Вятской и Пермской губерний. Причины неравномерного развития женской школы мы проанализируем позже, при рассмотрении уставных документов этих учебных заведений [Приложение 2].

Как было отмечено выше, устав женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения от 24 мая 1870 г. возложил ответственность за их развитие на начальника губернии, попечительский совет и почётную попечительницу, избираемую из влиятельнейших людей, способных своим авторитетом «содействовать благосостоянию» учебного заведения. Согласно уставу 1868 г. об епархиальных училищах, попечение о них вверялось местному духовенству и почётному блюстителю по хозяйственной части, который должен был содействовать «возможно лучшему содержанию училища» денежными и другими средствами. Попечением в Оренбургском девичьем институте занималась сама императрица России.

Выше мы уже рассматривали регламентируемую законом деятельность губернатора как почётного попечителя женской школы в своей губернии. Какой же была деятельность почётных попечительниц и местных органов власти, попечительских советов уже после принятия новых Уставов 1868 и 1870 гг. о женских средних учебных заведениях?

Попечительницами Вятской Мариинской женской гимназии в разное время были Е. Клингенберг, Е. Струве, Н. Компанейщикова и др. Все они были жёнами генерал-губернаторов, губернаторов, активными участницами процесса становления женской школы. Эта активность была отмечена на самом высоком уровне. За свою деятельность

Е. Клингенберг удостоилась высочайшей благодарности императора Александра II.

За что отмечали императоры своих помощниц? Главной заботой попечительницы гимназии Н. Компанейщиковой было содействие в приобретении помещения для гимназии. Кроме того, собранные при её участии 4 000 рублей дали возможность школе пережить самые тяжёлые в хозяйственном отношении 1866 и 1867 г. За решение этих и других вопросов Надежда Павловна получила благодарность от Императора России.

В Пермской Мариинской женской гимназии сохранили о себе добрую и светлую память почётные попечительницы, супруги губернаторов Т. Анастасьева и Е. Погодина. Первая содействовала сбору необходимых средств на строительство великолепного храма, спроектированного академиком Дютелем и вмещавшего одновременно 1 200 человек. Вторая помогла решить вопрос о выделении великолепного земельного участка в черте города под строительство учебного здания гимназии и общежития при ней.

Помнили и в Оренбургской Мариинской женской гимназии заботу, проявленную о школе супругой наказного атамана, губернатора, генерал-лейтенанта Астафьева, почётной попечительницей Софьей Астафьевой, которая во многом способствовала назначению стипендий, организации благотворительных балов и концертов для этой школы.

Таким образом, можно отметить, что большую роль в развитии первой русской национальной школы на Урале – женской средней школы – играли губернаторы и их супруги.

Епархиальные женские училища в основном финансировались местным духовенством, но могли получать средства и из других источников. Так, в 1867 г. жена статского советника Е. Левашова пожертвовала епархиальному училищу г. Уфы 5 тыс. рублей на стипендии для пяти сирот. В 1889 г. последовало освящение и открытие храма Оренбургского училища, построенного всецело на средства почётного блюстителя данного учебного заведения, купца С. Иванова [167].

Как видим, и в епархиальных училищах почётные блюстители (попечители) жертвовали средства, которые играли значительную роль в развитии школ, укреплении их материального положения.

Уставы первых лет реформ 60-х гг. XIX в. определяли, что женские средние школы могли учреждаться не только на частные, но и на общественные средства. Эти средства находились в распоряжении местных органов самоуправления. И благодаря этому их роль в развитии женской средней школы значительно менялась.

Так, на содержание Пермской Мариинской женской гимназии с 1860 по 1869 г. в среднем поступало ежегодно от городского самоуправления по 13 %; с 1870 по 1879 г. земства и город ежегодно выделяли более 50 %; с 1880 по 1889 г. – по 52 %; до конца века сумма от местных органов власти в бюджете гимназии составляла около 45 %.

Однако значительно больший интерес представляет вопрос о роли имевшихся губернских и уездных земств и Городских Дум в становлении и развитии женской средней школы на Урале. В этом плане крайне важно изучение

основных направлений их деятельности; выявление общих и специфических условий, а также содержания этой работы на Урале, в целом, и в губерниях, в частности.

С начала 70-х гг. XIX в. начали свою работу Пермское губернское и уездные земства. В первое десятилетие их деятельности губернское земство передало для женской средней школы 61 740 рублей, что составляло почти 58 % всех выделенных им средств на мужскую и женскую среднюю школу. Через десять лет пособия губернского земства на женские средние школы выросли до 128 500 рублей, т.е. почти в 2 раза, и составляли 48,9 %. В получении этих средств женская средняя школа незначительно уступала мужским учебным заведениям. С 1890 по 1894 г. женские школы получили 64 000 рублей, т.е. за пятилетие столько, сколько за период с 1870 по 1879 г. Сумма составила 57,7 % всех средств, выделенных этим земством на среднюю школу. Деньги пошли на решение следующих земских программ по школе: подготовку домашних учительниц и учительниц сельских школ (1872 г.), содержание педагогических курсов и классов (1874 г.), помощь женским прогимназиям (1877 г.), повышение зарплаты, строительство зданий (1881, 1884, 1885 гг.), оплату обучения учениц (1885 г.), оборудование собственного храма Пермской Мариинской женской гимназии и другие нужды [151].

Одним из первых постановлений принятых Вятским губернским земством, стало решение об оказании постоянной финансовой помощи местной губернской гимназии (Толчком к принятию решения было покушение на императора Александра II в Париже 25 мая 1867 г.). На эти сред-

ства земство открыло педагогические курсы и класс для подготовки учительниц сельской школы. Отдельные решения земства носили рекомендательный характер для попечительского совета этой гимназии. Так, в 1874 г. губернское земство, выделяя пособие Мариинской гимназии, просило попечительский совет рассмотреть возможность освобождения почти 20 бедных учениц от платы за право обучения. Земство просило об освобождении того же числа учениц, какое освобождалось попечительским советом гимназии по просьбе городских органов самоуправления. С 1867 г. губернское земство оказывало ежегодную помощь стипендиями ученикам высших, средних и низших учебных заведений на сумму в 1 000 рублей. До конца 1891 г. этим пособием воспользовались 143 человека, в том числе семь учениц, ставших слушательницами высших женских курсов [151].

С 1875 г. аналогичную работу в Уфимской Мариинской женской гимназии проводило местное губернское земство, которое с остальными женскими школами не сотрудничало и не оказывало столь широкую материальную помощь бедным ученицам, как другие уральские земства. Уфимское земство работало не совсем ровно. Например, им было выделено для губернской гимназии пять стипендий, финансирование которых затем было прекращено на 12 лет, а позже вновь возобновлено. Почему такое стало возможным? Основная причина была в том, что Уфимское губернское земство не приняло решение о постоянном характере выделяемых им средств на нужды школы, как это произошло в других губерниях уральского региона, где статья

расходов на народное образование росла, а если и уменьшалась, то не так катастрофически. Так, общий расход на народное образование Уфимского губернского земства составил в 1875 г. 0,9 %, в 1880 г. – 5,6 %, в 1885 г. – 7,5 %, в 1890 г. – 4,1 %, в 1895 г. – 9,57 %. В смете Пермского губернского земства расходы на народное образование составляли в 1875 г. – 6,5 %, в 1880 г. – 14,5 %, в 1885 г. – 17,1 %, в 1890 г. – 14 %, в 1895 г. – 14 %.

Уральские губернские земства увеличивали долю расходов на школу в общем объёме финансирования по сравнению с другими направлениями своей деятельности. В Пермской губернии этот рост был в 2–2,5 раза выше, чем в Уфимской губернии, поэтому в Пермской губернии количество женских средних школ и учениц в них росло быстрее, чем в Уфимской губернии. В Оренбургской губернии одной из причин, влиявших на процесс развития школы, стало отсутствие местных органов управления, которых не было здесь до 1914 г.

Однако сводить причины роста или отставания в становлении женской средней школы на Урале только к финансированию или деятельности земств и городов было бы не совсем правильно. Не последнюю роль в развитии женской школы играл, к примеру, этнический фактор – Урал был многонациональным районом России.

Ещё в 1894 г. Уфимский губернатор, оценивая влияние этого фактора – многонациональность населения губернии – на развитие народного образования, писал, что причины медленного становления народных школ в Уфимской губернии кроются «в бытовых особенностях

разноплеменного состава жителей губернии, большая половина которых, а именно 1.113.035 душ магометанского населения, не только не сочувствует русской школе, но под влиянием религиозного фанатизма и подозрительности явно ей противодействует. Зато другая половина населения, состоящая из крестьян и инородцев, не только крещённых, но и пребывающих ещё в язычестве, с каждым годом всё более и более проникается сознанием пользы образования и стремлением к открытию школы» [131].

Мы считаем, что эти оценки можно отнести, без ущерба для истины, к причинам, так или иначе повлиявшим на развитие женской средней школы и в других губерниях Урала.

В Пермской и Вятской губерниях русское население составляло 95 %, что не могло не повлиять положительно на более значительные, чем в Уфимской губернии, темпы роста числа женских школ и количества учениц в них. Кроме того, эти учебные заведения получали всё возрастающую материальную поддержку местных земских и городских органов самоуправления. Однако в Оренбургской губернии, при наличии значительного числа русского населения, отсутствие земств привело к тому, что эта губерния по темпам развития женской средней школы стояло в одном ряду с Уфимской губернией, а не с Вятской или Пермской губернией, в которых на развитие женских средних учебных заведений положительно влияли два взаимосвязанных фактора: русский состав населения и местные органы самоуправления.

Ещё одной, пусть не самой главной для женской средней школы причиной, вызвавшей сокращение темпов роста и развития школ на Урале и в России, было решение, принятое совещанием Совета Министров в июле 1879 г., которое ограничивало на некоторое время дальнейший рост числа женских гимназий на территории всей империи [146].

Чаще всего местные органы власти – городское самоуправление и земства – действовали совместно. Как конкретно? Рассмотрим это на примере финансирования Ирбитской Городской Думой и земством местной женской трёхклассной прогимназии. Это учебное заведение в начале 70-х гг. XIX в. получала на содержание около 2 630 рублей: от Городской Думы – 1 330 рублей, от земства – 650 рублей, от городского казначейства – 500 рублей; сбор платы за право учения составлял 200 рублей. Местные органы власти выделяли 1 930 рублей, или 73 % всех доходов прогимназии. В конце 80-х гг. XIX в. она получила на своё развитие 5 891 рубль: от Городской Думы – 3 160 рублей, от земства – 1 120 рублей, от казны – 675 рублей; сбор платы за право учения составил 423 рубля, продажа рукодельных изделий и пожертвований принесли 512 рублей. Доля Городской Думы и земства в содержании Ирбитской прогимназии составила 4 280 рублей, или 72 % всего её бюджета. Рост расходов был связан с открытием 4-го класса (1882 г.), введением преподавания педагогики (1884 г.), пособием на постройки здания (1878, 1883 гг.), увеличением количества учениц и связанных с этим расходов (1877 г. – 107 чел., в 1888 г. – 195 чел.) [87].

Итак, ответим на вопрос о том, как менялось место и роль местных органов самоуправления в становлении и развитии женской средней школы на Урале в 70–90-е гг. XIX в.? Во-первых, к городским органам власти в финансировании женской школы присоединились земства. Во-вторых, выросли бюджетные ассигнования местных органов власти на женскую среднюю школу. В-третьих, роль уральских органов власти в 70–90-е гг. в этом вопросе была значительно выше других губерний России. Так, в 1875 г. женские гимназии и прогимназии Урала получили от городских обществ и земств 53 % всех средств, а в России эта цифра составила 32 %. В 1890 г. местные власти Урала выделили женским гимназиям и прогимназиям 43 %, а в России – 28 % всех средств [177; 117; 121].

Несмотря на некоторое уменьшение доли местных органов власти в финансировании женских средних учебных заведений, их роль была наиболее весомой – первой на Урале и второй в России – среди тех источников, которые питали своими средствами женские средние школы.

Кроме того, финансирование в 70-х гг. по своим масштабам не было равным 90-ым гг. составляя в первом случае 45 462 рубля, а во втором – 88 336 рублей, оно увеличилось в два раза. В России мы наблюдаем ту же закономерность: в 1875 г. – 478 511 рублей, в 1890 г. – 1 027 855 рублей, т.е. произошло увеличение ассигнований более чем в два раза.

Усилия местных органов управления не пропадали даром, попадая на благоприятную почву, которую создавало правительство страны: местные органы власти постоянно

увеличивали число низших учебных заведений и количество учениц в них, чем создавали условия для роста педагогического поля, на котором могли трудиться выпускницы женских гимназий, прогимназий, епархиальных училищ и институтов.

Правительство России, во-первых, предоставило выпускницам женской средней школы право самостоятельно трудоустройства по целому ряду ведомств, например, почты и телеграфа, здравоохранения и торговли.

Во-вторых, борьба за женское высшее образование, которую вели многие поколения, завершилась тем, что выпускницы женских средних учебных заведений получили возможность продолжать учёбу не только в заграничных высших школах, но и в России. Через пять лет после того, как первая женщина в Европе была допущена в Цюрихскую высшую политехническую школу (и эта женщина была из России), в 1876 г. в самой России открываются первые высшие учебные заведения для женщин – Высшие женские курсы в Казани, позднее; в 1878 г. – в Санкт-Петербурге и Киеве. В 1897 г. по всей стране насчитывалось уже 7 тыс. женщин, учившихся в высшей школе [45].

В-третьих, правительством всемерно поощрялось поступление выпускниц женских средних школ на должности учительниц в начальные классы женских гимназий и учительниц в начальные школы.

На Урале постоянно расширялось педагогическое поле для деятельности лиц, получивших учительские звания, т.е. росло число школ и количество учениц в них, а вместе с этим увеличивался и контингент учителей. Так, в Вятской

губернии в 1870 г. было 552 школы с 20 тыс. учащихся, а в 1875 г. – 637 школ с 29 700 учениками, в 1885 г. – уже в 829 школах обучалось 55 575 мальчиков и девочек, а в 1895 г. – 1 851 школу посещало 83 948 человек. За 25-летний период работы только Вятского земства педагогическое поле выросло по числу школ в 3 раза, а по количеству учащихся в 4 раза [140].

В это время открывались и новые школы Святейшего Синода России, чем также расширялось педагогическое поле для деятельности выпускниц епархиальных женских училищ этого ведомства. Так, в Соликамском уезде Пермской губернии начали свою работу 60 школ духовного ведомства, куда шли работать выпускницы Пермского епархиального училища.

С 1856 по 1896 г. только количество учениц начальной школы увеличилось в 22 раза, число женских средних учебных заведений выросло с 1865 по 1895 г. в 12 раз [24].

В этот период женская и другие типы школ России начали предъявлять повышенные требования к профессиональным качествам учителей, прежде всего к их образовательному уровню. Уже по переписи 1880 г. около 40 % учителей и учительниц сельских школ европейской России составляли лица, окончившие гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения, духовные семинарии и женские епархиальные училища Святейшего Синода. Из них 63 % учительниц сельских школ получили образование в женских средних учебных заведениях [49].

На Урале, как и в России, шли процессы, которые меняли облик учителя и особенно учительницы. В 1889/1890

учебном году в Пермской губернии в начальной школе работало 2 065 человек, в том числе 725 учительниц. Последние по образовательному цензу подразделялись следующим образом: с высшим образованием – 2 человека, со специальным образованием – 33, со средним образованием – 259 (37 %), со свидетельством на звание учительницы, т.е. имевшие как минимум 4 класса женской гимназии или полный курс прогимназии, – 396 (54 %), без документов работало 35 человек, то есть около 90 % всех учительниц имели полное или неполное среднее образование. Конечно, о таком уровне образования учителей в 60–70-е гг. XIX в. не могло быть и речи.

Кстати, о довольно высоком профессиональном уровне учителей писали уральские исследователи ещё в XIX в. Они подчёркивали, что в целом подготовка учителей в женской средней школе стоит значительно выше, чем в мужской. Один из них, Н. Синецын, отдавая должное высокому образовательному уровню гимназистов, одновременно отмечал, что за ними по этому показателю идут окончившие курс в женских епархиальных училищах, которые, однако, по своему общему уровню и по специальной подготовке уступали гимназисткам. Но самым многочисленным отрядом педагогов Н. Синецын справедливо считал выпускниц женских прогимназий, которые по продолжительности работы, по своим педагогическим способностям «успешно конкурируют» с педагогами-мужчинами, вышедшими из низших учебных заведений. О мужчинах-учителях он говорил, что эти лица «вовсе не педагоги, потому что в гимназиях и реальных училищах и помину нет о

методике, дидактике, педагогике, психологии», т.е. всего того, что в той или иной степени изучалось в уральской средней школе и влияло на профессиональную подготовку женщин-учителей [75].

Подчеркнём, что на рост профессионального уровня учительниц в уральских школах, безусловно, влиял процесс становления системы женского образования и подготовки учительниц в педагогических, 8-х классах гимназий и 6-х классах епархиальных училищ.

С 1885 по 1900 г. на Урале выросло количество женских средних школ. Основной прирост этих учебных заведений составили женские гимназии, число которых выросло с 10 до 15. Но в общем числе женских школ здесь преобладали прогимназии. Общее количество учителей за 15 лет увеличилось с 236 до 378 человек, т.е. почти в 1,5 раза. При этом число женщин-учителей выросло почти в два раза, тогда как мужчин более чем на 50 %. В женских гимназиях и прогимназиях почти в два раза поднялась цифра учителей со средним образованием. Женщин-учителей с дипломом средней школы было и в 1885 г. и в 1900 г. почти в три раза больше, чем мужчин-учителей. Число лиц с низшим и домашним образованием за эти годы сохранилось у женщин на прежнем уровне и незначительно уменьшилось у мужчин. В это время появляются и женщины-учителя с высшим образованием.

Образовательный ценз учителей женских епархиальных училищ тоже менялся в лучшую сторону. В 1889/1890 учебном году в Оренбургском училище преподавало 5 человек с академическими дипломами, 3 человека с универ-

ситетским образованием, 3 человека окончили епархиальное женское училище. В 1895–1896 учебном году здесь работали 8 человек с академическим образованием, 3 – с университетским, 6 человек получили дипломы епархиальных училищ, 5 – закончили полный курс женских гимназий. Как и в женских школах Министерства народного просвещения, в епархиальных училищах выросло число учителей, поднялся и образовательный уровень педагогических коллективов.

Кроме вышеназванных характеристик расширявшегося педагогического поля женской средней школы Урала, нам необходимо хотя бы коротко остановиться на тех его элементах, которые указывают на глубину происходивших изменений. Это, к примеру, развитие школьного библиотечного дела и динамика роста числа выпускниц.

Каждая средняя школа на Урале к середине 90-х гг. XIX в. имела библиотеку, которая постоянно пополнялась и разделялась на фундаментальную (для учителей) и ученическую.

Например, в библиотеке Вятской Мариинской женской гимназии насчитывалось в 1874 г. – 843, в 1884 г. – 1 889, 1889 г. – 3 329 томов. В год образования Оренбургского епархиального училища (1889 г.) на его полках лежало 217 томов, а через пять лет – 452 книги.

Отметим следующую тенденцию, которая характеризовала развитие школы: в тех губерниях, где местные органы власти оказывали систематическую помощь школам, библиотеки были богаче. Например, в Пермской губернии в библиотеках женских средних школ в 1875 г. насчитыва-

лось почти 3 000 томов, в Оренбургской губернии чуть больше 1 000, в Уфимской и того меньше – только 700 томов, то есть на две губернии, где или не было местных органов власти (Оренбургская), или они были слабы (Уфимская) и не могли помогать женской школе в достаточной мере, книг приходилось в два раза меньше, чем там, где местная власть работала (Пермская). Превосходство Пермской и Вятской губерний в развитии школьного дела, отражённое фондами библиотек, к концу XIX в. возросло: в этих губерниях было сосредоточено 77 % всех книг, находившихся в женских гимназиях и прогимназиях Урала. Это, в свою очередь, ставило учителей и учениц школ в более привилегированное положение по условиям обучения и не могло не сказываться на увеличении числа выпускниц (см. табл. 1)

Таблица 1

**Число учениц, окончивших курс обучения
в женских гимназиях и прогимназиях**

Тип, название учебного заведения, место его нахождения	Количество выпускниц			
	1880 год	1885 год	1890 год	1895 год
Гимназии				
Оренбургская	42	35	37	30
Уфимская	10	35	43	30
Пермская	42	49	73	91
Екатеринбургская	41	62	63	59
Всего	145	181	216	210
Прогимназии				
Оренбургская губерния				
Оренбургская	11	24	27	41
Троицкая	11	16	15	14

Окончание таблицы 1

Челябинская	10	12	9	10
Всего	32	52	51	65
Уфимская губерния				
Мензелинская	12	14	17	21
Бирская	6	9	8	7
Всего	18	23	25	28
Пермская губерния				
Ирбитская	6	9	23	19
Кунгурская	18	18	17	6
Камышловская	11	36	15	18
Пермская	-	25	38	35
Осинская	-	-	10	18
Красноуфимская	-	-	-	16
Всего	35	88	103	112
Всего в прогимназиях				
Всего в прогимназиях	85	163	179	205
Итого	230	344	395	415

Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1364. Л. 20; Д. 1369. Л. 22; Д. 1379. Л. 11; Д. 1378. Л. 10.

Таблица свидетельствует о постоянном росте числа выпускниц в женских гимназиях и прогимназиях Урала. Темпы роста были наиболее высокими в Пермской и Екатеринбургской гимназиях, где количество выпускниц в два (1880 г.), в три (1885 г.), в пять (1895 г.) раз превышали число окончивших гимназии в Оренбургской и Уфимской губерниях. Число учениц пермских прогимназий, бывшее в начале 1880 г. почти в два раза меньше, чем в Оренбургской и Уфимской губерниях, позднее выросло и достигло фактически их численности. В прогимназиях Пермской губер-

нии число выпускниц превышало их количество в Оренбургской и Уфимской губерниях. Это положение сохранялось до 1895 г., когда прогимназии Пермской губернии выпустили 112 человек, Оренбургской губернии – 65 человек, т.е. почти в два раза меньше, Уфимской губернии – 25 человек, т.е. почти в пять раз меньше, чем в Пермской губернии.

В целом таблица показывает рост числа выпускниц женских средних учебных заведений, а это, в свою очередь, характеризует динамику развития женского среднего образования на Урале в 60–90-е гг. XIX столетия.

Причиной этого было не только увеличившееся число гимназий и прогимназий на Урале, но и, главное, постоянное внимание к нуждам этих школ со стороны эффективно действующих местных органов самоуправления

Таким образом, в России, на Урале для женщин были созданы условия и для получения образования, и для получения педагогической профессии, и для получения места работы в школах.

В заключение необходимо отметить, что на Урале, как и по всей стране, во второй половине XIX в. начался процесс становления женской средней школы.

В самом начале процесса становления женских учебных заведений местные органы самоуправления, а также общественные организации купцов и мещан выступали инициаторами открытия женских средних учебных заведений и их финансовой поддержки, нередко жертвуя при этом из своих средств и своего имущества. В этом они находили поддержку со стороны губернаторов. В результате

были открыты первые женские училища 1-го и 2-го разрядов Министерства народного просвещения (20), женские духовные училища Святейшего Синода (3), которые вместе с Оренбургским институтом благородных девиц (1) составляли к середине 90-х гг. XIX в. систему уральской женской средней школы.

Кроме того, нужно подчеркнуть, что во всех уральских губерниях почётными попечительницами женских гимназий избирались действительно уважаемые люди – супруги губернаторов, которые или сами, или через своих мужей помогали учебным заведениям в приобретении земельных участков, сборе средств на стипендии, строительство школьных зданий, храмов и т.д. Будучи довольно значительной, их помощь способствовала дальнейшему росту гимназий, решению многих проблем, но полностью не устраняла последние, т.к. эта помощь носила временный характер.

С 1864 года после принятия законов о местном самоуправлении в России губернские и уездные земства, Городские Думы стали играть ведущую роль в формировании женской средней школы.

Говоря о роли и месте земств и Городских Дум в создании первой русской национальной школы на Урале отметим следующее: во-первых, к городским органам власти в финансировании женской школы присоединились земства; во-вторых, выросли бюджетные ассигнования местных органов самоуправления на женскую среднюю школу; в-третьих, земства и Городские Думы на Урале в большей

степени финансировали школу, по сравнению с их коллегами в других регионах России.

Отсюда и результат. В процессе становления женские средние учебные заведения претерпевали качественные изменения. Все женские училища 1-го и 2-го разрядов были преобразованы в 1870 г. и в дальнейшем стали называться женскими гимназиями и прогимназиями. Это был, образно говоря, переход от «училищного» этапа развития женской средней школы (1858 г.) к «гимназическому» (с 1870 г.). Кроме того, женские духовные училища Святейшего Синода были преобразованы в епархиальные женские училища и таковыми оставались в дальнейшем, вплоть до переименования их после 1917 г. в православные гимназии. Учебное заведение ведомства учреждений императрицы Марии – Оренбургское девичье училище при Неплюевском кадетском корпусе стало Оренбургским женским институтом им. императора Николая I (1855 г.), которое оставалось таковым, без изменений и по названию, и по сути, до 1917 г.

Особенностью процесса становления женской средней школы на Урале было наличие в нём как российских, так и уральских признаков. Например, женская средняя школа Уральского региона финансировалась частными и общественными организациями и их структурами. Это российская черта, которая была закреплена уставом новой школы в 60–70-е гг. XIX в. Но были и свои, чисто уральские особенности, влиявшие на процесс становления женской средней школы. В Уфимской губернии многонациональный состав населения, и в особенности преобладание мусульман над

христианами создавали препятствия для широкого развития русской школы, так как сокращалось педагогическое поле за счёт того, что население края не отдавало своих детей в русские школы. Почти полное отсутствие лиц мусульманской национальности в этих школах говорит о довольно мягком и лояльном подходе российских властей к распространению русской и европейской культуры в этом регионе и уважительном отношении к местным обычаям.

С другой стороны, преобладание русских и православных в Вятской и Пермской губерниях способствовало тому, что здесь русская женская средняя школа, поддерживаемая населением, местными органами самоуправления, находила весьма благодатную почву для своего развития и здесь было наибольшее на Урале число школ, учениц и учителей.

Другая особенность состояла в том, что в Оренбургской губернии не были созданы земские органы власти, поэтому здесь процесс формирования женской средней школы по своим масштабам был таким же, как в Уфимской губернии, несмотря на то что национальный состав был ближе к Вятской, а не к Уфимской губернии. Кроме того, необходимо помнить, что в Оренбургском крае были сильны казачьи традиции, которые влияли на развитие казачьих школ, являвшихся частью русской национальной школы на Урале.

Роль земств и городских Дум и управ в развитии школы была не просто значительной, но и определяющей, о чём свидетельствует постоянный рост финансирования ими всего народного образования, отдельных школьных

систем и непрерывное увеличение в сметах женских средних учебных заведений Урала доходов за счёт пособий местных органов власти.

Процессу развития женской средней школы способствовало и правительство страны: введение самостоятельного трудоустройства, давшее льготы для работающих в школах выпускниц педагогических курсов и классов, формировавшее школьную социальную политику (об этом далее в 3 главе).

В 60–90-е гг. XIX в. расширяется педагогическое поле Урала и одновременно закладываются основы для дальнейшего развития школы: формируются профессиональные учительские кадры – одна из составляющих уральской и российской интеллигенции; растёт число школ и учениц в них, совершенствуется материальная база.

Этому способствовало то, что земствами реализовывались собственные программы от подготовки новых учительских кадров до строительства школ и открытия земских учебных заведений.

Процесс развития женской средней школы вышел на новый уровень уже в конце XIX – начале XX в.

2.2 | РАЗВИТИЕ УРАЛЬСКОЙ ЖЕНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ РУССКОЙ

В начале XIX в. для царского правительства России особенно острой проблемой стала выработка государственной

идеологии и определение способов соединения новых земель в единое целое. Включение в состав империи польских земель, завоевание Финляндии, присоединение Грузии и Средней Азии кардинально изменили суть национального вопроса в России. В качестве основного пути закрепления было избрано постепенное внедрение единственного государственного языка – русского – на всех уровнях административного управления и суда, а также в государственной школе.

Тенденция к русификации малочисленных народов и наступление на самобытность более крупных наций, наметившиеся при Николае I, стали особенно отчётливыми в царствование либерального Александра II. Формально российское законодательство почти не знало правовых ограничений по национальному признаку. Законами же были ограничены в правах евреи, а с 1864 г. поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали правовые ограничения для татар-мусульман. Правовые ограничения действовали в зависимости от конфессионального признака и степени влияния государственного (русского) языка. Поскольку, однако, конфессиональные различия в основном совпадали с национальными, ограничения имели национальный характер [96].

Официальных документов, формулировавших принципы национальной политики царизма, в целом не существовало. Национальная политика формировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе.

В Царстве Польском после 1864 г. (польского восстания – Л.К.) в средней и высшей школе полагалось преподавать по-русски, причём в гимназиях это требование распространялось на закон Божий католического вероисповедания, а от его преподавания были отстранены католические священники.

В 1863 г. было запрещено печатание на украинском языке книг духовно-нравственного содержания. В 1875 г. был запрещён ввоз из-за границы любых украинских книг.

В 1870 г. в Волжско-Камском регионе было решено открывать казённые начальные училища в местностях со сплошным татаро-мусульманским населением, в которых обучение велось бы в основном по-русски (русско-татарские школы), и располагать «мусульманские общества к открытию классов русского языка в конфессиональных школах, не разрешая открывать новые без таковых».

Царствование Александра III ознаменовалось усилением националистических тенденций во внутренней политике. Они вытекали из общей идеологии царствования и психологического настроения самого императора, были связаны с ускорением процесса капиталистического развития России, втягивания её в мировую систему разделения труда и с реакцией на этот процесс российского помещичьего дворянства и старорусского купечества. Эти тенденции в некоторой степени были также ответом на пробуждавшееся национальное самосознание ряда народов России.

Задавшись целью заменить немецкое влияние в Прибалтике русским, правительство в 1885 г. приняло закон о переводе делопроизводства во всех присутственных местах

на русский язык. В 1887 г. все начальные школы были переведены в ведение Министерства народного просвещения, в 1887–1893 гг. было введено обязательное преподавание на русском языке в средней (государственной и частной) школе.

В 1884 г. Особое совещание под председательством Министра внутренних дел Д. Толстого запретило существование армянских церковно-приходских школ вне церквей и монастырей и потребовало ввести в них преподавание русского языка, истории и географии России на русском языке (изъяв из программ историю и географию Армении).

С началом царствования Александра III была введена процентная норма для поступления евреев в учебные заведения (1886 г.).

Ограничительная политика в 80–90-х гг. XIX в. коснулась и мусульман. В 1885 г. Комитет министров принял допуславшее самые широкие толкования постановление, запрещающее замещать должности «фанатикам-мусульманам». Тогда же они были лишены права преподавать в казённых средних учебных заведениях.

Подобную политику в отношении национальных школ разных народов России проводил и Николай II, что не могло не стать одной из причин участия интеллигенции в революционном, антиправительственном движении.

По отношению же к русскому народу школьная политика правительства носила иной характер. Основные черты этой политики на Урале и в России мы рассмотрим на примере женской средней школы. Но вначале одно важное замечание.

В Российской империи, как и вообще на Востоке, религии в значительной степени носили национальный характер. В России каждая народность имела свою определённую религию и переход из одной религии в другую был сопряжён, по большей части, с утратой прежней национальности и равносителен приобщению данного лица или данной группы лиц к другой или другим национальностям. Таким образом, русские, греки, молдаване, картвельцы и восточные финны почти в полном составе принадлежали к православной церкви; поляки-литовцы – к римско-католической; армяне – к армяно-григорианской и армяно-католической; германцы – к протестанским исповеданиям; тюрко-татары и иранцы являлись последователями Магомета; монголы, за малым исключением, – Будды и еврейский народ в полном составе исповедовал иудейскую религию, с которой тесно связано его существование как такового [133].

Христиане православного вероисповедания составляли 69,3 % всего населения России и состояли главным образом из русских, среди которых было 95,4 % последователей этой церкви.

И на Урале, и в России женская средняя школа развивалась как «русская национальная школа». Это её типичная, главная отличительная черта. Русскому «национальному духу» была подчинена вся школьная политика правительства России: учебные планы и программы, формирование определённого вероисповедального состава учеников и учителей, социально-экономическая практика школьной жизни, воспитательный процесс и т.д.

На наш взгляд, женская средняя школа Урала того времени характеризуется следующими основными признаками:

- во-первых, она являлась русской национальной и общеобразовательной по учебным предметам, содержанию уроков и русскому языку обучения;

- во-вторых, она была православная, русская по вероисповедальному составу учениц, в ней обучавшихся, и национальной, русской по основной, титульной нации, представители которой обучались в ней;

- в третьих, она была многонациональной, т.к. в ней, в единственной в России и на Урале, где кроме детей русской национальности, обучались дети других наций и народностей;

- в-четвёртых, женская школа являлась демократической (народной) по сословной принадлежности родителей учениц и источникам финансирования.

В понятие «демократическая» мы вкладываем наше представление о том, что в школе обучались дети из семей работников наёмного труда, т.е. получавших за свой труд заработную плату, которая являлась основным источником доходов, а также дети из крестьянских семей и низшего духовенства. Это так называемые «городские» и «сельские» сословия. И именно они с 90-х гг. XIX столетия составляют основную часть детского контингента в женских гимназиях и прогимназиях, епархиальных училищах Урала [Приложение 10].

Говоря о демократических источниках финансирования, заметим следующее: во-первых, основным источником

доходов женской средней школы является плата за обучение [Приложение 3, 4, 5]. Во-вторых, представители городских и сельских сословий, чьи дети в основном обучались в женских школах, вносили эти деньги. Кроме того, демократические органы местного самоуправления – земства и Городские думы – оказывали материальную и иную помощь женской школе, её выпускницам, в большей степени чем государство. Это тоже является частью содержания понятия «демократическая» женская средняя школа и является характерным признаком русской национальной школы России и Урала.

Рассмотрим первый из четырёх признаков женской средней школы как национальной – русская и общеобразовательная по предметам, содержанию и языку обучения. Для этого исследуем учебные планы и программы.

Для их анализа воспользуемся такими понятиями, как «русские национальные предметы и уроки» и «общеобразовательные предметы и уроки». О существовании такого разделения и о сути этих предметов велась речь как в начале XX в., так и в более поздний период.

Программы женских гимназий и прогимназий 60–70-х гг. XIX в. отвергали узкие цели, которые ставились перед женским образованием в Западной Европе (т.е. подготовка только хороших хозяек и добродетельных жён и матерей, в сущности полуобразованных людей), и были ориентированы на воспитание из русских девушек широко и глубоко образованных граждан. С этой целью в программах женских гимназий были предметы, развивавшие религиозные чувства, такие как закон Божий, и предметы, развивающие

ум, нравственные чувства и разумную любовь к Родине: русская литература, русская история, русская география, а также предметы, «изоцряющие формальное мышление, каковы математика, алгебра и геометрия» и т.д.

О том, что национальные, религиозные, культурные понятия связаны между собой и опираются друг на друга, что коренной чертой русской нации считается религия, говорили многие учёные. В их числе и П. Милюков, который в полемике с С. Булгаковым утверждал, что более прав, чем думает, когда говорит, что «национальная идея опирается не только на этнографические основания, но и, прежде всего, религиозно-культурные» [51].

И, наконец, если говорить о последней попытке реформирования в 1915 г. женской средней школы и вообще средней школы России, то одним из важнейших направлений считалось «уменьшение многопредметности с усилением национального характера преподавания: усиление преподавания русского языка, русской литературы, истории и географии России». Язык обучения – русский [50].

Таким образом, в состав русских национальных предметов входили закон Божий, русский и церковнославянский языки, русская литература, русская история и русская география. Основу общеобразовательных предметов составляли математика, алгебра, физики, геометрия, общая география и общая история, педагогика.

Далее мы попытаемся ответить на вопрос о месте каждой из вышеназванных групп учебных предметов и уроков в разных типах женской средней школы на Урале.

Для этого обратимся к краткому анализу документов того времени.

Начнём с устава епархиальных училищ 1868 г. С 1 по 6 класс в этих школах преподавалось 42 предмета. Из них на русские национальные предметы приходилось 21 и на общеобразовательные 21 предмет, т.е. почти по 50 % на каждую группу. Из 108 уроков с 1 по 5 класс русские национальные предметы составляли 58, или 54,7 % уроков, общеобразовательные – 50, или 43,3 % всех уроков.

Проанализируем недельное расписание уральского, в частности Оренбургского епархиального, женского училища с точки зрения разделения предметов и уроков на две вышеназванные группы [Приложение 13].

1 класс: 23 урока, 7 предметов. К русским национальным предметам отнесём закон Божий – 3 урока, русский язык – 3 урока, наконец, классное чтение – 2 урока. Всего – 4 предмета и 10 уроков. Остальные относились к общеобразовательным предметам: чистописание – 4 урока, а также арифметика – 5 уроков, рукоделие – 4 урока. Всего – 3 предмета и 13 уроков.

2 класс: 24 урока, 8 предметов. К русским национальным предметам относились: закон Божий – 3 урока, русский язык – 3 урока, чтение – 2 урока, церковное пение – 2 урока, русская география – 2 урока. Всего – 5 предметов (62,5 %) и 12 уроков (50 %). Остальные относились к общеобразовательным предметам: чистописание – 3 урока, арифметика – 4 урока, рукоделие – 3 урока. Всего – 3 предмета и 12 уроков.

Аналогичная картина наблюдалась и в остальных классах этого уральского училища [157].

В целом из 143 уроков в 1-4 классах Оренбургского епархиального женского училища на русские национальные предметы приходилось 71,5 % и 50 % уроков от всего числа преподаваемых в этой школе. Заметим, что в 1868 г. число русских национальных уроков в епархиальных училищах России составляло 53,7 %, а в 1895 г. – 50 %, т.к. произошло некоторое их снижение, что объяснялось расширением числа уроков с 18 в 1868 г. до 23–24 в 1895 г.

Однако приведённое выше соотношение предметов и уроков – русских национальных и общеобразовательных – было естественно для таких специфических, специальных школ, какими являлись епархиальные училища Святейшего Синода. Иной была картина в женских гимназиях и прогимназиях [Приложение 16].

В женских гимназиях Министерства народного просвещения на Урале предметы и уроки по ним также распределялись на русские национальные и общеобразовательные.

Проанализируем только обязательные предметы, так как это большая часть предметов, изучаемых в этих школах. Кроме того, не все так называемые необязательные предметы изучались во всех учебных школах. А выбор необязательных предметов отражал приоритеты обязательных дисциплин.

Рассмотрим учебные планы и программы 1874 г., которые оставались почти без изменений до 1917 г.

1 и 2 классы. Из 6-ти предметов, которые изучались в этих классах, к русским национальным отнесём 3, или 50 %, – это закон Божий, русский язык и словесность. К общеобразовательным относилось тоже 3 предмета (50 %). Это математика, география, чистописание.

Из 13 уроков на русские национальные предметы приходилось 6 уроков (46,2 %), на общеобразовательные – 7 (53,9 %).

3 класс. Из 8 предметов к русским национальным относилось 4 (50 %) – закон Божий, русский язык, словесность, история; к общеобразовательным – 4 (50 %): математика, география, чистописание, рукоделие.

Из 15 уроков на русские национальные предметы приходилось 9 (60 %), на общеобразовательные – 6 (40 %).

Содержание учебных планов и тематика уроков в женских гимназиях ненамного отличались от планов и тематики уроков женского института в Оренбурге. Здесь, в девичьем училище, позднее ставшим институтом, из 11 предметов к русским национальным относилось 5 (45,5 %). Это закон Божий, русский язык, русская история и русская география, церковное пение. К общеобразовательным предметам – 6 (54,5 %): французский язык, арифметика, чистописание, танцы, рукоделие, рисование. Заложенные в далёкие 30-е гг. XIX в. основы учебных программ были сохранены и в более позднее время. В 1855 г. новый устав так распределил учебные предметы. Из 15 предметов к русским национальным относилось 6 (40 %) – закон Божий, русский язык, русская словесность, русская география, русская история. К общеобразовательным – 9 (60 %): всеобщая

история и география, арифметика, французский и немецкий языки, чистописание, рисование, танцы. Аналогично содержание учебных планов и 1874 г. и 1905 г. Они просуществовали без изменений до 1917 г. [160].

Таким образом, с середины XIX в. на Урале шёл процесс становления и развития женской средней школы как русской национальной. Все семьдесят лет, вплоть до 1917 г. этот процесс характеризовался двумя тенденциями: первая – наличие русских национальных предметов и уроков, вторая – общеобразовательные предметы и уроки. Можно без преувеличения сказать, что первая тенденция закладывала в школе фундаментальные основы русской национальной культуры, вторая – способствовала усвоению основных элементов европейской и мировой культуры. Первая тенденция характеризовала уральскую женскую школу как русскую национальную, вторая – как европейскую и мировую. Русский язык как единый язык обучения закреплял за уральской женской средней школой её русский национальный характер.

В начале 1870-х гг. в России были принят новый устав женских средних учебных заведений: женские училища 1-го разряда преобразовывались в гимназии, 2-го разряда – в прогимназии.

Какие основные черты характеризовали изменения в организации процесса обучения?

Сошлёмся на 50-летний опыт работы Пермской Мариинской женской гимназии.

Преобразование состояло, прежде всего, в увеличении курса обучения с 6-летнего на 7-летний, причём для полу-

чения полного образования требовалось обязательное учреждение 8-го дополнительного, педагогического класса. Приём учениц в гимназии допускался с 9-летнего возраста. В соответствии с этим изменялась учебная программа, распределение предметов по классам и число недельных уроков. И всё это устанавливалось не педагогическим советом гимназии, а самим Министерством образования для всех подведомственных ему женских гимназий и прогимназий. Устанавливались цель и задачи для 8-го дополнительного, педагогического класса, о необходимости которого говорилось многими педагогами ещё раньше, при обсуждении проекта женских училищ 1860 г.

Преобразование училищ в гимназии проходило не сразу и не вдруг, а постепенно, в течение нескольких лет. В 1870 г. в комиссии из директоров Казанского учебного округа под председательством попечителя была выработана инструкция о предметах преподавания и о числе уроков в женских гимназиях, которая действовала до 1875 г. По этой инструкции общее число уроков по обязательным предметам было увеличено с 75 до 108, т.е. на 33.

Ещё одним типичным признаком уральской женской средней школы как русской национальной школы был вероисповедальный состав её учениц: с одной стороны, преобладание в школах учениц православного вероисповедания, с другой – обучение в них лиц других вероучений. Это отвечало многонациональному характеру населения Урала. По данным Всероссийской переписи 1897 г., среди населения Урала русских было более 7 013 тыс. (71,74 %), башкир – 1 254 тыс. (12,8 %), татар – 450 тыс. (4,6 %), удмуртов –

407 тыс. (4,1 %) человек. Нерусского населения проживало в Пермской губернии 10 %, в Вятской – 23 %, в Оренбургской – 30 %, в Уфимской – 62 %.

Неоднородный состав населения Урала неизбежно приводил к формированию национальных школ малых народов. Например, татары открывали свои медресе и мектебе.

Каким же был вероисповедальный состав учениц в женской средней школе Урала?

Среди первых женских средних школ «для приходящих девиц», открытых на Урале в конце 50-х гг. XIX в., была Пермская Мариинская женская гимназия. С самого начала в ней учились в подавляющем большинстве лица православного вероисповедания, но среди учениц уже в то время были представители других вероисповеданий. В первый год учились 54 (97,7 %) православных, 2 (3,5 %) католички, 1 (1,8 %) лютеранка, всего 57 человек. Через год число учениц выросло и составляло из 110 чел. 91,6 % православных, 4 % лютеранок, 1 % иудейки [29].

Посмотрим, как изменялась численность учениц в женских гимназиях и прогимназиях Урала и России по вероисповедальному составу [Приложение 9].

К 1 января 1865 г. на Урале было открыто 4 женских училища 1-го разряда, в которых обучалось 445 учениц. В России работало 30 таких школ с 3 503 школьницами. Таким образом, доля уральских училищ составляла более 13,3 %, а число учениц – 12,7 % от общего числа по России. В школах Урала обучалось 434 православные ученицы (97,5 %), в России около 3 307 (94,4 %). Учащихся-католиков

в женских школах Урала было 4 (0,9 %), в России 66 (1,9 %), т.е. на Урале их было в два раза меньше в процентном отношении, чем в целом по стране. К лютеранам на Урале относилось 7 (1,5 %), в России 109 (3,1 %). Иудеев в уральских школах не было, в России их было 21 (0,6 %) [127].

Женских училищ 2-го разряда на Урале было 8 из 75 по России, что составляло 10,7 % их общей численности. На Урале в этих училищах обучалось 484 ученицы, или 11,2 % от их общей численности. Православных в школах Урала было 461 (95,2 %), в России 4 181 (91,6 %). Католиков и лютеран в этих училищах на Урале не было. В то же время в России их число составляло 0,7 %. Не было в училищах 2-го разряда и лиц иудейского вероисповедания, а в России их насчитывалось 2,1 %; в стране, как правило, не было учениц-магометанок и язычников, а на Урале число первых составляло 19 (3,9 %), а вторых – 4 (0,8 %).

Отметим, что на Урале в этот период наблюдалось интересное явление: более чем в 90 % учебных заведений этого типа в 1865 г. обучались лица одного только православного вероисповедания. Это училища в городах Мензелинска, Челябинска, Троицка, Оренбурга, Елабуги, Котельнича, Слободского.

В 1894 г. в пятнадцати женских гимназиях и прогимназиях Оренбургского учебного округа обучалось 3 562 ученицы. Из них были православными 93,9 %, католичками 1,9 %, лютеранками – 1,1 %, иудеями было 1,3 %, прочих насчитывалось 1,7 %.

В середине 90-х гг. XIX столетия важнейшая тенденция в развитии уральской женской средней школы – пре-

обладание лиц православного вероисповедания над другими – сохраняется и получает дальнейшее развитие. Правда, она не была уже такой всеобъемлющей, как в 60-е гг, но продолжала оставаться ведущей. Аналогичная картина складывалась во всех женских средних школах России. В женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения в 1894 г. училось 70 765 человек. Из них православных было 50 870 (76,1 %), католиков – 3 927 (5,54 %), лютеран было 4 127 (5,8 %), иудеев – 6 888 (9,7 %), магометан – 46 (0,2 %), прочие составляли – 3 % [122].

В 1905 г. в женских гимназиях Урала в отличие от России разница в числе учениц православного вероисповедания над другими сохранилась на уровне прошлых лет, составляя почти 20 %, в женских прогимназиях – 10 %. В учебных заведениях того и другого типа доля учениц православного вероисповедания была во много раз выше по сравнению с ученицами других вероисповеданий. Лица иудейского вероисповедания, почти всегда вторые по численности после православных, в процентном отношении составляли чуть более 10 %, представители других вер и того меньше: 2–5 % и ниже.

За год до начала Первой мировой войны в женских гимназиях и прогимназиях России обучалось 323 577 учениц. Из них 247 816 (76,6 %) православные, 12 257 (3,8 %) католики, 41 835 (13,9 %) иудеи, 756 (0,2 %) магометане, около 20 000 (6,4 %) составляли прочие. И в этот период времени лица господствующей в стране религии преобладали в учебных заведениях России [111].

Чтобы определить тенденции в развитии женской средней школы Министерства народного просвещения на Урале за год до начала Февральской революции 1917 г, проанализируем состояние женского среднего образования в трёх уральских губерниях Оренбургского учебного округа: Пермской, Уфимской, Оренбургской.

К 1 января 1917 г. в женских гимназиях и прогимназиях Оренбургского учебного округа обучалось 20 108 человек. Среди них были православные – 18 272 (90,9 %), католики – 269 (1,3 %), лютеране – 33 (0,2 %), иудеи – 699 (3,5 %), армяне – 26 (0,1 %), прочие христиане – 542 (2,7 %), магометане – 219 (1,1 %), иные нехристиане – 32 (0,2 %), раскольники – 16 (0,1 %).

Таким образом, на Урале и во всей России в начале XX в. в женских средних учебных заведениях Министерства народного просвещения обучалось несколько десятков и сотен тысяч девочек разных вероисповеданий, хотя существенно преобладали лица православного вероисповедания. В женской средней школе постоянно обучались лица других вероисповеданий, прежде всего иудеи, католики, лютеране.

Из вышесказанного следует, что уральская женская средняя школа Министерства народного просвещения в 60-е гг. XIX в. начала свой путь как православная. Из них 64 % школ были чисто национальными, т.е. в них обучались только русские или лица, народы, принявшие православие. До 95 % учениц всех женских гимназий и прогимназий исповедовали православие. Однако все эти школы

одновременно были и многонациональными, т.е. вели обучение представительниц других вероисповеданий и национальностей.

К 1917 г. уральская женская средняя школа – это школа с преобладанием лиц православного вероисповедания, которое в целом по России сократилось, но продолжало оставаться подавляющим (около 75 %). На Урале эта цифра составляла 90 %. С 60-х гг. XIX в. и в России, и на Урале процент лиц других вер, обучавшихся в школах, постоянно рос. Это объяснялось новыми территориальными приобретениями России, переселенческой политикой П. Столыпина, эвакуацией населения в годы Первой мировой войны и другими причинами.

Рассмотрим вероисповедальный состав учениц епархиальных училищ Святейшего Синода и Оренбургского института ведомства учреждений императрицы Марии.

В Уставе епархиальных училищ 1868 г. было записано, что епархиальные женские училища «суть учебно-воспитательные заведения для образования дочерей православного духовенства» [126].

Естественно предположить, что эти училища развивались как чисто православные школы.

В первом епархиальном училище Урала – Уфимском – обучалось около 100 % учениц из семей православного духовенства. К моменту принятия нового устава 1868 г. из семей священнослужителей обучалось 78,6 %, прочих – 21,4 %. В то же время в отчёте обер-прокурора Святейшего Синода Д. Толстого за 1865 г. отмечалось, что потребность в образовании так глубоко осознана и распространена в духовен-

стве, что «эти заведения не в состоянии удовлетворить всем желающим и принуждены отказывать многим священнослужителям» [126].

К началу 80-х гг. XIX в. на Урале процент детей из семей духовенства в епархиальных училищах уменьшился. Например, в Уфимском училище он упал до 69 %. Это объясняется ростом числа учебных заведений Министерства народного просвещения, куда церковные деятели стали отдавать своих детей. В епархиальных училищах России лиц православного вероисповедания было в 1880 г. – 88 %, в 1895 г. – 84,5 %, в 1905 г. – 91 %, в 1910 г. – 89,5 %. Все остальные ученицы были из православных светских семей. То же самое мы наблюдаем и на Урале. В 1905 г. в Оренбургском епархиальном училище из семей духовенства было 97 % учениц. В 1910 г. в восьми уральских епархиальных училищах обучалось почти 90 % учениц из семей духовенства. Такое положение сохранялось вплоть до 1917 г, что было естественно для училищ подобного типа в России [81].

Были ли какие-то особенности в развитии епархиальных училищ с точки зрения вероисповедального состава учениц или они так и оставались фактически мононациональными и православными? На наш взгляд, были, причём и на Урале, и в России. Они проявились на завершающем этапе развития женской средней школы. Так, в отчётах епархиальных училищ Урала за 1910 г. мы находим категорию инородцев, т.е. лиц нерусской национальности, принявших православие. В указанном году их обучалось в епархиальных училищах 75 человек, или 2,5 % от всего числа учениц. В годовых отчётах Святейшего Синода России

среди постоянных категорий учениц из семейств духовенства и светских мы находим новую графу – «иностранцы», которых в 1910 г. обучалось 395 человек, или 1,6 %. Таким образом, и на Урале, и в России в этот период в епархиальных училищах обучалась новая группа учениц нерусской национальности, что ещё раз подтверждает тезис о «многонациональности» женской средней школы как на Урале, так и в России.

В Оренбургском институте имени императора Николая I в 1888 г. обучалось 147 человек. Из них 138 (94 %) были из православных семей. В начале 1900-х годов из 221 ученицы 215 (97,2 %) были православными. По России в 34 институтах ведомства учреждений императрицы Марии обучалось в начале XX века 8 656 учениц, из них православные составляли 93,5 %, в 1912 г. из 9 334 человек, учащихся в институтах данного ведомства, 95,1 % были представительницами господствующей в России конфессии – русской православной церкви [132; 162].

Итак, женские средние школы Урала – гимназии и прогимназии МНП, женские епархиальные училища Святейшего Синода, Оренбургский институт имени Николая I – характеризуются по вероисповедальному составу учениц как православные русские школы: основной контингент в них (от 70 до 95 % и более) составляли представители русской православной церкви. Одновременно в женской средней школе обучались представительницы других вероучений и национальностей. Подобная картина не являлась чем-то особенным, отличавшим Урал от России. Вся история дореволюционной уральской женской средней школы

свидетельствовала о том, что в ней проходили те же процессы, что и в учебных заведениях России: преобладание в школах лиц православного вероисповедания и одновременно наличие в ней представительниц других основных конфессий России, что отражало многонациональный состав населения страны и Урала и придавало русской национальной школе Урала и России элемент многонациональности.

Неотъемлемой чертой русской национальной школы является демократический характер социального состава учениц и источников финансирования школы. Совместимы ли такие понятия, как русская национальная школа и демократия? Если да, то до какой степени, если нет, то по каким причинам? Рассмотрим приложение 10.

К 1 января 1865 г. на Урале в женских училищах 1 и 2 разрядов обучалось 929 учениц. Из них к дворянам и чиновникам относилось 40 %, к духовенству – 8,4 %, к городским сословиям – 46 %, сельским – 6 %, прочим – 0,5 %. В этот период в России из всех обучавшихся в школах 1 и 2 разряда к семьям дворян и чиновников относилось около 40 %, духовенства – 6 %, городским сословиям – 50 %, сельским – 4,1 %, прочим – 0,8 %.

В женских средних учебных заведениях в 60-е гг. XIX в. как в России, так и на Урале равным было число детей из семей дворян и чиновников. Число детей из городских сословий на Урале уступало числу детей из тех же сословий в масштабах России. Эти группы сословий характеризовали две тенденции в развитии социального состава женской средней школы на Урале и в стране. Группа дворян и чи-

новников отражала дворянскую тенденцию в развитии школы, и её преобладание характеризовала школу как дворянское учебное заведение. Группа городского и сельского сословия отражала демократическую тенденцию в школе, а преобладание учениц из этих сословий в общем количестве учениц может характеризовать учебное заведение как демократическое учебное заведение. С понятием «демократическое» мы связываем представительство в женской средней школе выходцев из негосподствующих слоёв России, которые принадлежали к городским и сельским сословиям.

Итак, подавляющее большинство учениц в училищах 1 и 2 разрядов в 60-е гг. XIX в. были представительницами дворянства и чиновничества. Это объясняется тем, что мелкопоместное дворянство после освобождения крестьян лишилось многих прежних статей доходов и вынуждено было личным трудом зарабатывать на жизнь. Одну из сфер приложения своих возможностей оно увидело в обучении своих дочерей в учебных заведениях, с тем чтобы в дальнейшем их дети на учительском поприще могли найти себе достойное применение и материальное обеспечение.

Изучение первых шагов становления и развития женской средней школы на Урале до 1917 г. опровергает выводы отдельных авторов о том, что женская средняя школа – это школа господ и для господ.

Приведём несколько примеров таких высказываний. Так авторы «Истории Урала» пишут о том, что, как и в мужских средних учебных заведениях, в женских преобладали дети дворян и чиновников [Пермь, 1963].

В учебном пособии Л. Буслаевой «История развития просвещения и школы народов СССР с X в. по октябрь 1917 года» утверждается, что школа только формально была объявлена бессословной, но фактически в средней и высшей школе преобладали дети дворян и чиновников [Горький, 1974].

Данную точку зрения разделяли отдельные исследователи за рубежом. Так, в сборнике «Молодёжь России на рубеже 90-х годов» сотрудник Кентского университета Ф. Браун писал, что система образования отражала разделение в царской России в XIX в.: «гимназии для элиты и начальная школа для масс» [М., 1992].

Для показа иной картины, чем та, которую рисуют эти авторы, рассмотрим социальный состав учениц женской средней школы на Урале на примере Оренбургского учебного округа.

С середины 70-х гг. XIX в. и до 1900 г. в женских гимназиях Урала происходило постепенное уменьшение числа учениц из сословий дворян и чиновников: в 1875 г. – 58,8 %, в 1885 г. – 52,3 %, в 1900 г. – 48,5 % [7].

В эти три десятилетия в прогимназиях Урала мы наблюдаем лишь незначительный рост учениц из сословия дворян и чиновников, причём число учениц из этих сословий никогда не поднималось в этих учебных заведениях выше 20 %. Ученицы из сословия духовенства на Урале до 1900 г. постепенно «уходят» из гимназий и прогимназий. Их число уменьшается в гимназиях в два раза, в прогимназиях – в три раза. Это связано с открытием на Урале епархиальных училищ, которые давали те же права выпускникам, что и

гимназии, но имели срок обучения шесть лет (гимназии – восемь лет).

В 70–90-е гг. XIX в. в женских гимназиях Урала число учениц из семей городских сословий вырастает с 25,3 % в 1876 г. до 32 % в 1885 г. и до 37 % в 1900 г. В прогимназиях их число постоянно уменьшается: в 1876 г. – 59,1 %, в 1885 г. – 48,8 %, в 1900 г. – 29,7 %. Наиболее существенно на Урале меняется процент учениц гимназий и прогимназий из сельского сословия. В гимназиях он составлял: в 1876 г. – 5,9 %, в 1885 г. – 7,6 %, в 1900 г. – 10,3 %, в прогимназиях: в 1876 г. – 13,7 %, в 1885 г. – 20,4 %, в 1900 г. – 29,2 %.

Определяющим фактором, который влиял на этот процесс, было то, что Урал по своему социальному составу был одним из самых демократических регионов России, что, естественно, не могло не сказываться на сословном составе учениц женских средних учебных заведений.

Уменьшалось количество учениц из семей дворян, чиновничества, духовенства, доля которых к концу XIX в. составляла почти 50 % от общего числа школьниц, а это больше, чем в 70-е гг. почти на треть. Демократическая тенденция в развитии школы становилась всё более явной, школа теряла статус дворянской, хотя число дворян, например, в прогимназиях Урала увеличивалось. Демократическая линия в прогимназиях развивалась не так однозначно. Так, абсолютное число учениц из городских сословий возросло, но относительное значительно уменьшилось. В женских прогимназиях Урала отметим постепенный, но значительный рост как абсолютного, так и относительного числа учениц из сельского сословия. Из этого следует, что

демократическая тенденция становится определяющей в развитии прогимназий Урала.

В 1886 г. в женских гимназиях России ученицы разделялись по сословиям следующим образом: из дворян и чиновников – 51 %, городского сословия – 36,4 %, сельского сословия – 4,4 %, духовенства – 5,8 %, прочих – 2,5 %. В прогимназиях школьницы по сословиям разделялись иначе: из семей дворян и чиновников – 21,7 %, городского сословия – 53,3 %, сельского сословия – 13,8 %, духовенства – 8,7 %, прочих – 1,3 %. В целом в женских гимназиях и прогимназиях России ученицы из семей дворян и чиновников составляли 40 %, городского сословия – 42,9 %, сельского сословия – 7,9 %, духовенства – 6,9 %, прочих – 2,3 % [120].

Таким образом, демократическая тенденция в развитии женских гимназий и прогимназий России стала определяющей. В конце 80-х гг. XIX в. женская школа стала демократическим институтом России, правда, пока не в полной мере.

Преобладание в гимназиях России учениц, принадлежавших к сословию дворян и чиновников, а в прогимназиях учениц городского сословия над ученицами из сословия дворян и чиновников объясняется тем, что гимназии были учреждены преимущественно в губернских и больших городах, в которых проживало значительное число дворян и чиновников, обладавших достаточными средствами для образования своих детей. Прогимназии же были учреждены большей частью в уездных городах, в которых дворяне и чиновники составляли контингент наименьший относительно городских сословий. Кроме того, в губерн-

ских и больших городах существовали другие виды женских средних учебных заведений, тогда как в большинстве уездных городов в то время работали только начальные приходские школы и прогимназии. Поэтому в женских прогимназиях обучалось гораздо большее число девиц из духовного звания и сельских сословий, чем в гимназиях.

Процесс демократизации женских гимназий и прогимназий на Урале, ускорился в связи с революцией 1905–1907 гг., что нашло своё отражение в усилении демократической тенденции в школе и окончательном её превращении в демократический институт по социальному составу её учениц.

В 1905 г. в России в женских гимназиях и прогимназиях обучалось 183 788 человек. По сословиям школьницы распределялись следующим образом: из дворян и чиновников – 28,9 %, городского сословия – 47,9 %, сельского сословия – 15,9 %, духовенства – 4,5 %, прочих – 2,8 %. Таким образом, на долю дворянского сословия в женской средней школе приходилось 28,9 %, на остальные – 71,1 %, в т.ч. на демократическое сословие – 62,8 % от общего числа учащихся [109].

В 1914 г. в 55 женских гимназиях и прогимназиях Урала обучалось 24 733 человека. Из них детей дворян и чиновников – 16,1 %, городского сословия – 35,1 %, сельского сословия – 36,9 %, духовенства – 5,3 %, прочих – 6,9 %. К 1 января 1914 г. в женских гимназиях и прогимназиях России было 323 577 учениц. Из них из семей дворян и чиновников – 25,5 %, духовенства – 4,8 %, городских и сельских сословий – 69 %.

Ниже мы покажем, как изменился социальный состав учениц в школах Урала к 1917 г.

В 39 женских гимназиях Оренбургского учебного округа к 1 января 1917 г. обучалось 19 370 учениц. Из них из семей дворян и чиновников – 16,08 %, городских сословий – 35,33 %, сельских – 40,5, духовенства – 4,4 %, прочих – 3,6 %. В трёх прогимназиях округа из семей дворян и чиновников – 8,8 %, городских сословий – 35,2 %, сельских сословий – 47,9 %, духовенства – 4,7 %, прочих – 3,4 %. Всего в округе обучалось 19 950 учениц, из них из семей дворян и чиновников 15,8 %, городского сословия – 35,3 %, сельского сословия – 40,6 %, духовенства – 4,4 %, прочих – 3,6 %.

Таким образом, к началу 1917 г. демократическая тенденция развития стала определяющей для женской средней школы Урала, а сама школа по социальному составу превратилась в демократическое учебное заведение.

Одной из причин уменьшения численности дворянских дочерей в женских гимназиях было сохранившееся стремление первенствующего сословия «использовать для образования своих дочерей учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии, особенно институты благородных девиц. Рассмотрим, как изменился социальный состав учениц в Оренбургском институте императора Николая I.

Как мы уже писали выше, Оренбургский институт императора Николая I был создан в 1832 г. как училище «для дочерей низших воинских чинов»: солдат, выходцев из народа [160].

В 1848 г. император Николай I утвердил устав, по которому это училище изменило свой статус: теперь оно предназначалось «для воспитания дочерей, находящихся в Оренбургском крае потомственных и личных дворян, священнослужителей, почётных граждан и купцов 1 гильдии» [89].

Таким образом, демократическая социальная основа данного учреждения была заменена на дворянскую. И, таким образом, была сделана попытка превратить институт в дворянское учебное заведение. Однако полностью ликвидировать демократическую линию в развитии этого учебного заведения не удалось. Приводимые ниже данные подтверждают наши выводы.

В 1888 г. в Оренбургском институте обучалось 147 человек. Из них дочерей дворян и чиновников – 75,5 %, городских сословий – 6,8 %, сельских сословий – 14,9 %, духовенства – 2,7 %. В дальнейшем дворянская тенденция развивалась таким образом: детей из семей дворян и чиновников в 1894 г. было 83,5 %, в 1904 г. – 89,4 %, в 1912 г. – 95,1 %.

Социальный состав учениц женских институтов показан ниже (табл. 2)

Таблица 2

Социальный состав учениц женских институтов в начале XX в.

Сословия	Столичные институты	Губернские институты	В России	На Урале
Дворян и чинов	97,4 %	89,8 %	88,4 %	95 %
Городские	5,7 %	6,6 %	6,1 %	2 %
Духовенства	2,1 %	2,6 %	2,3 %	2 %
Прочих	4,5 %	1 %	3 %	–

Таблица составлена по: «Обзору учебного дела в институтах и гимназиях ведомства учреждений императрицы Марии по данным 1912 года». – Пг., 1915. – С. 84–85.

Из таблицы следует, что в 1912 г. дворянская тенденция в социальном составе учениц была преобладающей во всех институтах ведомства учреждений императрицы Марии в России и на Урале. Наибольший процент дочерей дворян был отмечен в Санкт-Петербурге и Москве. В губернских институтах, в том числе и в Оренбургском, он был ниже. Это понятно: столицы были центрами, где жили и работали дворяне и чиновники. По той же причине в губернских институтах была ярче выражена демократическая тенденция: в любом провинциальном городе дворян и чиновников было меньше, чем в столичном.

Оренбургский институт оставался на протяжении всего периода своего существования, начиная с 1848 г., учебным заведением с ярко выраженным дворянским составом учениц, превращавшим эту школу в дворянское учебное заведение, с незначительным числом лиц из других, демократических сословий.

Обратимся к анализу социального состава учениц епархиальных женских училищ Урала и России.

В 1868 г., в ходе проводимых Александром II реформ, был утверждён устав новых училищ ведомства Святейшего Синода, в котором было записано, что эти школы «суть учебно-воспитательные заведения для образования дочерей православного духовенства». Здесь же было сказано, что в эти училища могли приниматься девочки из других сословий. Это было одним из знамений реформ Алек-

сандра II: правительство России законодательно отказалось от сугубо сословного принципа обучения и воспитания детей в этих женских средних учебных заведениях. Заметим, что в отчётах в графе о социальном составе епархиальных училищ дети значились как «светские» или «иносословные», т.е. дополняли группу детей из семей духовенства, основную для этих школ.

Мы считаем, что большинство епархиальных училищ в России можно отнести к демократическим учебным заведениям. Социальную основу этих училищ составляли представители из семей духовенства разного уровня, в основном среднего и низшего, среди «светских» или «иносословных» больше было представителей городских и сельских сословий, нежели дворян и чиновников.

На Урале, в Уфимском епархиальном училище, в первый год его существования обучались дети только из семей духовенства. Но это не стало традицией. В 1862 г. здесь учились девочки из семей духовенства. А через десять лет, в 1872 г., девочек из семей священнослужителей было 58,9 %, светских – 41,1 %. В Вятском епархиальном училище в 1862 г. из семей духовенства училось 84,3 %, а через десять лет – 70 % [2].

В России к 1875 г. было открыто 44 епархиальных женских училища, в которых обучалось 300 учениц. Из них на долю Урала приходилось 4,5 % училищ и 16,5 % всех учениц России. И в России, и на Урале основной контингент учениц приходился на духовенство.

К 1895 г. на Урале открылось несколько епархиальных училищ: Оренбургское, Пермское, Екатеринбургское,

Уфимское, Вятское. Как проявлялась здесь демократическая тенденция, видно на примере Оренбургского и Пермского училищ. В первом, в 1895–1896 учебном году обучалось 214 учениц. Из них из семей духовенства 95 %, остальные – из «светских». Во втором, в 1895–1896 учебном году из 230 детей к семьям из духовенства относились 85,2 % школьниц, к «инословным» – 14,7 %.

В последний предвоенный год на Урале в епархиальных училищах Святейшего Синода училось 80,8 % детей из семей священнослужителей, а в России – 87,1 % [113].

Таким образом, епархиальные училища, являлись демократическими учебными заведениями. Они имели одну яркую особенность: социальный состав этих училищ формировался в основном за счёт дочерей духовенства низшего или среднего ранга.

Подведём некоторые итоги. Процесс развития русской национальной школы на Урале и в России с середины XIX в. и по 1917 г. шёл по пути постоянной демократизации учебных заведений, то есть ученический социальный состав от десятилетия к десятилетию всё активнее изменялся и пополнялся представителями демократических, городских и сельских сословий. В целом на Урале русская национальная школа развивалась как демократическая школа, включаясь в систему нарождавшихся демократических институтов России.

Женская средняя общеобразовательная школа на Урале формируется как русская национальная демократическая школа, как отражение национального социального состава населения Урала (и России), как часть русской

национальной школы России. В это время начинается процесс формирования уральской педагогической интеллигенции.

Таким образом, история уральской женской средней школы с середины XIX в. и по 1917 г. – это история русской национальной школы.

2.3 | ЧАСТНЫЕ ШКОЛЫ НА УРАЛЕ

Отмена крепостного права в России и бурное развитие новых рыночных отношений вызвали в стране появление тысяч мелких, средних и крупных собственников, которые создавали свои частные предприятия: фабрики, заводы, железные дороги, банки, магазины, лавки и т.п. Среди многочисленных частных предприятий своё место заняли и частные гимназии и прогимназии, то, что мы называли «частным педагогическим делом».

Для частного педагогического дела, для частной школы характерны следующие основные признаки: 1) это учебно-воспитательное заведение (в нашем случае женские гимназии или прогимназии); 2) оно практически на 100 % финансируется за счёт платы за обучение; 3) здесь действуют элементы школьной социальной политики (стипендии, освобождение от платы за обучение и др.); 4) выпускники пользуются теми же правами, что и выпускники других учебных заведений (т.е. имеют право работать в школах, поступать в вузы и др.); 5) учителя обладают теми же правами, что и их коллеги из государственных учебных

заведений (отпуска, заработная плата и др.); плата за обучение в этих школах выше, чем в системе земских и правительственных женских средних школах; б) носит характерные черты русской национальной школы и является её неотъемлемой частью.

Частные школы в России были и до 1861 г. Но, находясь в массе своей в руках иностранцев и располагаясь в основном в Москве и Санкт-Петербурге, они в 20–30-е гг. XIX в. перестали отвечать интересам национальной политики России и поэтому были закрыты, за немногим исключением. Правительством были введены ограничения на деятельность частных школ. Главным среди них стал запрет на открытие частных школ лицами нерусской национальности и не принявших русскую православную веру. Кроме того, отсутствие диплома о высшем образовании (для женщин – о среднем) также стало ощутимым препятствием к осуществлению частной педагогической практики.

В XIX в. частные школы получили распространение и на Урале, которые функционировали по Положению от 12 января 1835 г.

На Урале более 150 лет назад в городе Вятка был открыт женский пансион Луизы Диттель.

Это было первое заведение подобного типа. В 1845 г. открылся пансион госпожи Штиккель в городе Перми, в котором обучалось и воспитывалось до 30 воспитанниц. Школа помещалась в большом двухэтажном здании. Часть его занимала сама хозяйка и классные дамы. Другая часть была отдана под учебные и жилые комнаты пансионеров. Все они делились на пансионеров, то есть тех, кто и жил, и

учился в пансионе, платя за это громадную по тем временам сумму в 180 рублей, и полупансионером, то есть тех, кто только учился в школе и платил за обучение, но жил дома либо на наёмной квартире.

Здесь изучали закон Божий, русский язык и словесность, историю и географию, французский язык и арифметику, музыку и рисование и другие предметы. Преподавали эти предметы учителя из местной мужской гимназии. Пансион после своего четырёхлетнего существования стал клониться к упадку и после смерти содержательницы был закрыт. Такой печальной была судьба любого частного учебного заведения для девочек в то время.

Но в 60-е гг. XIX в. в связи с возросшей потребностью страны в образованных гражданах стало понятно, что государственные школы не могут справиться с новыми задачами, которые ставила жизнь. В этих условиях частные школы стали рассматриваться как одно из важнейших средств, с помощью которого можно было бы отчасти восполнить потребность в новых учебных заведениях, а открытие частных учебных заведений для девочек могло бы стать «истинным благодеянием» для родителей, которые не могли помещать своих дочерей в институты и вынуждены были обращаться к услугам содержателей немногочисленных и дорогих пансионов [18].

Существовавшее положение вещей в частной школе не могло полностью удовлетворить и передовых людей того времени. Поэтому одним из требований общественно-педагогического движения 60-х гг. XIX века в России стало требование изменения условий открытия и работы част-

ных учебных заведений. Эти требования были поддержаны и правительством России. Министр народного просвещения граф Д. Толстой в своём представлении в Государственный совет признал, что главными причинами неудовлетворительного состояния частных школ было: 1) излишнее подчинение их курса курсу казённых училищ; 2) невыгодные условия и стесненная педагогическая обстановка содержателей, учителей и воспитателей.

В русле этих замечаний 19 февраля 1868 г. было принято новое Положение о частных школах, по которому частным учебным заведениям было дана относительная свобода и они стали подразделяться на три разряда: к первому, высшему, относились школы, имевшие не менее шести классов; ко второму разряду – не менее трёх классов и к третьему – все одноклассные и двухклассные училища. Обязательными предметами в каждой школе должны были быть закон Божий, русский язык, русская история и русская география. Выбор остальных предметов был свободным, но учебный план должен был при этом утверждаться попечителем учебного округа [58].

Все эти и другие меры привели к росту числа частных учебных заведений. В России в 1865 г. было 1 107 школ, среди училищ 1 и 2 разрядов больше всего насчитывалось женских учебных заведений: их было более пятидесяти.

С начала реформы и появления новой женской школы в 60-е гг. и до конца XIX в. на Урале не было открыто ни одного частного женского среднего учебного заведения, хотя ещё в 1864 г. попечитель Казанского учебного округа (куда входила вся территория Урала) Д. Шестаков предлагал

принять «необходимые меры к усилению частной педагогической деятельности» [136].

Однако, несмотря ни на что, частная женская школа продолжала существовать и в это время.

Достаточно отметить почти 20-летнюю частную педагогическую деятельность выпускницы пермской Мариинской женской гимназии, дочери коллежского секретаря К. Гроздовой. В 1877 г. она получила разрешение на открытие в городе Пермь частного учебного заведения 2-го разряда с целью «приготовления желающих детей для поступления в женскую или мужскую гимназию». В школе К. Гроздовой было три отделения. Здесь изучали закон Божий, русский язык, арифметику, географию, немецкий и французский языки. Учебники использовались те же, что и в правительственных гимназиях и прогимназиях. Плата за обучение составляла 5 рублей в месяц. Учебный год продолжался с 1 августа по 1 июля, как и в других школах России. И хотя К. Гроздова вынуждена была позднее закрыть своё учебное заведение «по случаю открытия в местных гимназиях приготовительных классов», «всё же её деятельность на поприще частной школы была шагом вперёд по сравнению с частными пансионатами прежних времён: во-первых, по длительности работы учебного заведения – почти двадцать лет – и, во-вторых, её выпускницы имели возможность учиться дальше – в средней школе, а потом и в высшей».

Новая страница в истории женского образования – частной школы – на Урале была открыта в начале XX в., когда здесь одна за другой начали появляться гимназии и прогимназии. В Перми частное женское учебное заведение

Л. Барбатенко было преобразовано в женскую прогимназию, а затем 5 ноября 1903 г. – в гимназию. А 14 декабря в ней было открыто Общество вспомоществования нуждающимся ученицам. Осенью 1909 г. в Перми начала работу частная женская прогимназия А. Дрекслер-Голынец. Аналогичные процессы протекали и в других уральских губерниях. В г. Оренбурге с мая 1906 г. открылась женская гимназия М. Комаровой-Калмыковой, преобразованная из прогимназии. 15 ноября 1904 г. частное женское училище 2-го разряда, содержащееся в г. Уфе С. Хитровской, разрешено было преобразовать в прогимназию. И, наверное, одной из последних, созданных в это время частных женских гимназий на Урале была школа М. Зиновьевой в Перми. Она, как и все остальные учебные заведения этого типа, прошла трудный путь развития: осенью 1909 г. частная женская профессиональная школа была преобразована в прогимназию, затем в 1910 г. в ней открылся пятый, в 1912 г. – шестой, в 1913 г. – седьмой класс, и тогда же она была переименована в гимназию. В 1914 г. в ней открылся 8-й, дополнительный класс, который давал выпускницам профессию учительницы по двум специальностям – по русскому языку и арифметике. Кроме того, эта школа была с «правами для учащихся», т.е. в ней в отличие от других частных школ не требовалось сдавать дополнительный экзамен для получения права на профессию учительницы.

Таким был длинный, проверяемый временем путь становления и развития уральских частных женских средних учебных заведений: от профессиональных училищ 2-го и 3-го разряда к женским прогимназиям и от них – к гимназиям.

Частная женская средняя школа на Урале развивалась от простого учебного заведения с училищным, полугимназическим курсом обучения к более сложному, полному, общему, среднему гимназическому образованию.

По нашим подсчётам, пик числа частных женских средних учебных заведений приходится на 1910 г. – 10 гимназий с 1 849 ученицами. Наибольшее число частных женских школ с 1905 по 1916 г. приходится на Пермскую губернию: в 1905 г. 2 школы с 555 ученицами, а в 1916 г. – 5 гимназий с 1 645 школьницами. Наименьшее число частных женских средних учебных заведений было в Уфимской губернии: в 1905–1916 гг. 1 учебное заведение, в 1916 г. – 3, где обучалось в 1905 г. 126 учениц, в 1910 г. училось 414 девочки, в 1916 г. посещало школу 568 человек.

Одной из причин того, что именно в Пермской губернии было наибольшее число частных женских школ, является то, что она была наиболее развитой в экономическом отношении губернией Урала с крупным отрядом интеллигенции во всех сферах народного хозяйства.

Авторитет частной школы и её благополучие во многом определялись учительскими кадрами. Положением о частных школах к преподаванию в ней допускались (в высших трёх классах училищ 1-го разряда) только те лица, которые окончили курс в высших учебных заведениях Российской империи, и педагоги из иностранцев, получившие дипломы зарубежных университетов и выдержавшие испытание на право преподавания в частных учебных заведениях. В остальных классах и в училищах 2-го разряда могли преподавать лица, имевшие звание домашних

наставников (наставниц) или учителей (учительниц), т.е. окончившие средние учебные заведения [125].

Так, в Оренбургской частной женской гимназии М. Комаровой-Калмыковой в 1909 г. 268 учениц обучалось у 38 преподавателей, среди которых было 14 мужчин, 20 женщин. Среди мужчин 5 имели университетские дипломы, 3 окончили духовную академию, 1 – военную академию. Из 20 женщин 1 получила диплом Пражского университета, 5 окончили институты, 12 человек – гимназию, 2 – училище. В 1917 г. в этой гимназии работало 47 педагогов, из них 12 мужчин и 35 женщин. Среди учителей 2 человека окончили университеты, 5 получили дипломы духовной академии, 2 – дипломы гимназий, 3 – духовных семинарий. Среди учительниц 2 имели университетские дипломы, 5 – институтские, 25 – гимназические, 3 – высших женских курсов.

Повторим, что по Положению 1868 г. о частных школах их организаторы должны были быть людьми высокообразованными. Лица мужского пола, пожелавшие открыть частное учебное дело – школу, обязаны были представить удостоверение об окончании курса в высшем или среднем учебном заведении, а лица женского пола – дипломы на звание домашних наставниц.

Учредительница одного из первых на Урале частного педагогического дела К. Гроздова за успехи в учёбе была награждена золотой медалью. В Мариинской женской гимназии получила свой диплом С. Хитровская, учредительница Уфимской частной гимназии. Начальница и хозяйка Пермской гимназии М. Зиновьева закончила привилегиро-

ванную частную женскую гимназию Калайдович и была награждена золотой медалью. Организовавшая частную гимназию А. Голынец обучалась в Пермской Мариинской женской гимназии, затем поступила на частные Петербургские высшие женские курсы, где её, как одну из лучших слушательниц, направили во Францию, в Сорбонский университет, в котором она и завершила образование.

Помимо высокого образовательного ценза для тех, кто принимался за частное педагогическое дело в России, требовалось русское подданство или «исконно русская национальность», т.е., как тогда говорили, нужно было быть «природным русским», что, в свою очередь, было связано с православным вероисповеданием. К иностранцам, кроме диплома о высшем образовании, предъявлялось требование о «принятии русского подданства» и только после его получения они могли преподавать в школах России, которые имели ярко выраженный национальный характер. В этих школах преобладали лица православного вероисповедания над представителями других религий.

В 1910 г. из 34 учителей частной женской гимназии М. Комаровой-Калмыковой 32 человека были православно-го вероисповедания. Из 17 учителей Верхнеуральской частной женской прогимназии К. Павловой 15 исповедовали православие [137].

И среди учениц частной женской средней школы также преобладали лица православного вероисповедания. В гимназии М. Комаровой-Калмыковой в 1909 г. обучалось 268 школьниц, из них 240 исповедовали православие, 2 – католицизм, 5 – магометанство, 14 – иудаизм. Через пять

лет из 430 обучавшихся здесь лиц 347 были православными, 7 – католиками, 12 – магометанками, 34 – иудейками.

По этим данным можно сделать вывод о том, что частная средняя женская школа на Урале была частью русской национальной школы, которую характеризовало: 1) преобладание православных, 2) наличие девушек иных вероисповеданий, многонациональность.

Число преподавателей и учениц быстро росло, причем во всех школах, в основном за счёт лиц православного вероисповедания, что вполне может характеризовать частные женские средние школы как русские национальные школы.

Анализ сословного состава говорит о том, что в частных женских средних учебных заведений Урала учились представительницы всех сословий. Так, в частной женской гимназии М. Комаровой-Калмыковой в 1909 г. обучались из семей дворян и чиновников 75 детей, из семей духовенства – 3 человека, из мещан и цеховых – 74 школьницы, из крестьян – 40 учениц, из почётных граждан и купцов – 39 девочек, из казаков – 11 гимназисток, из иностранцев – 3. К 1914 г. численность школьниц в этой гимназии возрастает, вырастет и количество учениц из разных сословий. Наибольшее число учениц было из трёх сословных групп: из дворян и чиновников (130), мещан и цеховых (111), крестьян (84), меньше – из сословий почётных граждан и купцов (50), казаков (26), иностранцев (11), духовенства (5).

Таковы тенденции развития частного педагогического дела были характерны для всех школ Урала. Такой социальный состав смог обеспечить существование и развитие

женских частных средних школ, где основной статьёй доходов был сбор платы за обучение, т.е. тех средств, которые платил русский народ за образование своих детей. В трёх уральских губерниях (Пермской, Оренбургской, Уфимской) с момента возникновения частных женских средних учебных заведений и по 1917 г. основным и постоянным источником доходов был сбор платы за обучение. В 1906 г. он составлял в бюджете гимназий от 77,3 % в Пермской губернии и до 94 % в Уфимской губернии. В 1916 г. эта статья доходов составляла в частных гимназиях и прогимназиях Оренбургской губернии 97,3 %, в Пермской губернии – 79 %, всех доходов [Приложение 5].

Из каких конкретных сумм собиралась эта статья дохода частных школ?

В 1908 г. в Оренбургской частной женской гимназии М. Комаровой-Калмыковой обучалось 268 человек. Средняя стоимость обучения одной ученицы составляла 93 рубля 50 копеек. Плата за обучение измерялась 10 125 рублями, или 45 % необходимой суммы в 25 тыс. рублей. Недостающую сумму внесла начальница гимназии, она же её владелица. Плата за обучение не была повышена для покрытия дефицита школьного бюджета, а осталась прежней: в подготовительном классе младшего отделения – 50 рублей, старшего отделения – 75 рублей, в 1-х классах – 75 рублей, в 5–6 классах – 85 рублей в год. Для сравнения заметим, что в местной Челябинской женской гимназии в 1908 г. собирали с городских учениц 1–7 классов по 35 рублей, с иногородних – 70 рублей в год. То есть плата за обучение в правительственной женской средней школе была меньше, что

не могло не привлекать сюда учениц из бедных демократических слоёв общества. В то же время и в частной женской средней школе она не была слишком обременительной, в противном случае здесь не наблюдался бы постоянный рост числа учащихся, в том числе и за счёт демократических слоёв общества.

А это опровергает точку зрения известного историка дореволюционной школы М. Михайловой, которая считала, что «плата за обучение была в частных школах очень высокой: в 3–4 раза больше, чем в казённых» [53].

Другие исследователи придерживаются иной точки зрения. Так, профессор М. Чеков считает, что «величина платы за право учения в частных и государственных школах практически не отличалась одна от другой» [100].

В финансировании частной школы на Урале принимали участие местные органы самоуправления. Так, частному женскому училищу в Екатеринбурге – прогимназии Румянцевой – было ассигновано в 1903 г. 300 рублей, с 1904 по 1907 г. – по 500 рублей ежегодно.

Помощь местных органов самоуправления носила адресный характер, т.е. выдавалась при условии выполнения школой тех требований, которые обуславливали получение денег. Выделение пособия женскому училищу Румянцевой сопровождалось указанием земства о преобразовании училища в прогимназию. В 1904 г. Пермская губернская земская управа высказалась за назначение денежного пособия женской гимназии Л. Барбатенко с условием, что оплата за обучение в ней будет понижена до размеров платы в местной Мариинской женской гимназии. В

1908 г. получение денег от земства частной школой М. Зиновьевой в городе Пермь было обусловлено преобразованием её в женскую прогимназию. В 1916 г. городская управа Оренбурга условием назначения пособия частной гимназии М. Комаровой-Калмыковой поставила освобождение от платы за обучение двух учениц этой гимназии, чьи родители работали в управе.

В 1906 г. местные органы самоуправления выделили частным женским средним учебным заведениям в Уфимской губернии 21 %, в Пермской губернии – 5 % необходимых для них средств.

Кроме местных органов самоуправления, помощь частной школе оказывали и работавшие в этих учебных заведениях попечительские советы и благотворительные организации, например общества вспомоществования нуждающимся ученицам. Права и обязанности попечительских советов частных женских гимназий и прогимназий были такими же, что и в правительственных учебных заведениях: выбор начальницы, поиски средств для материального обеспечения школы, составление сметы расходов и доходов, определение платы за обучение, освобождение от платы за обучение по рекомендации педагогического совета, а нередко и по инициативе самого попечительского совета и др.

В состав попечительских советов входили самые влиятельные лица города или губернии. Например, членами попечительского совета Уфимской частной женской гимназии С. Хитровской был председатель губернской земской управы П. Карапчинский, заместитель городского головы

гласный М. Рябинин, гласный Городской Думы С. Зайков, почётный гражданин, купец А. Чижов и другие.

При каждом частном учебном заведении в начале XX в. были учреждены общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Рассмотрим цели, содержание и формы работы одного из таких обществ в частной женской гимназии Л. Барбатенко в Перми [159].

Эта попечительская организация ставила главной своей целью заботу о бедных ученицах, с тем чтобы они могли закончить тот или иной класс или полный курс обучения. Помощь, которую оказывали ученицам через это общество, выражалась в следующих наиболее значимых формах: плата за обучение, бесплатная выдача книг, бесплатное снабжение одеждой, обувью, пищей, медицинским обслуживанием, жильём, репетиторство, назначение денежных пособий. Средства на эти нужды поступали как от членских взносов, так и от пожертвований, собранных на благотворительных вечерах, концертах, лекциях и т.д. Управление делами общества осуществлялось через правление и общее собрание организации. Она могла быть закрыта губернатором, если бы в её деятельности было обнаружено что-либо противоречащее «государственному порядку и общественной безопасности». Общество за несколько лет своей работы успело оказать значительную помощь, оплатив учёбу 300 учеников, учебники для 80 школьников; ежедневно обеспечивало завтраками 250 человек, помогло с оплатой квартиры 47 ученицам.

Какое же место занимала частная школа в системе женского среднего образования на Урале? Ответим и на этот вопрос.

В 1905 г. на Урале было 45 женских средних учебных заведений, в которых обучалось 15 831 ученица, и 4 частных женских гимназий и прогимназий с 754 школьницами. Вместе с правительственными школами – 49 учебных заведений с 16 585 гимназистками. Число частных школ равнялось 8,8 %, количество учениц в них – 4,5 % от общего числа школ и учениц на Урале. Через десять лет, в 1915 г, на Урале работало 65 женских средних учебных заведений, из них 7 были частными женскими гимназиями, что составляло 10 % всех женских средних учебных заведений. Если же взять только женские гимназии и прогимназии, которых на Урале было 57, то доля частной женской средней школы на Урале составляла 12,2 %, а количество учениц в них – 9,5 % от всего числа учениц, обучавшихся в женских гимназиях и прогимназиях того времени [153].

На Урале в XIX – начале XX в. открывается и развивается частная женская средняя школа, которая прошла почти вековой путь от частных пансионатов к профессиональным училищам, а от них к полноценным учебным заведениям – прогимназиям и гимназиям.

Основной чертой процесса становления и развития частной женской средней школы было то, что она развивалась очень быстро: понадобилось от 5 до 10 лет, чтобы пройти путь от профессиональных училищ 2–3-го разряда до прогимназии и далее до гимназии. Частные женские средние учебные заведения развивались как часть созданной системы женской средней школы на Урале и были составной частью русской национальной школы, где все предметы преподавались на русском языке, а подавляющее

большинство её учителей и учениц исповедовали православие. Но, как и в правительственной средней женской школе, здесь обучались представительницы и других религиозных конфессий. А это придавало неповторимую черту русской национальной школе – черту многонациональности, черту которая отличала русскую школу от других национальных школ Урала и России.

В непростых условиях разрушения крепостного строя и появления новых рыночных отношений с середины XIX в. на Урале была создана система женского среднего образования. В отличие от правительства и местных органов управления частные лица оказывали женской средней школе Урала постоянную и существенную помощь. На первом этапе она заключалась в сборе пожертвований. В конце XIX – начале XX в. частные лица открывают частное педагогическое дело: частные училища, прогимназии, гимназии.

Таким образом, в результате объединения усилий государства, местных органов управления и частных лиц на Урале была создана частная школа и сложилась система женского среднего образования, которая насчитывала почти 70 учебных заведений с почти 30-ю тыс. учениц, в которых работали десятки и сотни учителей, составлявших значительную часть уральской педагогической интеллигенции. Была создана первая русская национальная школа на Урале. Она была создана государством, местными органами власти, частными лицами и русским, православным народом.

ГЛАВА 3 | ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ШКОЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЁ РЕАЛИЗАЦИЯ

3.1 | ВЛИЯНИЕ УРАЛЬСКИХ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ШКОЛЕ

Развитие русской национальной школы на Урале и в России с середины XIX в. и до 1917 г. шло по пути демократизации учебных заведений. Одним из его признаков было постоянное изменение социального состава учащихся: из десятилетия в десятилетие школы пополнялись представителями городских и сельских сословий, число которых в общем количестве учеников росло, и одновременно уменьшалось число детей из дворян и чиновников.

Демократический характер женской средней школы определял материальное положение учителей и учениц, а также ту систему попечительства и благотворительности, которая была создана в этой школе.

Мы покажем, в каких условиях обучались в женских средних школах Урала: внесение платы за обучение, условия освобождения от неё, правила и требования при назначении стипендий, работа обществ взаимопомощи и другие формы социальной поддержки учащейся молодёжи.

Уже в первом Положении о женских средних школах 1858 г. было записано, что плата за учение должна была

быть положена самая умеренная, а именно: в училищах 1 разряда – не более 36 рублей, а второго разряда – 25 рублей в год.

В 1860 г. в Пермском женском училище 1 разряда плата за обучение обязательным предметам составила 15 рублей, необязательным – 25 рублей в год. В 1865 г. из 63 учениц 20 (31,7 %) были освобождены от платы за обучение на сумму 300 рублей, плата за право учения составила 962 рубля, или 22,9 % всей суммы доходов этой школы.

Много это или мало? В женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии за обучение платили 131 рубль в год. Правда, это были закрытые учебные заведения: за эти деньги детей учили, кормили, одевали, обували, снабжали учебными и канцелярскими принадлежностями и т.п. Другой эквивалент – цены на базаре. Например, в 1877 г. в Пермской губернии пуд мяса 1 сорта стоил 2 рубля 80 копеек, а 3 сорта – 1 рубль 80 копеек [Приложение 17].

В силу того, что не все родители или опекуны могли найти деньги на обучение детей, часть учащихся освобождалась от платы. В Вятском женском училище 1 разряда за первое десятилетие его существования было освобождено от платы за обучение около 100 учениц из купеческого и мещанского сословий и 135 детей бедных чиновников. За это время училище выдало ученикам около 218 рублей денежного пособия. А 29 августа 1866 г. император Александр II утвердил положение о стипендиях для Вятской Мариинской женской гимназии (бывшей женским училищем 1 разряда): стипендии О. Комисарова-Костромского и стипендию Витборга. Почему мы говорим о них? Потому что

это были первые именные стипендии, утверждённые на Урале в женских училищах Министерства народного просвещения.

В Екатеринбургском женском училище 1 разряда плата за обучение в 1863–1864 учебном году составила 15 рублей, а в следующем была повышена, но не для всех, а только для учениц старших классов. Сбор платы за обучение составил в школе 1 500 рублей, или 38 % всей суммы доходов.

В 60-е гг. XIX в. на Урале плата за обучение в женских училищах 1 разряда в среднем составляла 15–30 рублей и не являлась основной статьёй доходов этих учебных заведений.

В другом типе женских средних школ – училищах 2 разряда – плата за обучение была ещё ниже и процент сбора в общей сумме доходов школ оставался невысоким. Так, в Троицком женском училище 2 разряда в 1865–1866 учебном году сбор за право обучения составил 106 рублей (из 2 092), или 5 % от всей суммы доходов школы. В Челябинском женском училище 2 разряда плата за обучение была умеренной и составила в 1861 г. 117 рублей, или 1,9 % всех доходов школы. В г. Слабодском Вятской губернии дети, чьи родители принадлежали к городскому сословию, учились бесплатно. В г. Челябинске и в г. Слабодском женские училища содержались за счёт городских сословий, которые платили налоги в городскую казну, в городской общественный банк, т.е. в банк который ведал всеми средствами и принадлежал Городской Думе.

В Оренбургском институте императора Николая I плата за обучение и воспитание учениц «назначалась по 130 рублей серебром в год». Это были громадные по тем временам деньги, самые большие, которые уплачивались в женских средних школах. Значительная часть учениц испытывала достаточно большие трудности. Справляться с ними им помогало ведомство учреждений императрицы Марии: например, оно брало на себя расходы по приобретению учебников, классовых принадлежностей, выплачивало стипендии.

Кроме того, часть учениц этого института находилась на полном государственном обеспечении. Почему? Правительство России накануне реформ 1861 г. создало, в том числе и в сфере образования, рычаги, которые должны были смягчить последствия реформ 1861 г. Кроме того, только что окончившаяся Крымская война осиротила десятки и сотни семей офицеров, вдовам которых трудно было дать образование своим дочерям. Государство помогло им, открывая данный тип школ и беря в них на своё содержание большую часть детей.

Материальная помощь в воспитании и обучении оказывалась и дочерям священнослужителей в духовных и епархиальных училищах.

Так, в Уфимском училище с 1862 по 1868 г. обучалось 429 человек. Из них на средства училища содержалось 113 человек, или 26,3 % всех обучавшихся за этот период. При этом число учениц, содержавшихся за счёт училища, росло: 1862 г. – 9, 1864 г. – 11, 1865 г. – 14, 1866 г. – 18, 1867 г. – 23, 1868 г. – 27 человек. Сироты местного духовенства, а также

дети бедных священнослужителей принимались в общежитие училища без взноса платы за обучение или с уменьшенной платой. В училище поступали и ученицы, которые получали «только стол», то есть питание, и могли оставаться до определённого времени с целью приготовления уроков. Таких называли «полупансионерками». До 1872 г. в Уфимском училище училось 846 учениц. Из них на средства школы обучались 228 (27,9 %) школьниц, пансионерок было 430 (50,8 %), вольноопределяющихся – 188 (23,2 %). Подобную картину можно было наблюдать во всех епархиальных школах России, которые содержались на средства местной епархии и подчинялись уставу 1868 г.

Рассмотрим, как работали губернские земства, создавая систему социальной поддержки школьников.

В Екатеринбургскую женскую гимназию в 1874–1875 учебном году из 16 863 рублей дохода 7 000 рублей поступило от местного земства.

В 1873 г. Пермское губернское земство поручило управе заблаговременно публиковать в губернских «Ведомостях» сведения об открывающихся вакансиях на свои стипендии. Через год в «Положение о стипендиях» было внесено важное дополнение: получение стипендии губернского земства перестало увязываться с «непременной службой Пермскому земству» со стороны стипендиатов. Правда, в 1876 г. оно же предложило стипендиатам взять на себя обязательство «прослужить земству за обучение на земский счёт известный срок: год стипендии за год работы». С 1872 по 1879 г. Пермское губернское земство выдало на стипендии в средних учебных заведениях 8 000 рублей.

В 1875 г. Уфимское губернское земство выделило местной женской гимназии 5 стипендий для учениц педагогического класса, которые должны были отработать стипендиальный капитал работой в качестве учительниц в начальных классах в школах губернии.

На Урале в 70-е гг XIX в. земства перешли от единичных случаев назначения стипендий к практике массового использования стипендий как наиболее эффективного средства оказания помощи ученицам женских средних учебных заведений [Приложение 14].

Например, в память десятилетнего управления Оренбургским краем генерал-адъютантом Крыжановским в 1875 г. в Уфимской Мариинской женской гимназии была учреждена стипендия его имени на деньги пожертвованные чиновниками и жителями разных сословий. При Троицкой женской прогимназии по случаю 10-летия работы в качестве попечителя Казанского учебного округа П. Шестакова была учреждена стипендия его имени на капитал, собранный служащими округа.

В 80-е гг. XIX в. на Урале в женских гимназиях и прогимназиях оформился дифференцированный подход к плате за обучение, как социальной мере. Теперь при назначении платы за учение стали учитывать тот класс, в котором обучалась ученица. В Вятской женской гимназии плата за обучение составила в 1880 г. 39 рублей. при этом в основных классах обучения обязательным предметам оплачивалось 25-ю рублями, а в подготовительном и 8-м, педагогическом – 10-ю рублями. Отдельно оплачивались французский язык (10 рублей), пение и танцы (2 рубля 50 копеек). В

результате сбор за обучение составил в Вятской женской гимназии 53,3 % всего дохода школы.

В трёх уральских губерниях Оренбургского учебного округа сбор платы за обучение составил в 1880 году в гимназиях 25 % общих доходов, в 1885 г. – 33 %, в женских прогимназиях в 1880 г. – 5,7 %, в 1885 г. – 9 % общих расходов на их содержание.

В епархиальных училищах России только «второй статьёй дохода» был сбор за обучение, который собирался в виде платы за «своекоштных» пансионеров, за право обучения музыке, иностранным языкам, что составляло от 40 до 50 % доходов. Главным источником их содержания служили сборы с церковью, монастырём, попечительств, духовенства. Этот доход по разным училищам составлял от 40 до 60 %. Как это выглядело конкретно, посмотрим на примере одного уральского училища.

В Уфимском епархиальном училище в начале 1889–1890 учебного года обучалось 199 человек. Из них 131 ученица проживала в общежитии училища, в городе – 68 человек. На церковно-приходские средства содержалось 44 воспитанницы. Стипендиатов, содержавшихся на средства благотворительности, было 9, пансионеров духовного звания со взносом 66 рублей – 55 и светских со взносом 150 рублей – 21 человек. Так было и в школах всего региона.

Повторим, что, как и везде в России, в епархиальных училищах Урала плата за обучение не была главным источником дохода школы, а занимала второе или третье место, уступая первенство сбору с церковью, монастырём, попечительств в пользу женских училищ.

В 80-е гг. XIX в. земства и городские Думы продолжали оказывать помощь ученицам женских средних учебных заведений Урала. В это время, например, Пермское губернское земство, формирует фонды для выдачи стипендий: 1) фонд на выдачу возвратных стипендий для получения образования в высших учебных заведениях, 2) фонд на выдачу безвозвратных стипендий для получения образования в высших учебных заведениях, 3) фонд на выдачу безвозвратных стипендий для получения образования в средних учебных заведениях [Приложение 14].

Фонды постоянно пополнялись. Например, фонды выдачи возвратных стипендий для получения образования в высших учебных заведениях и в средних профессиональных учебных заведениях пополнялись за счёт возвращения денег бывшими стипендиатами.

За более чем двадцатилетнюю историю фондов Пермского губернского земства было выдано почти 140 000 рублей для получения образования в высших и средних учебных заведениях.

Кроме того, создавались и именные фонды. Например, фонд для выдачи безвозвратной стипендии имени И. Грацинского, бывшего директора Пермской мужской гимназии, которой он руководил более 60 лет, составлял 3 963 рубля (наличный капитал 63 рубля плюс процентные бумаги на 3 900 рублей). Проценты с капитала составляли стипендию в 195 рублей в год.

Помощь школе оказывали и уездные земства. Так, Екатеринбургское уездное земство назначило в 1886 г. 200 рублей местному епархиальному женскому училищу, с

тем, чтобы на эти деньги содержались в школе стипендиаты, кандидатуры которых должна была определить администрация. По смете на 1887–1888 учебный год ассигновалось то же пособие. С 1888 г. эта сумма увеличилась до 420 рублей, но при этом выбор стипендиаток осуществляла уже земская управа, которая на эту сумму содержала 3-х стипендиатов, расходуя на каждую по 140 рублей (130 рублей стипендия и 10 рублей на учебные пособия).

Чердынским уездным земством с 1880 по 1889 г. в женских гимназиях и епархиальных училищах было установлено 5 стипендий, что составляло 29,4 % всех стипендий, утверждённых земством в мужских и женских средних учебных заведениях.

Вятская Городская Дума в 1888 г. отчислила из прибылей общественного банка 1 900 рублей на учреждение из процентов с этого капитала трёх стипендий в местной мужской и женской гимназии.

В связи с ростом количества учениц в учебных заведениях обострились некоторые социальные вопросы. В эти годы оставалась острой проблема жилья для учеников гимназий и прогимназий, которую помогали решать местные органы власти, благотворительные организации.

Попечительский совет Пермской Мариинской женской гимназии записал 11 июня 1884 г. «что совет всегда считал в числе своих обязанностей материальную помощь гимназии, содержание ученических квартир, строительство общежитий». Совет передал созданному в гимназии «Обществу для доставления квартир ученицам Пермской женской гимназии» выкупленный дом. Условием передачи яв-

лялись следующие пункты: страхование, содержание, по мере надобности ремонт дома. Общество не только помогало ученикам с жильём, предоставляя его за умеренную плату, но и особо нуждающимся определяло бесплатные места. Уже в 1885 г. в общежитие гимназии совет Общества бесплатно поселил осиротевшую ученицу 1-го класса О. Романову. В 1886–1887 учебном году из 30 живших в общежитии учениц несколько человек проживали бесплатно, причём пятеро из них – за счёт Общества, а двое – за счёт земства.

Как видим, в 80-е гг. XIX в. на Урале появились новые благотворительные организации, фонды, общества, которые брали на себя выполнение конкретных социальных задач: выдачу стипендий или обеспечение нуждающихся жильём.

В 90-е гг. XIX в. система материального обеспечения школы продолжала действовать. Как и прежде, главным среди факторов, влиявших на возможность обучения в женских учебных заведениях, была плата за обучение, которая продолжала оставаться одним из основных источников доходов. В уральских гимназиях в 1890 г. она составила 30,9 %, в 1895 г. – 26,04 %, в 1899 г. – 38,5 % всех доходов. В женских прогимназиях эта статья доходов, как и в былые времена, в 90-е гг. не стала ни главным, ни одним из основных источников финансирования школы: в 1890 г. – 11,27 %, в 1895 г. – 12,23 %, в 1899 г. – 15,11 %.

В Пермской Мариинской женской гимназии плата за обучение за 50 лет менялась следующим образом:

В 1860 г. за обучение обязательным предметам – 15 руб., необязательным предметам – 20 руб., обучение в приготовительном классе – 10 руб. в год

В 1880 г. за обязательные предметы платили 20 руб., за необязательные – 6 руб. за каждый предмет в год

В 1896 г. в приготовительном классе платили 20 руб., в 1–4 классах – 24 руб., в 5–7 классах – по 30 руб., в 8 классе – 40 руб. за обязательные предметы, по 6 руб. за необязательные.

В 1907 г. за все обязательные предметы в младшем отделении приготовительного класса платили по 25 руб., в старшем отделении по 30 руб., в 4 классе платили по 32 руб., в 5 классе – по 38 руб., в 6 классе – по 40 руб., в 7 классе – по 45 руб., в 8 классе – по 55 руб., за новые языки (английский и немецкий языки) – от 8 до 10 руб. за каждый язык.

В епархиальных училищах сбор платы за обучение был ещё ниже. Так, в 1894 он составил в Пермском училище 2,29 %, в Уфимском – 5,31 %, в Оренбургском – 5,76 % всей суммы доходов училищ.

В Оренбургском Николаевском институте в 1894 г. сбор платы за обучение составил 50 % всех средств института. Это было исключением. Оно определялось тем, что институт находился в ведении ВУИМ. Отсюда и такой высокий процент в доходах института, который давала статья платы за обучение.

Демократическое начало русской национальной школы проявлялось и в том, кто и за что освобождался от платы за обучение. Примером может служить одна из старейших женских гимназий Урала – Оренбургская.

4 февраля 1897 г. на имя начальницы Оренбургской женской гимназии поступило «прошение» от жены местного мещанина А. Валявиной, в котором она просила найти возможность освободить её от уплаты денег, «следующих за обучение дочери Марии». Свою просьбу А. Валявина мотивировала тем, что «после ликвидации торговых дел мужа» семья находится в весьма затруднительном положении. Её просьба была удовлетворена.

В октябре 1886 г. в попечительский совет этой же гимназии обратилась М. Леваневская: «Не имея средств к жизни, кроме личного моего труда, честь имею покорнейше просить освободить дочь мою, ученицу 3-го класса Марию Малюга, от платы за право учения на одну из стипендий от городской управы, при чём прилагаю свидетельство о моей несостоятельности». В свидетельстве, выданном городским полицейским управлением Оренбурга, говорилось, что «вдова разжалованного унтер-офицера Омского пехотного полка М. Леваневская, 36 лет от роду, имеет от первого брака с штабс-капитаном Малюгой детей: Бориса 15 лет, обучавшегося на казённый счёт в Ярославском кадетском корпусе, и Марию 13 лет, обучавшуюся в местной женской гимназии. Имущества как движимого, так и недвижимого не имеет. Просительница состояния крайне бедного и уплатить за право учения своей дочери Марии не в состоянии».

Мы привели столь длинные выдержки из документов, с тем чтобы показать, что а) социальную помощь могли просить и дети дворян, и дети мещан, б) каково действительно могло быть состояние тех, кто нуждался в социаль-

ной помощи, в) и что эту помощь оказывали и общественные организации, и местные органы самоуправления.

В епархиальных училищах освобождением от платы за обучение занимались Съезды духовенства епархий. Так, в 1891 г. Съезд пермской епархии рассмотрел несколько заявлений о принятии на епархиальное содержание, т.е. на бесплатное обучение. Среди заявителей был священник В. Евфимовский, который просил принять его дочь на епархиальное, бесплатное обучение. Просьба обосновывалась бедностью его прихода и многочисленностью семейства, где росло 9 детей. Прошение было удовлетворено наполовину: его дочь была принята на полуепархиальное содержание. Заявление псаломщика Рузумника Дягилева о принятии его дочерей на содержание епархии на время обучения ввиду бедности просителя было удовлетворено.

В училищах этого типа в конце XIX в. оказывалась помощь ученицам в обеспечении их жильём. В России в епархиальных училищах в 1891 г. обучалось 11 176 учениц. Из них 8 500 человек, или 76 %, жили в общежитиях.

Из 8 500 человек находилось на полном епархиальном содержании около 2 964 беднейшие воспитанницы (34,87 % всех проживавших в общежитиях и 26,51 % от всего числа учениц). Сверх того, 446 воспитанниц содержались на средства благотворительности, а 369 человек были на полукостном содержании.

Отдельные епархиальные училища получали и иную форму помощи. Так, например, в 1891 г. в Екатеринбурге епархиальное женское училище получило 600 рублей по завещанию подпоручицы К. Радкевич, 1 250 рублей по заве-

щанию купеческой вдовы А. Серюкиной, от неизвестного – 5 000 рублей. В это же время в Уфимское училище от преосвященного Дионисия поступило 1 500 рублей, а в 1890 г. сюда пришли деньги от неизвестного жертвователя в сумме 17 320 рублей «на содержание беднейших учеников духовенства».

Подобные акты благотворительности и оказания помощи детям в разных формах были характерны и для начала XX в. Эта была целенаправленная политика, которую осуществляли органы власти с участием частных лиц.

В конце 90-х гг. XIX в. начале 1900-х определились основные направления земской политики по отношению к женской средней школе на Урале, окончательно закреплённые с учреждением земства в Оренбургской губернии. Земства укрепляли материальную базу школы и ассигновали средства на выдачу стипендий и пособий на образование и подготовку учительских кадров.

Так, стипендиями Уфимского губернского земства с 1893 по 1910 г. пользовались ежегодно 12 стипендиатов. Размер полной стипендии составлял 240 рублей.

Пермское губернское земство выделило с 1872 по 1899 г. 43 622 рубля для стипендиатов средних учебных заведений – около половины той суммы, которая была истрачена земством до 1910 г. С 1891 по 1899 г. оно увеличило пособие обществам взаимопомощи и попечительствам о бедных учащих до 800 рублей, а с 1890 г. за счёт внесения в смету земства 3 000 рублей был создан новый фонд для выдачи безвозвратных стипендий с капитала этого и других фондов [149].

С 1898 г. Пермская губернская управа получила право для удовлетворения нужд школьниц (приобретение тёплого платья, сапог и т.п.) использовать деньги специального фонда в размере 4 тыс. рублей.

Как и в прошлые годы, деятельность губернских земств дополнялась работой местных земских органов власти.

Екатеринбургская земство с 1891 г. учредило две стипендии по 130 рублей. Кто получал эти средства? В 1898 г. стипендия была назначена дочери учителя Тёткина, обучавшейся в епархиальном училище, в 1899 г. пособие на обучение в гимназии получили дети учителей Короткова и Соколовой. На эти же цели деньги были выделены фельдшерам Курынину и Чиркову, у которых дочери учились в женской гимназии и епархиальном училище. Большинство из получавших помощь от земства – это земские служащие (учителя, врачи, землемеры и др.).

Стипендии были учреждены и в учебных заведениях Вятской губернии. В Сарапульской женской прогимназии было пять стипендий от уездного земства и две от Городской Думы. В местном епархиальном училище выплачивалось сто стипендий на сумму 6 500 рублей. Деньги были с церковью епархии. В губернии работало шесть обществ вспомоществования нуждающимся учащимся, из них три – в женских прогимназиях Котельнича, Уржума, Сарапула. Кроме того, существовало общество вспомоществования учащимся и учителям учебных заведений города Малмыжа и его уезда.

В епархиальных училищах России в начале XX в. около 30 % учениц получали социальную помощь в различной

форме. Так, число воспитанниц, содержавшихся на училищные средства в г. Уфе, составляло в 1869 г. – 27 (27 %), в 1879 г. – 26 (21,8 %), в 1899 г. – 112 (51,3 %).

Еще одной мерой социальной поддержки стали введенные в средних учебных заведениях с 1901 г. сберегательные кассы. Они были призваны приучать «детей школьного возраста к бережливости».

Благодаря социальной помощи ученицам хорошо была организована система воспитания и обучения в данном типе учебных заведений.

В других училищах Урала в 1909–1910 учебном году были на содержании училищ или пользовались стипендиями и другими пособиями: в Вятском – 23,6 %, в Елабужском – 18,8 %, в Екатеринбургском – 37,4 %, в Оренбургском – 39,5 %, в Челябинском – 43 %, в Орловском – 22,2 %, в Пермском – 49 % учеников. Такая помощь продолжалась в этих и других школах вплоть до 1918 г., т.е. до момента их закрытия новой, Советской властью.

В начале XX в. в женских гимназиях и прогимназиях Урала система материальной, социальной помощи оставалась прежней. В её основе, как и прежде, лежала умеренная плата за обучение. Например, в Пермской Мариинской женской гимназии плата за обучение менялась в течение 50 лет несколько раз. В 1860 г. она составила 15 рублей во всех классах. Через 50 лет, в 1911 г. плата за обучение изменялась следующим образом: в приготовительном классе – 30 рублей, в 1–4 классах – 38 рублей, в 5–7 классах – 45 рублей, в 8-м классе – 65 рублей. Однако значительная часть учениц была и от неё освобождена. За 50 лет Пермской

Мариинской женской гимназии из 22 700 учениц 5 070 , или 22,33 % , были освобождены от платы за учение.

Значительную материальную помощь ученицам женской средней школы с конца XIX в. оказывали общества вспомоществования, устав которых был утверждён в 1897 г.

Например, с 22 октября 1898 г. при Пермском епархиальном женском училище было открыто «Общество вспомоществования нуждающимся ученицам». Оно состояло из 10 пожизненных и 67 действительных членов. Капитал Общества за десятилетие увеличился с 1 659 рублей до 6 418 рублей. В 1909–1910 гг. подобные благотворительные общества были открыты при 32 епархиальных училищах. России.

В 1910 г. «Общество вспомоществования нуждающимся ученицам» действовало в Екатеринбургской женской гимназии. Из поступивших 2 016 рублей оно оказало помощь в оплате за обучение 73 ученицам на сумму 1 450 рублей. В 1910 г. подобное Общество в г. Ирбите выдало деньги на обучение в сумме 250 рублей, на приобретение учебников в сумме 16 рублей и т.п. А в Чердынской женской гимназии Общество ведало квартирами и обеспечивало питание в общежитии 28 человек.

В годы Первой мировой войны помощь Обществ была особенно востребована. Например, в 1916 г. «Общество вспомоществования нуждающимся ученицам» помогло в оплате за обучение 92 школьницам Екатеринбургской женской гимназии. Чуть раньше, в 1914/1915 учебном году Оренбургское губернское земство разослало напоминание во все средние школы, что для 71 человека им установлены стипендии.

В годы Первой мировой войны императором России Николаем II в каждом правительственном среднем учебном заведении были установлены Георгиевские стипендии для детей лиц, награждённых орденом, крестом, медалью святого Георгия. И уже в январе 1917 г. в Верхнеуральской женской гимназии были учреждены стипендии для дочерей первых георгиевских кавалеров.

Таким образом, можно сделать несколько важных выводов.

С 60-х годов XIX в. на Урале начали открываться женские средние учебные заведения на демократической основе. Они сами стали частью демократических процессов в сфере школьной политики и были частью социальной помощи государства и местных органов самоуправления своему народу в деле обучения и воспитания подрастающего поколения.

В XIX – начале XX столетия в женских средних школах Урала начала складываться система материального обеспечения процесса обучения и воспитания детей, составными частями которой были «умеренная плата» за обучение; освобождение от платы за обучение; назначение стипендий; выдача денежных пособий, одежды, обуви, книг, учебных принадлежностей, бесплатное проживание в общежитиях. В 60-е гг. XIX в. все эти социальные процессы только зарождались и получили дальнейшее развитие в более позднее время, в конце XIX – начале XX в., что способствовало поступательному развитию вперёд всей женской средней школы Уральского региона.

3.2 | ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ УЧИТЕЛЕЙ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В НОВОЙ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Для истории России начала XXI в. важно то, что сегодня реформирование народного образования происходит в тех же условиях (но на более высоком уровне), что и полтора столетия назад. В XIX в, с одной стороны, региональные и местные органы власти, население осваивали рыночные отношения, в том числе в народном образовании, а с другой – шёл процесс становления и развития этого самого народного образования, на который активно влияли региональные губернские и местные органы самоуправления, губернские и уездные земства, Городские Думы и управы.

В основу рассмотрения этой проблемы мы положим изучение социальных вопросов: наличие возможности получения высшего образования и в связи с этим изменение образовательного ценза учительской интеллигенции (а это, в свою очередь, приводило к росту заработной платы); улучшение условий труда; получение работы выпускниками средних школ, имеющих педагогическую специальность; наличие жилья и возможность его оплаты с помощью субсидий со стороны государства или местных органов самоуправления; получение отпуска «внутри Империи или за границу»; награждение учителей государством, т.е. то, что определяет положение учителя в обществе, его статус и моральное удовлетворение от работы. А это в нема-

лой степени влияло на настроение учителей, на их любовь к Родине и их веру в своё государство.

Мы уже говорили выше, что правительство России расширяло возможности применения труда выпускниц женских средних школ (их стали принимать на работу в банки, на почту и телеграф и т.п); они приобретали высшее образование на высших женских курсах (обучались на учителей, врачей); они получили возможность работать в средних учебных заведениях. Правительство всемерно поощряло поступление выпускниц женских школ на должности учительниц в начальные классы женских гимназий и учительниц в начальные школы.

В Пермской губернии в 1870 г. было 209 начальных школ, в которых обучалось 9 219 учеников. Через 20 лет число школ выросло и составило внушительную цифру в 972 учебных заведения, в которых училось 55 918 школьников, т.е. за это время число школ выросло более чем в 4 раза, а количество учеников – в 3 раза.

Свои школы открывал и Святейших Синод Русской православной Церкви, чем расширялось педагогическое пространство для деятельности выпускниц епархиальных женских училищ этого ведомства.

Таким образом, в России появилась возможность для получения женского образования, профессии учителя и работы в школе. С 1856 по 1896 г. только количество учениц начальной школы увеличилось в 22 раза, число женских средних учебных заведений выросло с 1865 по 1895 г. в 12 раз.

К концу XIX в. изменялся количественный состав женских средних школ, число учительниц в них и их образовательный ценз.

Об изменении численности, образовательного ценза учителей и учительниц в женских гимназиях и прогимназиях Оренбургского учебного округа с 1880 по 1900 г. красноречиво говорят данные нашего приложения [Приложение 7 и 8].

Кроме вышеназванных характеристик деятельности местных органов власти основным её содержанием становится активизация школьных процессов. Рост числа женских средних школ сопровождался, во-первых, преобразованием прогимназий в гимназии и, во-вторых, открытием новых гимназий. Это привело к тому, что на Урале к 1917 г. 95 % всех учебных заведений этого класса были преобразованы в гимназии.

Изменялись условия труда в школах. Крепла материальная база школы. Этому способствовало увеличение источников финансирования учебных заведений, что было связано в первую очередь с процессом подготовки и открытия земств в Оренбургском учебном округе. Безусловно, что сам процесс роста числа учеников в школах приводил к повышению сбора платы за обучение. А это, в свою очередь, благоприятно сказывалось на материальном положении школы: строились новые здания, храмы, больницы, пополнялись книгами и учебными пособиями библиотеки, приобреталось оборудование.

Школьные здания, в которых размещались школы, по своим характеристикам, были различными.

Оренбургская женская гимназия помещалась в 2-х этажном каменном здании. На верхнем этаже размещались учебные классы, на нижнем – пансион.

Уфимская Мариинская женская гимназия располагалась в собственном деревянном доме, пожертвованном Базилевским. Большая часть – достаточно тесные комнаты. Физический кабинет помещается там, где раньше была швейцарская.

Пермская Мариинская женская гимназия находилась в собственном полукаменном доме.

Екатеринбургская женская прогимназия занимала помещения в двух зданиях: в собственном доме и доме городского общества. За наём уплачивалось 300 рублей в год. Помещений в 1880–1881 учебном году не хватало, поэтому педагогический совет ограничил приём в 1-й класс, закрыв одну параллель этого класса. Городская Дума обещала в новом учебном году построить новое здание. Что и было сделано.

Прогимназия Оренбурга после пожара 16 апреля 1879 г. помещалась в одноэтажном доме, вновь построенном на средства Городской Думы. Помещение было весьма удобным для организации процесса обучения. Здесь же размещалась квартира для начальницы прогимназии.

Челябинская и Троицкая прогимназии размещались в собственных, достаточно удобных помещениях.

Мензелинская прогимназия размещалась в наёмном доме: неудобном, тесном, с плохим освещением, без рекреационного зала и комнаты для рукоделия. На время проведения местной ярмарки помещение полностью освобожда-

лось для нужд продавцов и посетителей. Собственное помещение школы сгорело.

Кунгурская прогимназия была в 4-комнатном доме, принадлежавшим уездному училищу. Помещение тесное и неудобное,

Этот период развития школы Урала ознаменовался новым, крупным и качественным элементом в практике школьного строительства: открытием частных и земско-городских женских средних учебных заведений. Этот вид учебных заведений отличало только одно: источники финансирования. Частная школа в основном существовала за счёт сбора платы за обучение, а земско-городские женские средние школы – за счёт средств местных органов власти: земств, Городских Дум и управ. И тот, и другой вид школы развивался классически: от училища к прогимназии и от неё к гимназии. Правда, были исключения. Для этого периода развития женской школы характерны и другие качественные характеристики. Посмотрим, какие именно.

Обратимся к основным характеристикам развития женской средней школы Урала с 1895 по 1917 г. Начнём с важнейшего элемента – с изменения числа учебных заведений и количества учениц в них.

За более чем двадцать лет – с 1895 по 1917 г. – общее число женских средних школ на Урале выросло в 2 раза, достигнув 66. Почти в 3 раза увеличилось их количество в Пермской и Вятской губерниях, в два раза – в Оренбургской, более чем в 1,5 раза – в Вятской губернии.

Необходимо иметь в виду, что прирост женских школ в Вятской и Пермской губерниях шёл от большего числа школ,

чем в Уфимской и Оренбургской губерниях. К 1915 г. по количеству женских средних школ Вятская и Пермская губернии превосходили Уфимскую и Оренбургскую в два раза.

Заметим, что увеличение числа женских школ было обеспечено появлением новых гимназий, число которых выросло с 6 до 52, т.е. увеличилось почти в 9 раз, а состав прогимназий с 20 уменьшился до 6, т.е. более чем в три раза, в том числе и за счёт преобразования в гимназии.

Большой популярностью на Урале пользовались епархиальные женские училища, количество которых выросло к 1915 г. до 7, т.е. почти в два раза. В этих школах увеличилось и число школьниц: с 738 до 2 841.

В школах Урала с 1895 г. резко изменилось количество учениц, число которых приблизилось в 1915 г. к 30 000, т.е. увеличилось почти в пять раз.

На Урале наряду с изменением числа женских средних учебных заведений и количества учениц в них росло и число учебных заведений. В 1905 г. их было 4 995, в 1910 г. – 8 864, в 1914 г. – 8 850 (без Оренбургской губернии), т.е. каждые пять лет количество учебных заведений в Вятской и Пермской губерниях росло, опережая этот процесс в Уфимской и Оренбургской губерниях. Особенно это заметно по Пермской губернии, где с 1905 по 1914 г. количество учебных заведений увеличилось с 1 313 до 3 351, т.е. почти в три раза.

Отметим, что в отличие от неравномерного развития и роста числа учебных заведений на Урале состав школьников рос здесь практически равномерно, во всех губерниях почти в 2 раза (кроме Оренбургской губернии). В 1905 г. в Вятской губернии было 148 622 ученика, в Пермской

губернии – 107 377, в Уфимской губернии – 6 640, в Оренбургской – 100 151 учащихся. В 1914 г. количество учеников в Вятской губернии выросло до 216 867, в Пермской – до 230 586, в Уфимской – до 125 312 человек.

Конечно, образование выпускниц женских средних школ было разным по объёму знаний и по их качеству и не могло не сказываться на квалификации учительниц. Например, по программе женской гимназии такие предметы, как русский язык, арифметика, география заканчивались в 4 классе, а математика, физика, естественная история преподавались с 5 класса. Тем самым, ученицы, которые заканчивали учёбу в 4 классе женской гимназии или в 4-классной прогимназии не знали целых учебных курсов. Однако руководство Министерства народного просвещения, Святейшего Синода, ведомства учреждений императрицы Марии, местных органов власти шли на развитие сети школ, чтобы продолжить постепенное изменение контингента учительниц, их профессиональной пригодности: главной задачей было повышение образовательного уровня как учеников, так и учителей.

К концу XIX в. женщины составили почти половину преподавательского состава уральской начальной школы. Самым распространенным видом образования среди женщин было общее среднее – 95,5 %, у мужчин же оно составляло 65,7 %. Ниже мы приводим данные, по которым можно на примере одного из уездов Пермской губернии наблюдать, где работали выпускницы женских средних учебных заведений, как росло их число и уровень образования.

В 1875 г. в Чердынском уезде преподавало 15 человек, среди которых не было ни одной женщины. Поэтому в местных школах обучалось только 7 девочек и 257 мальчиков. В начале 1876 г. в школы уезда стали приходить в качестве учительниц первые выпускницы женских гимназий и прогимназий, и в 1885 г. мы видим в школах уезда первых учительниц с дипломами гимназий. К 1894 г. почти половина учителей уезда – это женщины, из них половина закончила средние учебные заведения.

К началу XX в. более половины учителей Чердынского уезда – это женщины, около 60 из них окончили средние учебные заведения. Один из результатов этого – увеличение числа девочек, обучавшихся в школах уезда. С семи человек в 1875 г. их количество выросло к 1910 г. до 1 509 учениц, что составило почти 30 % всех учеников уезда, обучавшихся в средних школах.

В уездах уральских губерний образовательный ценз учительниц был высок. Так, в г. Златоусте Уфимской губернии из 168 учительниц в 1912 г. 121 человек, или 72,21 %, получили образование в средних школах: в женской гимназии – 35, в прогимназии – 70, в епархиальном училище – 16 человек. Остальные 47 человек, или 28 %, получили образование в учительской школе или двухклассном училище.

Высокий образовательный ценз учителей в уездах влиял на аналогичные показатели в губернии. Так, довольно высоким был образовательный уровень учителей народных училищ Пермской губернии (см. табл. 3)

Таблица 3

**Образовательный уровень учителей народных школ
Пермской губернии в начале XX в.**

Тип школы	Учителя	Учительницы
Бузы	-	1 - 0,07 %
Учительские семинарии	148 - 28,6 %	27 - 1,95 %
Средние учеб. заведения	52 - 10 %	773 - 55,3 %
Женские прогимназии	-	391 - 28 %
Низшие учеб. заведения	300 - 57,9 %	98 - 7 %
Домашнее образование	18 - 3,5 %	108 - 7,7 %

Данные таблицы показывают, что образовательный ценз земского учительства Пермской губернии определялся прежде всего выпускниками средних учебных заведений (около 60 % всего состава), причём представительницы женской средней школы доминировали. Число учительниц, получивших образование в женских гимназиях, епархиальных училищах, институтах, составляло 55,3 %, а в прогимназиях - 28 %, всего более 80 %. Среди мужчин уровень образования определялся в основном низшей школой - около 60 %, выпускники средней школы составляли 10 %, вместе с выпускниками учительских семинарий - 28 %.

Образовательный уровень изменялся не только среди учителей низшей школы - росло профессиональное мастерство и в педагогических коллективах женской средней школы на Урале и в России. В Оренбургском институте в начале века образовательный ценз был следующим: окон-

чили университет – 4, среднюю школу – 7, семинарии – 2 человека. В институтах России работали женщины, окончившие университеты – 341, высшие учебные заведения – 54, средние учебные заведения – 226 человек.

В 1913–1914 учебном году в Челябинском епархиальном женском училище из 21 преподавателя 2 имели высшее образование, 13 окончили Оренбургское епархиальное училище, 6 – духовную семинарию.

Таким образом, образовательный уровень учителей и учительниц женских средних школ был достаточно высоким, если иметь в виду, что здесь, на Урале, вплоть до 1917 г. не было высших учебных заведений и потолок образования для жителей края заканчивался средней школой.

В начале XX в. в женских средних учебных заведениях Урала выросло профессиональное мастерство учителей, о чём свидетельствует важнейший показатель – образовательный ценз педагогов. Образование в России до революции 1917 г. было тем капиталом, получив который, многие тысячи молодых женщин спасали себя от мрака нищеты и беспросветной нужды, становясь учительницами в гимназиях, епархиальных училищах, институтах и низших учебных заведениях.

Конечно, надо иметь в виду, что положение учителя средней и низшей школы было неодинаковым. Различным могло быть состояние учителей даже в одном городе – в епархиальном училище, институте и внутри школы: по оплате, по условиям работы, жилищным условиям и т.п. Но всё же это давало надежду на иную жизнь, во многом и для многих отличную от прежней.

Рассмотрим подробнее эту проблему и начнём с главного для наёмного работника – заработной платы.

Законом от 3 мая 1908 г. был установлен оклад за работу в низшей школе, который составлял 360 рублей, а учитель городского училища стал получать 500 рублей.

Иным материальное положение было у учителей средней школы. Так, в 1901 г. учителя Бирской женской гимназии получали: начальница – 600 рублей (при готовой квартире), законоучитель – 290 рублей, учитель рисования с 14 уроками – 505 рублей, учитель арифметики за 12 уроков – 435 рублей, учитель географии за 12 уроков – 440 рублей, класная надзирательница – 300 рублей. Из 14 человек только 2 человека имели низшее образование. Через несколько лет зарплата стала другой. В 1911 г. начальница получала 840 рублей (при готовой квартире), надзирательница – 420 рублей [130].

Можно отметить ещё одну особенность в материальном обеспечении учителей. Начальницы учебных заведений получали в два – три раза больше, чем остальные учителя. Кроме того, даже при относительно высоком заработке они всегда имели возможность взять дополнительную нагрузку по предметам, которые хотели вести.

На Урале начальницы средних учебных заведений получали (многие при готовых квартирах): в Камышловской гимназии – 900 рублей, в Екатеринбургской – 1 320 рублей, во второй Екатеринбургской – 900 рублей, в Пермской – 1 200 рублей, в Ирбитской – 1 500 рублей, в Бирской – 840 рублей. Разница в зарплате объясняется двумя факторами: наличие высшего образования (или его отсутствие) и

число учениц (чем их больше, тем выше могла быть зарплата).

Преподаватели могли работать в двух или трёх учебных заведениях. Так, в Оренбургской женской гимназии учителем педагогики работал статский советник преподаватель русского языка местного реального училища Н. Введенский, учителем естествознания работал его коллега – статский советник М. Галамиев, преподавал историю и географию статский советник К. Белавин, который вёл эти предметы в местной мужской гимназии. Их зарплата составляла от 1,5 до 2,5 тыс. рублей.

Достаточной ли была зарплата, можно в какой-то мере судить по ценам на базарах Урала. В Пермской губернии в 1877 г. пуд мяса 1 сорта стоил 2 рубля 80 копеек, 3 сорта – 1 рубль 80 копеек. Через десять лет пуд мяса 1 сорта стоил от 3 рублей 20 копеек до 3 рублей 80 копеек. Мясо 3 сорта – 2 рублей 80 копеек и ниже. В 1897 г. цены фактически не изменились. В начале 1911 г. мясо 1 сорта стоило 4 рубля 41 копейку за пуд, а в 1915 г. – 5 рублей 97 копеек за пуд. Цены могли быть и ниже [Приложение 17].

Чтобы привлечь и удержать женщин в профессии учительницы многое делалось на уровне государства.

21 декабря 1873 г. император Александр II ввёл льготы, по которым учительницы женских гимназий и прогимназий, прослужившие в них не менее 10 лет, получали право бесплатного обучения своих дочерей в этих школах, правда, при условии, что они представят «свидетельство о бедности». Через 30 лет эта льгота была распространена и

на мальчиков, чьи родители работали в мужских и женских учебных заведениях.

Учителя часто пользовались этой льготой. Так, в 1888 г. в Сарапульской женской гимназии было освобождено от платы за обучение в первом полугодии 24, а во втором 21 ученица. Плата за обучение составляла 10 рублей в приготовительном классе и доходила до 40 рублей в 8 классе. Между тем зарплата учителей в 80-е гг. XIX столетия составляла: начальницы – 800 рублей, законоучителя – 500 рублей, учителя словесности – 360 рублей, русского языка – 560 рублей, математики и арифметики – 840 рублей.

Для сравнения: начальник Оренбургского губернского жандармского управления В. Дувинг получал 1 067 рублей; председатель Палаты гражданского и уголовного суда Ю. Рохальский и Оренбургский губернский прокурор Ф. Анфилов по 3 500 рублей, директор Оренбургской мужской гимназии Н. Якубовский 2 780 рублей, преподаватель русского языка местной гимназии Е. Данилов 2 480 рублей. В Оренбургской женской гимназии преподаватель немецкого языка Э. Флюгель получал 1 395 рублей, французского языка А. Жанколя – 685 рублей, учитель пения И. Инчагов – 180 рублей, учительница танцев и гимнастики А. Протопопова – 440 рублей в год [Приложение 11].

Ещё одной льготой государства было выделение пособия тем, кто не мог по своему материальному положению воспитывать детей в учебных заведениях. Пособие выдавалось на детей в возрасте от 7 до 18 лет для девочек и от 7 до 19 лет на мальчиков, т.е. до того возраста, когда дети заканчивали среднее учебное заведение.

В начале XX в. учителя стали получать новые льготы. Для удовлетворения духовных и материальных потребностей служащих Министерства народного просвещения было разрешено создание благотворительных обществ (с 4 марта 1906 г.). Кроме того, лица женского пола стали допускаться к преподаванию не только в младших классах, но и в старших классах мужских средних учебных заведениях. При этом они могли получать оклад в 750 рублей за 12 уроков и 60 рублей за каждый дополнительный урок (с 1906 г.). Одновременно лицам вновь определяемым на учебные должности в женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения стали производиться выплаты полугодовых и годовых окладов жалованья из расчёта: а) начальницам и главным надзирательницам гимназий – в 500 рублей, б) преподавательницам и надзирательницам гимназий и прогимназий – в 300 рублей.

Среди социальных факторов, определяющих роль и место учителя в обществе и стране, не последнюю роль играли жильё, отпуска, награды и пенсии.

В 1889 г. попечительским советом Уфимской Мариинской женской гимназии был составлен план строительства нового здания. В нём предполагалась, как и везде, квартира для начальницы гимназии: 5 комнат, кухня, прихожая. Квартира смотрителя здания гимназии должна быть, согласно смете, меньше: три комнаты.

В 1915 г. в Пермскую 2-ю Александровскую женскую гимназию пришёл циркуляр, в котором были утверждены санитарные нормы строительства зданий учебных заведений. Этим документом определялось, что квартиры директоров гимназий должны быть размером не больше 40 квад-

ратных сажен (1 сажень равна 2,134 м), а квартиры начальницы гимназии, инспектора и законоучителя – 35 квадратных сажен. Площадь 40 кв. сажен должен был иметь гимнастический (спортивный) зал гимназии.

Квартиры, говорилось в этом циркуляре, если они устраивались в школьных зданиях, должны были помещаться отдельно от школьных помещений и друг от друга. Кроме того, они должны были иметь собственные выходы.

Один из авторитетных русских педагогов А. Вирениус в статье о десятилетии «Первой Всероссийской гигиенической выставки в 1893 г.» искренне возмущался, что «сумма, затрачиваемая на постройку квартир служащих, особенно директора, доходит в иных случаях до десятков тысяч рублей; кроме того ремонт требует значительных затрат, да и отопление, освещение и содержание квартиры в вящей чистоте и опрятности поглощает солиднейшую сумму... Мало того, что под квартиры директора и инспектора отводится большей частью лучшая, самая дорогая часть здания, находят нужным для этих лиц отводить ещё особые, часто обширнейшие кабинеты, так называемые «директорские», «инспекторские», «приёмные» и т.п». Не менее «директорских» кабинетов изумляет автора статьи «в некоторых заведениях какой-нибудь зал педагогического совета или роскошная учительская» [172].

Если местные органы власти не могли предоставить учителю или директору готовую квартиру, то те получали так называемые «квартирные деньги», т.е. средства для аренды жилья. Сумма «квартирных денег» могла составлять 15–20 % к получаемому окладу или зарплате.

Одной из самых важных социальных льгот был отпуск, к которому учитель готовился практически весь год. Материальное благополучие, которое обеспечивалось до октября 1917 г. учителю женской средней школы Урала местными и региональными органами власти позволяло ему решать целый ряд своих социальных потребностей, например: отдыхать и лечиться, повышать свою квалификацию, как в России, так и за границей. Многие учителя отпуск старались провести за границей [110].

К примеру, 26 марта 1908 г. преподавательница русского языка 2-й женской гимназии г. Оренбурга М. Барановская в своём заявлении на имя директора педагогического совета просила разрешить ей отпуск «за границу на каникулярное время с 1 июня по 10 августа». Через некоторое время попечитель учебного округа известил её, что «департаментом общих дел Министерства заграничный отпуск» разрешён.

В 1911 г. учительницы французского и немецкого языков Екатеринбургской 2-й женской гимназии А. Соколова и О. Томсон просили разрешение на отпуск за границу «с целью специализации в своём предмете» и такое разрешение ими было получено.

За границу в отпуск ездили не один или два преподавателя, а десятки, а по всему Уралу и сотни учителей. Так, 17 апреля 1914 г. Министр народного просвещения подписал разрешение на отпуск за границу почти пятидесяти директорам, начальницам и учителям уральских гимназий, прогимназий, городских училищ.

В отпуск уезжали директор Пермской мужской гимназии Н. Бравин (на два месяца, с 10 июня 1914 года, внутри Империи), директор Осинского реального училища В. Белавин (на два месяца, с 17 июня, за границу), начальница Троицкой женской гимназии М. Каменская (с 1 июня 1914 года, на два месяца, за границу), преподавательницы русского языка Пермской Мариинской женской гимназии А. Лаптева и французского языка Е. Жданова (обе – на летние каникулы, на два месяца, за границу) и т.д.

Хотелось бы отметить, что во-первых, не один и не два директора или учителя отправлялись в отпуск; во-вторых, ехали не в конце лета или осенью, а в самый разгар лета; в-третьих, конечно, учителя и директора школ ехали тогда, когда цены в Европе были умеренные.

Значительной была роль царской семьи в решении социальных проблем школы.

В кругу царской семьи любили школу и со знанием дела говорили о её проблемах и путях их решения. Школа в России была как бы «семейным делом» Дома Романовых с самого её появления. Одни члены семьи Романовых заботились и опекали отдельные гимназии, реальные училища и школы. Другие работали с целыми системами обучения и воспитания россиян. Так, например, принц Е. Ольденбургский оказывал покровительство гимназиям Санкт-Петербурга. Супруги же российских императоров, начиная с жены Павла I Марии Фёдоровны, развивали беспримерные традиции попечения о женских институтах и гимназиях. Женские средние учебные заведения были объединены в систему и составили одну из существенных учебно-

воспитательных частей так называемого ведомства учреждений императрицы Марии (ВУИМ), которое финансировалось из средств царской семьи. В каждой уральской губернии были такие гимназии, которые опекались царской семьёй.

Члены царской семьи, наследники престола, великие князья, часто посещали учебные заведения, так как попечение о школах и повседневная забота о них были важнейшей частью государственной политики. Не раз бывали представители царской семьи в уральских средних учебных заведениях. Так, 11 июня 1887 г. Великий князь Михаил Николаевич и его брат побывали в Пермской женской гимназии. В это же время его брат Алексей был гостем Екатеринбургской женской гимназии. В 1894 г. наследник престола, будущий император Николай II, посетил Троицкую мужскую гимназию.

Большую роль в поддержке школы играли царские, государственные награды и поощрения: благодарность императора и министра просвещения, ценные подарки (в виде золотой броши с бриллиантами, золотого кольца, денежной премии и т.п.), присвоение школам почётных наименований «Мариинская», «Александровская», «Татьянинская», т.е. имен членов императорской семьи, производство в чины и награждение орденами и медалями. Для законоучителей, кроме светских наград, существовали и церковные: золотой крест, скуфья, набедренник и др.

В 1866 г. министр народного просвещения граф Д. Толстой объявил начальнице Пермской Мариинской

женской гимназии Ф. Грацинской благодарность за её «ревностную и безвозмездную службу».

В 1871 г. начальница Екатеринбургской женской гимназии Е. Кук по представлению попечительского совета удостоилась награды от «Её Императорского Величества Государыни Императрицы золотую, украшенную бриллиантами, брошью» (К этому времени гимназия работала уже более 10 лет, открытая как 3-классное училище 2 разряда в 1860 г., преобразованное в 1870 г. в 7-классную гимназию).

Это было, видимо, первое персональное поощрение уральскому педагогу. В 1879 г. начальница Оренбургской Мариинской женской гимназии вдова генерал-майора, баронесса Мария Гершау «за примерное состояние вверенного ей учреждения получила императорский подарок – награду: золотую брошь, украшенную бриллиантами». Аналогичный подарок и потому же поводу получила и начальница Екатеринбургской женской гимназии С. Тиме.

В представлении на новую начальницу Оренбургской Мариинской женской гимназии баронессу Гершау-дочь говорилось, «что девица Гершау известна как многосторонним и основательным образованием, так и высокими нравственными качествами. В течение первых десяти лет существования гимназии девица Гершау была классной дамой и учительницею в Оренбургской женской гимназии. Не раз исправляла должность начальницы во время болезни своей матери. Была во время войны с Турцией старшей сестрой милосердия в Оренбургском подвижном госпитале. Деятельностью своей заслужила всеобщее уважение. Награжде-

на орденом Красного Креста 2-й степени и отмечена особым милостивым вниманием Государыни императрицы».

Наградами отмечали не только труд начальниц гимназий, но и учителей.

Например, 6 мая 1912 г. в Оренбургскую женскую гимназию пришёл список награждённых лиц этой школы. Золотую нагрудную на Аннинской ленте медаль получали П. Андриянова, М. Биберштейн, С. Смиринская. Серебряную нагрудную на Александровской ленте медаль получали учителя Л. Калачёва, А. Кречетова, А. Овсянникова, Н. Парамонова, А. Пахтина. Золотую шейную на Александровской ленте медаль получила А. Жанколя.

В 1914 г. «Вестник Оренбургского учебного округа» (№ 3) сообщал о высочайших наградах лицам по учреждениям Министерства народного просвещения: «за усердие и полезную их деятельность были пожалованы ко дню Святой пасхи медалями с надписью «За усердие»:

Золотой шейною на Александровской ленте член попечительского совета Верхнеуральской женской гимназии мещанин Порфирий Куликов.

Серебряною шейною на Владимирской ленте начальница Миасской женской прогимназии Романовских Ольга Мощевитина.

Золотою нагрудною на Аннинской ленте попечительница Стерлитамакской женской гимназии дворянка Елизавета Дуранова, начальница Екатеринбургской второй женской гимназии Елена Фёдорова, начальница-содержательница Уфимской частной женской гимназии Софья Хитровская, учительницы Оренбургской 1-й жен-

ской гимназии Эмилия Гра и Людмила Сверкунова, учительница Кунгурской женской гимназии Софья Катаринская, учительница Камышловской женской гимназии Ольга Васильева, классные надзирательницы Пермской Мариинской женской гимназии Таисия Грузинцева и Евгения Шарова, учительницы Оренбургской 2-й женской гимназии Ольга Лихошерстова и Наталья Иванова, учительница Миасской женской прогимназии Маргарита Виткова.

Серебряной нагрудной на Станиславской ленте председатель попечительского совета Орской женской гимназии купец Михаил Смирнов, учительница Пермской Мариинской женской гимназии Софья Тихомирова

Серебряной медалью с надписью «За усердие» были награждены учительницы женских гимназий Екатеринбургской 2-й Елизавета Удинцева, Мария Вейерсберг; Кунгурской – Вера Удинцева; Оханской – Ольга Розанова; Пермской Мариинской – Мария Леонтьева; Екатеринбургской – Лидия Благушина, Кунгурской – Варвара Наседкина, Пермской – Матильда Лидервальд, Оренбургской 2-й – Александра Виноградова».

Преподаватель Екатеринбургской женской гимназии В. Шабердин за свою службу имел 4 ордена. Председатель педагогического совета Пермской Мариинской женской гимназии, директор мужской гимназии И. Грацинский за почти 60-летнюю службу в должности директора гимназии был награждён семью орденами Российской империи. А в 1880 г. в России произошёл уникальный случай в практике чиновничества учителей: директору Пермской мужской гимназии и председателю педагогического совета женской

гимназии И. Грацинскому «вне правил» указом императора был присвоен чин тайного советника (чин был сопоставим со званием генерал-лейтенанта сухопутной армии, адмирала флота, гофмаршала Императорского двора).

В возрасте далеко за 80 лет И. Грацинский был уволен с должности директора Пермской мужской гимназии с пенсией в 2 700 рублей.

В начале XX в. продолжалось совершенствование социальной системы. Законом 1900 г. были улучшены условия службы учителей в женских гимназиях и прогимназиях: повышены пенсии и единовременные пособия начальницам, надзирательницам, законоучителям и преподавателям. Лицам женского пола было дано право сохранять пенсию как при вступлении в брак, так и после смерти мужа. Их детям предоставлялось право на пенсию и пособие за службу матерей, если им не следовало пенсии за службу отцов.

Однако существовала категория учителей, которые пенсий не имели. Это учителя пения, гимнастики, рукоделия, которые, по мнению учебного начальства, «очень легко могут преподавать ещё какой-нибудь предмет, дающий право на получение пенсии». В епархиальных женских училищах служба преподавателей засчитывалась в пенсию, но получать таковую они могли только при переходе на службу в мужскую школу или училище.

И в то же время учителя продолжали выставлять свои требования, которые должны были улучшить условия их труда.

4 сентября 1916 г. в г. Златоусте состоялось совещание преподавателей местной мужской и женской гимназии, высшего начального училища и Месягутовской женской гимназии. Вот выписка из протокола этого совещания: «1. Пенсии преподавателям назначать через двадцать лет в размере основного оклада, по выслуге 15 лет – 2/3 оклада. В случае потери трудоспособности на педагогическом поприще назначается полная пенсия по истечении 10 лет. 2. Через каждые три года обязательно для каждого преподавателя научная командировка на средства содержателя учебного заведения. 3. По истечении 10 лет – годичный отпуск с сохранением содержания. 4. Через каждые 5 лет оклады преподавателей пересматриваются и изменяются в соответствии с условиями жизни. 5. Выбранный и утверждённый преподаватель увольняется только по суду» [32].

Таковы были социальные пожелания преподавателей школ к своему правительству много лет назад.

К 1917 г. почти семьдесят женских средних учебных заведений Урала с более чем 28 000 гимназисток, прогимназисток, епархиалок, институток и почти 2,5-ой тысячами педагогов составили женскую среднюю общеобразовательную школу Урала [Приложение 12].

Изменение числа школ, количественного и качественного состава учениц в женских средних учебных заведениях объясняется многими причинами. Обращает на себя внимание тот факт, что за двадцатилетний период конца XIX – начала XX в. было открыто школ и принято в них учениц намного больше, чем за предыдущий почти сорокалетний этап её развития. Следовательно, речь может ид-

ти о непосредственном влиянии основных исторических событий того времени на развитие школы. Среди них выделим рост и оживление экономики России (в том числе и на Урале), революционные события 1905–1907 гг., активизацию общественно-педагогического движения. Наконец, это растущее под влиянием общественного мнения постоянное внимание к проблемам школы со стороны губернских и местных органов власти.

В истории женской средней школы на Урале решающую роль сыграли региональные и местные органы самоуправления, губернские и уездные земства, Городские Думы. Они через финансирование земских и губернских образовательных программ смогли создать к 1917 г. мощную систему женской средней общеобразовательной школы, в которой работали сотни высококвалифицированных учителей и обучалось несколько десятков тысяч учениц. Историческая роль региональных и местных органов власти заключалась в том, что через созданную ими систему социальной поддержки, они приняли самое деятельное участие в формировании учительской интеллигенции на Урале, а десятки и сотни тысяч детей через школы приобщались к национальной, европейской и мировой культуре.

Опыт создания системы социальной защиты в учебных заведениях соответствовал историческому развитию России. Наличие социальной школьной политики в регионах и городах способствовало развитию русской национальной школы России, частью которой была уральская женская средняя общеобразовательная школа, насчитывавшая к февралю 1917 г. около 70 гимназий с сотнями учителей и почти 30 тысячами учениц.

3.3 | ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧЕНИЦ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

Важным элементом системы работы русской национальной школы на Урале – в женских правительственных, епархиальных, земских и частных учебных заведениях – был процесс организации воспитательной работы и подготовки будущих учительниц.

Обратимся к вопросам женского воспитания и подготовки будущих учителей в системе женского среднего образования Урала.

Вот что говорил о женском образовании знаменитый швейцарский педагог XIX века: «Высокое значение женского воспитания определяется тем важным положением, которое женщина занимает в семье – как супруга, мать и хозяйка, в обществе – как хранительница добрых нравов и народных обычаев. Смотрия потому, как женщина понимает и выполняет своё жизненное призвание, вся народная жизнь принимает или благое, или ложное направление, ибо от женщины зависит не только судьба семьи, но и будущность целого народа. Главная цель женского воспитания для всех сословий одинакова, так как в призвании женщины нет различия по сословиям или состояниям: дочь бедняка или дочь богача должны быть одинаково послушными детьми своих родителей, одинаково любящими сёстрами своих братьев, одинаково честными, чтобы потом, на дальнейшем жизненном пути, стать верными супругами, самоотверженными матерями и рачительными хозяйками. Но воспитываясь для своего общества самой природой ука-

занного призвания девушка, кроме того, должна получить образование, т.е. должна знать, всё то, что даёт ей возможность принимать деятельное участие во всех занятиях, стремлениях и удовольствиях, свойственных её времени и общественному положению» [49].

Проследим, как менялась практика религиозно-нравственного воспитания в светской школе – Пермской Мариинской женской гимназии – на протяжении десятилетий.

Примеры эти – показатель традиционной для всех школ Урала организации процесса воспитания.

Начиная с 1871 г. в отчётах педагогического совета Пермской женской гимназии помещаются материалы об общем ходе воспитания в учреждении и о наиболее важных мероприятиях, которые проводились впервые.

К 1873 г. было введено в гимназии обучение церковному пению и из учениц был составлен хор. Обучение церковному пению поднимало духовно-религиозное настроение и воспитание учениц. Вскоре к обучению церковным текстам было подключено и светское пение, преимущественно из русских народных песен, что знакомило гимназисток с национальным народным творчеством, «ибо песня есть живая славянская стихия». В свою очередь, участницы хора стали принимать ежегодно деятельное участие в духовных и светских концертах, даваемых в пользу бедных учениц гимназии, и через это приносить посильную помощь своим подругам, «доставляя в то же время и себе эстетическое наслаждение», занимаясь вокальным искусством.

В отчёте 1875 г. читаем, что «относительно нравственной стороны воспитательного процесса: б) чтобы внушить воспитанницам уважение к закону и приучить их к исполнению его, без всякого с их стороны анализа его, все служащие заведения, с одной стороны, стараются подавать им собою пример в этом отношении, с другой – неукоснительно требуют от учениц, чтобы они ни в коем случае не уклонялись от точного соблюдения всех гимназических правил, в) весьма старательно поощряются в ученицах гимназии взаимная помощь в учебных делах, чистосердечное сознание в случаях совершения ими проступков, правдивость в объяснении сторон при разбирательстве детских их споров; причём г-жа начальница гимназии и надзирательницы стараются своему обращению с ученицами придать, по возможности, семейный характер, не забывая, что их воспитанниц ожидает в будущем деятельность по преимуществу на поприще семейном» [29].

В отчёте за 1877 г. отмечалось: «Говоря о нравственном состоянии гимназии, нельзя не упомянуть также и о том, что начальница, поощряя учениц ко всему доброму, в прошлом году старалась давать им в часы рукоделия или свободные часы занятие более всего отвечающее потребностям военного времени (русско-турецкая война 1877–1878 г.): воспитанницы гимназии в определённые часы занимались изготовлением разных вещей для больных и раненых воинов, которые потом и передавались в местные отделения общества Красного Креста» [29].

Такая мера, по мнению педагогов помимо прямой пользы была весьма эффективна в воспитательном от-

ношении: «подобная работа не могла не подействовать благотворно на развитие в ученицах патриотических чувств, на сознание ими своего долга пред царём и Отечеством; она могла развить в ученицах убеждение, что каждый член общества, хотя бы для самого себя работающий, не должен забывать и общественной пользы, должен посвящать часть своего труда на пользу отечества».

Кроме того, педагогический совет, «движимый чувством беспредельной любви и глубокой преданности своему отечеству и в благоговейном уважении к святости задач наступившей войны, в заседании 13 мая 1877 г. решил помочь святому делу христианского сочувствия своим братьям. Члены Совета изъявили полную готовность отчислять с 1-го мая в течение всего времени до конца войны из своего месячного жалованья от 2 до 5 %. Такое отчисление равнялось более чем 500 рублям в год» [29].

В 1879 г. «было обращено особенное внимание на квартиры учениц, причем начальница всегда рекомендовала квартиры, отличающиеся как хорошими гигиеническими условиями, так и хорошею нравственностью их содержателей; те же квартиры, на которых ученицы могли подвергнуться дурному влиянию, по возможности, старались сделать недоступными для жизни учениц. Особое внимание обращено было на места развлечений учениц: клубы, вечера, танцы; театр же, когда давались нравственные пьесы, было дозволено посещать по праздникам; в будни же запрещалось ходить в театры в видах того, чтобы вечером ученицы могли приготовить уроки».

В 1881 г. в отчёте обращается внимание на усиление взаимодействия в деле воспитания с семьями ученицы: «Большинство родителей или опекунов воспитанниц живет в городе или часто посещает в нём своих детей. Отсюда была возможность входить с ними в частные сношения или посредством записок в ученических дневниках или лично объясняясь» на этих встречах обсуждались условия «домашней жизни детей, их привычках, развлечениях и образе занятий, а со стороны воспитывающих в заявлениях о подмеченных у детей в гимназии чертах характера и товарищеских отношениях и в предложении педагогических мер к исправлению недостатков или удобного распределения домашних занятий и развлечений». Особой заботой педагогический коллектив окружал иногородних детей [29].

Нравственная сторона воспитания учениц гимназии подверглась особому вниманию в 1882 г. По глубокому мнению педагогического коллектива «обучение и воспитание всегда должны идти рука об руку. Исходя из того, что женские общеобразовательные средние учебные заведения имеют своей задачей не то, чтобы давать ученицам громаду каких-либо специальных знаний, а более всего то, чтобы раскрыть способности детей, развить дисциплину мышления, верно направить волю, дать прочные задатки для образования характера, регулировать стремления, воспитать бодрость и энергию мысли и желаний, поставить их у светлого источника веры и науки. Юный, впечатлительный возраст питомиц требует к себе особенного внимания, как начало жизни, когда кладутся основания и хороших и дурных качеств, и часто на всю жизнь. Поэтому уже с детства, в

школе стараются развивать и укреплять в молодых сердцах глубокое религиозное чувство. Преданность престолу и Отечеству, чувство правды, чести и уважения к закону и его исполнителям, любовь к труду и порядку, почтительность и послушание к старшим и обходительность с равными. Уже весь порядок школьной жизни способствует развитию указанных сторон характера. Исполнение школьных обязанностей вырабатывает привычку и на будущее время честно исполнять свой долг в семье и обществе. Здесь же завязываются крепкие дружественные отношения между детьми, нередко сохраняющиеся и на выходе в жизнь. В школе происходит ограничение самолюбий при столкновении и взаимодействии наклонностей и способностей; сознание же собственного достоинства основывается на успешности в науках и на отличном поведении, что становится принципом и при оценке личности других; в то же время находит себе место взаимная симпатия и знакомство с положением и нуждами прочих подруг».

31 августа 1874 г. Министером народного просвещения были утверждены правила по организации учебно-воспитательной работы в гимназиях и прогимназиях. В них отмечалось: «Учащиеся должны являться в заведение за четверть часа до начала уроков для общей молитвы перед учением. В случае невозможности прибыть на уроки по болезни, или другой уважительной причине, родители или опекуны ученицы обязаны известить начальницу о причинах её отсутствия, без чего она подвергается взысканию, как пропустившая уроки самовольно, без уважительной причины» [124].

Родители должны были заявить начальнице «желают ли они, чтобы дочери их или девицы, состоящие на их попечении, не были отпускаемы одни, без присланных от них провожатых, которые должны «для этого иметь билет от гимназии». Родители или родственники, не проживающие в том городе, где находится гимназия, обязаны «заявлять начальнице, кому они поручают своих дочерей или родственников». Попечительскому совету было предоставлено право «устраивать при гимназии, с разрешения попечителя учебного округа, пансионы или общие квартиры учениц».

В 1889 г. было введено награждение лучших учениц книгами литературного и научного содержания, а в 7-м классе за отличные успехи и поведение в течение всего курса обучения, выпускницы получали золотые и серебряные медали, большие и малые с 1872 г. Эта мера признавалась одним из сильных воспитательных средств, «способствуя развитию в воспитанницах соревнования и поднятия чувства личного достоинства». В Пермской женской гимназии за 50 лет окончил курс 7-го класса 1 730 ученицы, из них награждены медалями: золотыми – 264, или 59,5 %, серебряными – 174, или 40,5 %, всего – 438, или 25 % от всего числа окончивших курс обучения [29].

Эти и другие меры были направлены на укрепление дисциплины, повышение эффективности нравственного воспитания, улучшение учебно-воспитательного процесса.

Самая же система обучения, при которой преподаватели соотносятся с силами учениц и заботятся помочь им в усвоении предлагаемого знания, поднимая нравственный авторитет учащихся, вместе с тем благотворно отражается и на

учащихся. Преподаватели являются и воспитателями, главным образом, на уроках, когда высоко ставят достоинство истинного знания, поощряют внимание и усердие в учениках, радуются успехам одних и ободряют более слабых.

Преподавательницы одновременно работали и надзирательницами в гимназии. Это давало им большую возможность воздействовать на свой класс. Относясь к ученицам на своих уроках, как учителя, они, кроме того, постоянно находились каждая при своём классе во время уроков других преподавателей и во время перемен или свободных от уроков часов. Таким образом, они хорошо знали своих учениц. «В свободное время они помогали слабейшим из школьниц в «уразумении» изложенного на уроках и узнавали причины ослабления успехов той или другой ученицы. Они же видели отношение учениц друг к другу, слышали их беседы о разных предметах и из всего этого составляли себе представление о характере, способностях, склонностях и настроении питомиц и при каком-либо отклонении от нормы делали им разъяснение или ошибочного суждения о чём-либо, или неправильного поступка. Всё это они обязаны были делать с таким тактом и умением, чтобы ученицы ясно понимали, что в отношении к ним классные надзирательницы есть лишь желание им добра, поэтому нисколько не сторонились бы от них, надеясь найти в них только руководительниц, могущих часто заменять дл них старших сестёр или родителей» [29].

Мы привели достаточно большие выдержки из ряда документов и прежде всего из исторического очерка Пермской Мариинской женской гимназии с тем, чтобы читатель

мог ясно представить себе воспитательную жизнь, организуемую в этом учебном заведении. Причём она мало отличалась от других женских гимназий на Урале.

В 1875 г. введены были новые учебные планы во всех классах женских гимназий Министерства народного просвещения, утверждённые министром 31 августа 1874 г., а также правила о приёмных и переводных испытаниях. На основании новых планов таблица уроков изменилась.

Вновь были введены педагогика, бухгалтерия, церковное и светское пение, латинский язык, гигиена и гимнастика. Кроме того, при гимназиях был учреждён 8-ой дополнительный класс с двумя отделениями.

Одно из основных направлений в организации воспитательного процесса принадлежало местам пребывания учениц женских средних учебных заведений – это общежития, пансионаты, ученические общие квартиры, снимаемые по рекомендации педсоветов.

Рассмотрим основные направления организации воспитательной деятельности в таких учреждениях.

В 1884 г. было создано «Общества для доставления квартир ученицам Пермской женской гимназии». Оно возникло по инициативе почётной попечительницы Пермской женской гимназии, супруги действительного статского советника Т. Анастасьевой. Толчком к основанию Общества послужило желание «усилить нравственно-воспитательное воздействие за внеклассной жизнью тех из учениц женской гимназии, которые по отдалённости места жительства их родителей от образовательного центра ли-

шены непосредственного, благотворно влияющего соприкосновения с семьёй» [29].

Главная воспитательная цель созданного Общества достигалась путём решения следующих задач: «окружить детей теми заботами, к которым они привыкли под кровом родительского дома, согреть их сердца тёплым участием к ним; способствовать их нравственному преуспеянию, анализируя тщательно всё внешнее влияние, которому они подвергаются вне школы; устранять неблагоприятные и создавать нормальные, благотворные влияния; приходить на помощь школе в воспитании в детях чувства любви к Богу, Царю, Отечеству, ближним; приучать детей к точному пониманию и исполнению их обязанностей относительно семьи и школы», [29] – вот те высокие задачи, которые лежат в основе деятельности Общества.

В 1-й год в общежитие Общества были поселены 18 учениц, через два года здесь проживало 30 человек. Дом приобрели за 200 рублей, отремонтировали за 350 рублей. Была закуплена мебель на 160 рублей, посуда и бельё на 314 рублей. Некоторые предметы для общежития были пожертвованы частными лицами, а именно: управляющий Юго-Камскими заводами, горный инженер Николаи прислал 30 железных кроватей, купцы Аксёнов – кусок бязи, Мальцев пожертвовал 12 тюфяков и т.д.

Среди воспитанниц гимназии семь обучались и проживали в общежитии бесплатно. Из них пять: Зимкевич, Кадомцева, Павловская, Романова и Хрусталёва – содержались за счёт средств «Общества для доставления квартир

ученицам женской гимназии», и две: Алекринская и Бельдыцкая – на средства Пермского уездного земства.

С целью усиления нравственного воспитания учениц для общежития Общества была закуплена библиотека. Вот некоторые названия книг: 1. Образцовые сказки русских писателей; 2. Александров. Труд, или что кормит; 3. Иван Сусанин. Исторический рассказ; 4. Толычев. Св. Стефан Великопермский; 5. Благовещение; 6. Щебальский. Рассказы из русской истории; 7. Фаррар. Жизнь Иисуса Христа; 8. Велинский. Быт греков и римлян; 9. Шмидт. Русские богатыри; 10. Детство и приключения Коперфильда; 11. Андерсен. Последние сказки; 12. Жизнь европейских народов (3 Т.) и др. Библиотека выписывала и периодические издания, в т.ч. «Семья и школа», «Досуг и дело», «Семейные вечера», «Детское чтение», «Задушевное слово» для младшего и старшего возраста. Подобный подбор литературы влиял и на нравственное, религиозное воспитание учениц, и на расширение их образовательного кругозора.

Работу в общежитии организовывал совет «Общества для доставления квартир». В него входили почётная попечительницы Анастасьева, начальница гимназии Грацинская, местные купцы, преподаватели.

Советом была утверждена инструкция для надзирательниц и учительницы, которые работали в общежитии.

Надзирательница отвечает за хозяйство общежития и надзирает за детьми; производит все расходы, ведёт инвентарную книгу; нанимает и увольняет прислугу; отвечает за то, чтобы пища была свежая, вкусная и в достаточном количестве, за порядок, чистоту и хороший воздух в общежи-

тии; в её обязанности входит наблюдение за поведением детей, за их нравственностью, чистоплотностью, аккуратностью, с которой они содержат свои вещи, свои шкафы, ящики и сундуки. Надзирательница обращает самое серьёзное внимание на то, чтобы воспитанницы сами чинили своё платье и приучались к рукоделию. Надзирательница обязательно присутствует при общей молитве, обедает, ужинает и пьёт чай вместе с воспитанницами.

Первой надзирательницей в общежитии была выбрана из нескольких кандидаток домашняя учительница г-жа Хрусталёва.

Учительница подбирается из числа окончивших гимназию. В её обязанности входит: надзор за детьми и их учёбой; на ней лежит ответственность за нравственное воспитание детей, за их успехи и поведение; учительница спит вместе с воспитанницами, гуляет вместе с ними, ходит с ними в церковь, безотлучно находится с ними во время приготовления ими уроков, объясняя им непонятное и проверяя добросовестность выполненных заданий; учительница заведует библиотекой; она же ведёт журнал вместе с надзирательницей, в котором выставляет отметки за дежурство учениц, записывает замечания по их поведению и прилежанию к занятиям, кроме того, учительница ведёт книгу отпусков учениц.

На должность учительницы 2 июня 1885 г., по рекомендации начальницы Пермской женской гимназии, была избрана окончившая с золотой медалью полный курс учения в этой же гимназии Л. Первушина.

Кроме учёбы, была организована и воспитательная работа. Сюда входило чтение книг, посещение театра, организация и проведение вечеров, гимназических праздников. Общежитие имело и свой праздник. Для него советом Общества был выбран день Покрова Пресвятыя Богородицы 1 октября. В этот день утром служился молебен, вечером устраивались танцы, чай и раздавались угощения. На праздник приглашались родители учениц, их подруги, присутствовали учителя гимназии и начальница.

Частью воспитательной работы было и посещение общежития гостями губернского города. Летом члены царской семьи осуществляли путешествие по России. В июне они прибыли в г. Пермь. Среди посещения заводов, дворянского собрания была запланирована поездка в местную Мариинскую женскую гимназии. 11 июня 1887 г., кроме учебных корпусов, церкви великие князья обратили свой взор на общежитие. Общежитие «осчастливили своим посещением Их Императорские Высочества Великие Князья Михаил Николаевич и Сергей Михайлович. Их Императорские высочества, в сопровождении лиц свиты, господинна Попечителя Оренбургского учебного округа, г-на начальника губернии и других высокопоставленных лиц, изволили прибыть в общежитие в 3 часа пополудни. Их Императорские Высочества изволили осмотреть помещение, милостиво разговаривать с воспитанницами. А, кроме того, Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич изволил спрашивать о времени открытия и о цели общежития. При этом, одоблив последнюю, изволил пожелать общежитию полного преуспеяния» [134].

Такие посещения и встречи оставляли в душах воспитанниц неизгладимые воспоминания и положительные эмоции.

Значительным было внимание к проблемам воспитания и в епархиальных женских училищах.

К середине XIX в. обучение дочерей духовенства включало не только домашние занятия, но и воспитание в приютах и женских монастырях, где главное внимание уделялось рукоделию. Воспитание же сыновей было более глубоким и в большинстве своём его давали в духовных училищах. Разница в воспитании мужа и жены в семье стало восприниматься как негативный фактор. Для решения данной проблемы с 1843 г. церковные власти стали открывать женские епархиальные училища. Училища должны были готовить достойных жён служителей престола Господня, попечительных матерей, сведущих хозяек и т.д.

Система среднего женского образования, сложившаяся к концу XIX в., тяготела к единообразию, но в то же время имела существенно отличающийся тип учебного заведения - епархиальные женские училища. При их организации духовенство, прежде всего, опиралось на христианское мировоззрение о роли женщины в семье и обществе и связанное с ним представление об уровне её образованности. Дочери священников обучались бесплатно, девочки из других сословий - за деньги. Учебный курс (6 классов) был близок к курсу женских гимназий. Окончившие курс епархиального училища получали право на звание домашних учительниц по тем предметам, по кото-

рым имели хорошие успехи, и принимались на работу учительницами начальных классов.

Методы обучения, применяемые в епархиальных училищах, исключали «муштру и зубрёжку», что широко практиковалось в мужских духовных училищах. Вместо них предлагались методы, стимулирующие творческую активность учениц и возбуждающих их «сознательную деятельность».

Основными методами обучения считались «излагательный» (рассказ, чтение, лекция), «катехитический» (беседы, поучения, проповеди, наставления), эвристический, самостоятельная работа (с книгой, первоисточником, устные и письменные упражнения, сочинения), лабораторные работы. В методах обучения особое внимание уделялось методу наглядного обучения. Например, на уроках по Закону Божьему устные сообщения сопровождалось использованием икон, книжных миниатюр, храмовых росписей для лучшего запоминания и понимания духовных текстов.

Хорошо налаженная воспитательная работа в условиях полузакрытого учебного заведения развивала детские способности и интересы, отвечала разнообразным запросам учениц, помогала целенаправленно готовить епархиалок к их будущей роли жены священника и учительницы местной школы. С этой целью в епархиальных училищах преподавались в форме кружковой работы иконопись, ткачество, шитьё обуви, садоводство и огородничество, кулинарное дело, медицина и гимнастика.

Материальное и бытовое содержание в училищах было достаточно простым и незатейливым. Епархиалок заранее приучали вести скромный трудовой образ жизни.

Московский митрополита Филарета говорил в своих проповедях, что воспитание их должно быть направлено к тому, чтобы дать девицам религиозно-нравственное и хозяйственное образование, но не уклонять их от простой жизни, свойственной им по рождению и назначению. При помещении заведения должна быть устроена в нём церковь; прочее всё, из бережливости, должно быть просто, кроме самого необходимого приспособления к потребностям заведения. Воспитываемые девицы живут в малых комнатах и не совсем просторно. Но это сообразно с положением воспитываемых, которые пришли сюда из тесных и скудных жилищ и в такие же, по всей вероятности, должны возвратиться. Блистательное жилище во время воспитания сделало бы для них неприятным будущие их жилища, простые и скудные.

В уральских частных средних школах взаимодействие процессов обучения и воспитания выстраивалось различным образом. Тем не менее, общим для всех было то, что воспитание осуществлялось в процессе обучения – «воспитывающее обучение», через пример личности учителя и внутренний строй жизни гимназии, прогимназии.

Уральские педагоги-учредители, как правило, открывая собственную школу вставали во главе её в качестве начальниц. Будучи выходцами из окружающей социальной среды, педагоги учредители оказывали огромное воспитательное воздействие и на учениц, и на их родителей, и

на местное население в целом. Воспитательный процесс основывался на доминирующей роли педагога, именно поэтому эффективность воспитания учениц в школе зависела от педагогического персонала.

В основу жизнедеятельности всех частных школ на Урале были положены религиозное воспитание и классическое женское образование. Задачами воспитания было формирование нравственных качеств, таких как «потребность внешней и внутренней порядочности, чувство требовательной строгости к себе и деликатной уступчивости и вежливости по отношению к другим, дух правдивости и откровенности, сознание своего долга и обязанности, твердый устойчивый нравственный характер, способный к энергичной самодеятельности».

Безусловно, в условиях сплочённости педагогов эффективность воспитательного и образовательного педагогического процесса значительно повышалась. Органическое единство духа и действий не одной какой-нибудь личности, а целой корпорации преподавателей, их воспитательного влияния можно было достигнуть в особенных условиях гимназии. Каждый преподаватель чувствовал себя членом одной семьи, у которой одна цель, одни средства для её достижения.

Это ощущение достигалось, прежде всего, личным примером начальниц женских гимназий и прогимназий, стремившихся каждого из педагогов поставить в условия, которые могли бы привязать его к школе, через установление неофициальных, простых, откровенных, свободных оценок явлений жизни школы. Сплочению педагогическо-

го коллектива способствовало и то, что в частных школах культивировался постоянный обмен мыслями и мнениями, реализующимся в разных формах.

В воспитании учениц активно задействовался личностный фактор. Тесные отношения между воспитанницами и воспитателями открывали возможность для непосредственного личного влияния.

Отличительной особенностью уральских школ в конце XIX – начале XX в. являлось стремление к созданию патриархально-семейного характера воспитания. «Простые, непосредственные, можно сказать, патриархальные отношения друг к другу, полное взаимное доверие, неограниченная откровенность – эти отличительные признаки хорошей семьи – являлись характерными и для школы-семьи» [125].

Согласуясь с этой воспитательной тенденцией в частных школах, система собственно наказаний и поощрений была достаточно продуманной и гуманной, при этом опиралась на опыт казённой женской средней школы, которая возникла раньше.

В отзывах учителей частных женских средних учебных заведений отмечались возможные причины того или иного поведения или проступка ученицы. Также указывалось, какую педагогическую или материальную, нравственную или иную помощь необходимо оказать провинившейся школьнице для исправления проступка, будь то учебный или воспитательный процесс.

Но потакания проступкам не было: «дерзость, злонамеренный обман, кража – вели за собой немедленное ис-

ключение из школы». Педагоги частных школ старательно избегали и «особенных искусственных мер поощрения», которые по их мнению развивали в ученицах излишнее самолюбие и самомнение.

Труду придавалось громадное нравственно-воспитательное значение, поэтому педагоги стремились развивать в детях самостоятельность в учёбе и в различных видах деятельности.

В частных женских средних учебных заведениях, открытых в дореволюционные годы, совершенствуется воспитательная система.

Более разнообразными становятся занятия по физическому воспитанию: осваиваются различные спортивные игры, проводятся школьные соревнования.

После 1905–1907 гг. перед частными средними школами встала серьёзная задача сохранения и укрепления школьных традиций, усиления внимания к воспитанию и самовоспитанию учащихся, в целях личностного осмысления и собственной ответственности за свои поступки и дела.

Влияние воспитателей направлялось, главным образом, не на каждую отдельную личность, а на классный коллектив. Педагоги считали, что класс – это детское сообщество, со своими общими интересами, поэтому нужно стремиться развить в ученицах чувство солидарности, общности интересов, а в этом и заключается воспитательная сила проводимых мероприятий.

Признавая, что детская душа, особенно подросток, инстинктивно противится многим правилам и требованиям старших, педагоги пытались через чувство сопричастно-

сти классному коллективу воспитывать в ученицах чувство порядочности, скромности, ответственности, любви и т.п. Роль воспитателей сводилась лишь к выработыванию у детей принципов общежития, с учётом их детских желаний и склонностей. Таким образом, формировалась внутренняя дисциплина и решалась проблема поведения воспитанников в стенах частного образовательного учреждения.

В 1908–1914 гг. увеличивается экскурсионная активность частных женских общеобразовательных школ. Кружки, лекции, экскурсии, поездки по России и родному краю расширяли кругозор учащихся, пробуждали интерес к малой родине, помогали в выборе профессии.

В сфере внеклассных занятий получают распространение лекции на общественные и искусствоведческие темы, по новым достижениям в естественных науках и т.д. Осваиваются новые виды внеклассной работы: при поддержке директоров, педагогов создаются ученические кружки, как предметные, так и по интересам.

В преддверии Первой мировой войны 1914 г. особую популярность в частных школах получают вечера в честь выдающихся деятелей науки, культуры, технической мысли. Это поддерживало линию на патриотическое и национальное воспитание, формировало чувство гордости за Отечество. Каждый такой вечер обычно начинался небольшой лекцией педагогов либо ученицы, за которой следовали реферативные выступления, отрывки из прозаических произведений, постановки пьесы и танцы.

Особое внимание в женских училищах и институтах уделялось подготовке к профессии учительницы.

С этой целью в 1864 г. открываются педагогические классы при столичных и губернских женских гимназиях ведомства учреждений императрицы Марии, в 1870 г. создаются педагогические классы при женских гимназиях Министерства народного просвещения. Эти гимназии состояли из подготовительного, семи основных и одного педагогического классов.

Ученицы, награждённые по окончании общего курса женской гимназии, медалями, золотой или серебряной, а сверх того и прослушавшие особый специальный курс дополнительного класса, получали звание домашних наставниц.

Ученицы, не удостоенные наград, но получившие положительный аттестат об окончании общего курса в гимназии и прослушавшие особый специальный курс в дополнительном классе, пользовались правами домашних учительниц.

Ученицам, не получившим медалей, но кончившим общий курс гимназий, было представлено право на звание «первоначальных учительниц» и учительниц народных училищ. Тем же правом пользовались ученицы, получившие свидетельства об окончании курса прогимназии или низших трёх классов гимназии, если по достижении шестнадцатилетнего возраста, исполняли в течение полугода обязанности помощницы учителя или учительницы при каком-либо начальном училище» [126].

В учебных заведениях были созданы дополнительные классы для подготовки учительниц в сельских школах.

Организация работы 8-х классов была следующей.

В 8-й класс принимались ученицы без экзаменов, окончившие с удовлетворительными оценками семиклассный гимназический курс, иначе они должны были бы сдавать особый, вступительный экзамен. Обычно 8-й класс формировался из учениц той самой гимназии, в которой работал этот класс.

Учебная программа 8-го класса была следующей: педагогика и дидактика, русский язык с церковно-славянским и словесность, немецкий и французский языки, математика, история и география. Из этой программы обязательными были педагогика, дидактика, методика начального преподавания русского языка и арифметики. Ученица выбирала один предмет, по которому она желала получить звание домашней наставницы или учительницы.

Учебные занятия по каждому предмету разделялись на теоретические и практические. Не входя в детальное их рассмотрение, ограничимся общей характеристикой. Теоретические занятия состояли почти исключительно в разучивании под руководством преподавателя избранных учебников, в том числе по педагогике. По необязательным предметам ученицы разучивали по два учебника в объёме курса мужских гимназий, причём преподаватель объяснял «методическое значение разучиваемых руководств» и задавал ученицам выбранные из них темы для письменных работ. Практические занятия состояли: 1) в изучении и выполнении обязанностей помощниц класных надзирательниц в трёх низших классах гимназий, в ведении при этом педагогического дневника, который потом обсуждался в особой педагогической комиссии; 2) в упражнениях соб-

ственно по преподаванию, которые заключались прежде всего в посещении в течение первого полугодия уроков преподавателей в классах и в составлении конспектов этих уроков, а затем, во втором полугодии, в самостоятельном преподавании пробных уроков. Пробные уроки обсуждались в особых педагогических комиссиях [126].

Важной особенностью частных женских гимназий, начиная с конца 1880-х гг. XIX в. было то, что они представляли собой своеобразный педагогический комплекс по подготовке к начальной педагогической карьере: сюда входили начальная (прогимназия) и средняя (гимназия) школы. В восьмом, педагогическом классе ученицы женских гимназий проходили педагогическую практику. Учёба и работа в приготовительном классе несла огромную смысловую нагрузку для учениц восьмого класса как средство воспитания, как фактор профессиональной подготовки и воспитания, как ключевой элемент гражданского воспитания в духе ответственности пред детьми, их родителями, обществом и государством.

Ученицы педагогических классов вели занятия с воспитанницами элементарных школ, посещали уроки своих руководителей-педагогов или товарищей, составляли план и систематический курс предметов по учебной программе, вели дневники-журналы педагогических наблюдений. Они также выполняли функции классных наставников. Такая организация подготовки будущего учителя обеспечивала хороший уровень предметной и педагогической, воспитательной подготовки.

С момента введения 8-го дополнительного, педагогического класса в 1874 г. постепенно стала совершенствоваться и система подготовки учителей. Об этом говорил в своём отчёте министр народного просвещения ещё в 1881 г.

В частности, он отмечал, что эта мера (введение дополнительного, педагогического 8 класса) вполне отвечала педагогическим требованиям женских гимназий. С этого времени женские гимназии и прогимназии стали независимы от учительского персонала мужских учебных заведений и получили возможность давать своим ученицам педагогическое профессиональное образование. Ученицы приобрели возможность получать звание домашних учительниц и наставниц и стали активно заменять учителей начальных и городских училищ, прогимназий. В отчёте министра отмечалось, что «по мере такой замены учителей учительницами постепенно устраняются и затруднения при распределении учебных часов в женских гимназиях и прогимназиях, так как при исключительно мужском персонале расписание приходилось ориентировать не на педагогическую целесообразность, а на свободное время которым располагали преподаватели мужских учебных заведений». Министр отмечал, что во многих гимназиях практически все предметы преподаются учительницами, за исключением Закона Божия. При этом, успехи в обучении учениц достаточно высоки: 92 % в прогимназиях и 96 % в гимназиях составляет уровень общих знаний. Не менее удовлетворительным было влияние учительниц на учениц и в воспитательном отношении: «средний общий годовой

балл по поведению учениц за 1879, 1880, 1881 гг. выражался цифрой 4,96 как в гимназиях, так и в прогимназиях» [115].

В женских институтах также шёл процесс подготовки учениц к профессии учительницы. Но форма была несколько иной.

Ещё в 1802 г. императрица Мария Фёдоровна сделала распоряжение о том, чтобы из числа окончивших курс Воспитательного общества (Смольного института) было отобрано 12 бедных по состоянию, но лучших в учёбе и «благонавию» девиц, которые должны были бы остаться в институте для помощи классным дамам. Это были так называемые папиньёрки [162].

По существу, этот институт папиньёрок сохранился до начала XX в. в тех институтах, где не было специальных педагогических классов. На должность помощниц классных дам оставались помимо вышеназванных девушки, обучавшиеся в институтах бесплатно и по собственному желанию. Девушки помогали классным дамам во всех классах учебного заведения, т.е. в приготовительных, основных, параллельных. Образовывались папиньёрские курсы.

Для этих курсов в августе 1905 г. были утверждены учебные планы, которые включали в себя следующие разделы:

1. Русский язык с методикой преподавания и словесность (1 урок);
2. Французский язык с методикой преподавания и словесность (2 урока);
3. Немецкий язык с методикой преподавания и словесность (2 урока);

4. Арифметика с методикой преподавания и словесность (1 урок).

Целью папийнёрских курсов была подготовка девушек к воспитательной деятельности, поэтому занятия делились на теоретические и на практические.

Теоретические занятия заключались в ознакомлении с методикой обучения в письменной и устной форме.

Практические занятия состояли в работе со слабыми ученицами, в посещении уроков опытных преподавателей в младших классах и в помощи классным дамам в организации воспитательной работы в этих классах.

Большое внимание в институте уделялось качеству (или, как принято было говорить, «возвышению») учебно-воспитательного процесса. Главной мерой для поднятия качества обучения в администрации училища считали открытие приготовительного класса. Его основной задачей являлось то, что воспитанницы, которые оканчивали этот класс, легче и основательнее усваивали 1 класс и последующие за ним курсы обучения. Второе, что делалось для поднятия качества обучения, – приходящим воспитанницам (т.е. тем, кто не жил в пансионе, в общежитии института) было предложено посещать вечерние занятия. Результатом этого стало то, что в последующие четверти количество неудовлетворительных оценок у этой категории учениц резко снизилось. Для повышения качества изучения русского языка уроки классного чтения были заменены на систематические диктанты и объяснительное чтение образцовых произведений русской литературы. С той же целью в 1 и 2 классах к положенному по программе количеству уроков русского языка были добавлены по два урока, в 3 и 4 классах – по одному. В

зимнее время по воскресеньям постоянно устраивались чтения с «туманными картинками» (через проектор) и при участии самих воспитанниц. В антрактах чтения разнообразились музыкой и пением воспитанниц.

Система подготовки будущих учительниц, существенные элементы которой мы показали, дала положительные результаты. Тысячи учениц женской средней школы закончили 8-й педагогический класс и стали учителями в системе народного образования Урала. Десятки выпускниц поступили в высшие учебные заведения, которые давали профессию учителя. Многие выпускницы педагогических классов завели собственное педагогическое дело – открыли частные школы.

ГЛАВА 4 | ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧИТЕЛЕЙ И УЧЕНИЦ В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА

4.1 БОРЬБА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ ЖЕНСКИХ СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ЗА СВОИ ПРАВА

Несмотря на организацию религиозно-нравственного воспитания и широкую социальную политику в женской средней школе с момента её возникновения здесь стали наблюдаться элементы демократической, революционной пропаганды и работы.

Период середины XIX – начала XX столетия в истории страны был одним из самых напряжённых: ожидалось и проводились реформы, принципы, методы и темпы которых вызывали споры, неоднозначно оценивались и предполагаемые результаты.

Общество активно реагировало на ход, направление и результаты реформ, частью которых стало создание женского среднего и высшего образования в России. Поэтому вторая половина XIX века – это время зарождения в нашей стране и женского движения [81].

В этот период времени молодые женщины впервые стали участницами студенческих выступлений, а затем и подпольных кружков. Их, как и мужчин, власти заключали

в тюрьмы, привлекали к суду, высылали под надзор полиции. С этого времени в стране не было ни одной сколько-нибудь крупной революционной организации, в которой не принимали бы участие девушки и молодые женщины.

Участие женщин в нараставшем демократическом и революционном движении было обусловлено тем, что они оставались наиболее бесправной частью населения России, даже не имели возможности учиться в высших учебных заведениях страны. Совсем немногие в те годы понимали, что поднимавшиеся вопросы женского движения невозможно было решить, не затрагивая основ существовавшего общественного строя, ибо это были вопросы, производные от борьбы с произволом самодержавия и крепостничеством. Именно поэтому А. Герцен, Н. Добролюбов, Д. Писарев, Н. Чернышевский органично связывали освобождение женщин с её борьбой против крепостнических пережитков самодержавия. А. Герцен писал, что Чернышевский, Михайлов и их друзья первые в России звали не только труженика, съедаемого капиталом, но и труженицу, съедаемую семьёй, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершеннолетия, от жизни на содержании» к иной, свободной жизни.

Зарождавшаяся в этот период женская средняя школа переживала те же потрясения, что и Россия. Это прежде всего нарастание демократического и революционного движения и участие в нём представительниц женских средних учебных заведений как по всей России, так и на Урале.

В 60–70-е гг. XIX в. демократическое движение прежде всего проявило себя через отрицание идеологии, морали, бытовых норм поведения. Всё это обозначалось в то время одним понятием – нигилизм. Это слово пугало обывателя: оно было связано с противниками суеверий, предрассудков, традиционных привычек, условностей. Носителем этого явления была молодёжь. Многие революционеры прошли через увлечение нигилизмом, прежде чем вступили на путь борьбы. Это было началом, вслед за которым уже другие идеи звали молодёжь на борьбу. Характеризуя нигилизм, один из крупнейших философов начала XX в. Н. Бердяев отмечал, что «многие вдруг стали атеистами, мистиками, оккультистами, презирали этику, пренебрежительно относились к науке. Какой-нибудь запоздалый рационалист и позитивист не мог рассчитывать на успех в любви. Так, в те далёкие 40-е гг. на успех в любви мог рассчитывать лишь идеалист и романтик, в 60-е гг. – лишь материалист, мыслящий реалист, в 70-е гг. – народник, жертвующий собой на благо и освобождение народа, в 90-е гг. – марксист».

Одной из форм борьбы молодёжи в тот период стал уход многих девушек из родительского дома. Проблема «отцов и детей», разрыв молодого поколения со старым стали характерным явлением того времени. Как вспоминала Е. Водовозова, одна из плеяды шестидесятниц, ей то и дело приходилось быть свидетельницей того, как молодёжь обоего пола уходила из-под контроля родителей. Для этого беглецы зачастую выходили замуж или женились [17].

Политические процессы 70-х гг. выявили десятки фиктивных браков. Иногда это была революционная конспирация, но случалось, что брак фиктивный становился фактическим, перерастал в настоящую любовь.

Так, уроженку Глазовского уезда Пермской губернии Л. Чемоданову судьба свела с видным революционером России. Она родилась в 1856 г. в семье священника. В годы учёбы в Вятском епархиальном училище, которое окончила с отличием, она приобщается к чтению революционно-демократических работ Д. Писарева, Н. Добролюбова, Н. Чернышевского, проникается народническими идеями. Вольнодумство дочери не укрылось от отца, и он подвергает её заточению. Чемоданова совершает побег. Её ловят, возвращают домой. Тогда она заключает фиктивный брак с народником, студентом Технологического института С. Синегубом. После свадьбы она уезжает с мужем в столицу, ведёт революционную пропаганду среди рабочих. Её арестовывают. Затем арестовывают её мужа. Его ссылают на каторгу. Она едет за ним в Сибирь и живёт с ним до самой его смерти. Чемоданова ещё в период работы с рабочими призналась мужу в любви, услышав в ответ от фиктивного мужа горячее признание в любви [14].

Более мощный подъём общественного движения конца 60-х – начала 70-х гг. XIX столетия активизировал работу кружков учащейся молодёжи. Об этом свидетельствовала Софья Ковалевская: «Кружки, вечеринки, журфиксы – ещё одно характерное явление того времени. Спорим вокруг тех проблем, какими были заняты литераторы, журналисты того времени, – раскрепощение человека, прежде

всего женщины, воспитание нового человека и в частности воспитание детей в семье, роль и значение искусства и естественных наук, вопросы любви и брака» [59].

Например, в Вятке существовали нелегальные кружки молодёжи во всех средних учебных заведениях, в том числе в женской гимназии и епархиальном училище. Одним из кружков в женских школах руководила А. Кувалдина. Она и её подруги (среди них сёстры Чемодановы, А. Якимова) в первой половине 70-х гг. XIX в. заявили о себе в революционных событиях в России. В Екатеринбургской мужской и женской гимназии на учащуюся молодёжь оказывал влияние преподаватель мужской гимназии В. Обреимов, который распространял среди юношей и девушек коммунистические и социалистические идеи. В этом ему помогала жена К. Тетюшинова и выпускница школы Е. Качка. Среди наиболее активных девушек были гимназистки Н. Вольхина,

А. Босарёва, П. Доронина. Об этом докладывал царю министр юстиции Пален.

В этот период не только учителя занимались революционной, кружковой работой среди молодёжи, в том числе женской. В своё время указом императора Александра II Вятская губерния, в числе других отдалённых мест России, стала местом массовой политической ссылки. Больше всего ссыльных проживало в Глазовском уезде. Из года в год их число росло: в 1867 г. их было 44, в 1870 г. – 78, в 1873 г. – 93. Ещё в 1866 г. Вятский губернатор докладывал в Министерство внутренних дел, что пребывание политических вредно влияет на умы жителей губернии. В 1874 г. другой

губернатор писал отсюда, что «политические ссыльные зачумляют молодых людей своими вредными идеями» [48].

Самым доступным источником, откуда молодёжь черпала свои мировоззренческие идеи, были нелегальные библиотеки. Одна из них работала в Екатеринбурге. О круге чтения в ней дают представления изъятые в 1874 г. формулярные списки читателей. Например, в формуляре гимназистки А. Босаревой были записаны книги Д. Писарева, известный роман Ф. Шпильгагена «Один в поле не воин», произведения писателя-революционера М. Михайлова.

В. Розанов, один из самых талантливых русских философов XIX – начала XX века, обратил внимание на то, что «в 15–17 лет каждый, т.е. почти каждый русский, бывает не только парламентаристом или республиканцем; этого ещё мало – он непременно бывает дарвинистом, позитивистом, социалистом» [67].

Для правильного понимания процессов, происходящих в молодёжной среде как в прошлом, так и в настоящем, исключительно важное значение имеет замечание профессора В. Рушанина о том, что идеи «юношеского ультралиберализма, пренебрежение нормами морали, когда успех революции, средства достижения её идеалов становились выше общечеловеческой морали, привлекали на свою сторону лишь часть демократической молодёжи» [69].

Например, далеко не все участники екатеринбургских молодёжных кружков начала 70-х гг. XIX в. стали профессиональными революционерами, участниками народного подполья. Большинство, впитав настроения «народолюбия», стало народными учителями (Е. Качка,

Н. Вольхина), врачами (Р. Вольхина, Н. Сумина), земскими деятелями, краеведами.

Однако к началу 80-х гг. XIX в. симпатии многих учащих склонялись к «Народной воле». В изданной осенью 1880 г. «Программе для собирания сведений в провинции» участникам организации предлагалось выявить мотивы участия в движении: чем вызвано брожение среди учащих – корпоративными или общественно-политическими, сколько учащих привлечено к партии, каково отношение молодёжи к партии «Народная воля».

У пермской народнической молодёжи были прочные связи с Петербургом. Её взгляды отразились в письме выпускницы женской гимназии М. Бульгиной в столицу к студенту В. Грибелю: «Сейчас читаю «Деревенские будни» Златовратского. Боже мой, сколько там работы для нас. Туда, Валечка, пойдём страдать вместе с народом» [69].

В марте 1883 г. в Перми стала выходить еженедельная газета учащих средних учебных заведений «Школа». В ней активно пропагандировались идеи «Народной воли», юноши и девушки призывались под знамёна действующей революционной партии, их звали стать активными проводниками её программы [175].

Представительницы женской средней школы в 60–80-е гг. XIX в. только вступали на путь революционно-демократического движения. Они посещали кружки, изучали народническую литературу, обслуживали нелегальные библиотеки. В это время складываются формы участия девушек и молодых женщин в антиправительственном и демократическом движении России.

Вторая революционная ситуация 1879–1881 гг., создание в 1883 г. группы «Освобождение труда», поток из-за рубежа революционных изданий, возрастающая активность уральских рабочих усиливали революционные настроения учащейся молодёжи и давали новый импульс российскому освободительному движению.

Выступая на международном социалистическом конгрессе в начале июля 1889 г., Г. Плеханов подчёркивал, что «до тех пор пока наше движение будет оставаться движением идеологов и учащейся молодёжи, оно, может быть, будет опасно лично для царя, но не для царизма как политической системы» [62].

Со второй половины 80-х гг. XIX столетия в революционных кружках России стали распространяться социал-демократические идеи К. Маркса. Большой вклад в популяризацию марксизма внесла русская марксистская группа «Освобождение труда». В ней работали бывшие народники, среди них В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч, эмигрировавшие из России. Они переводили на русский и издавали работы К. Маркса и Ф. Энгельса, других видных деятелей социалистического и рабочего движения Европы, Америки, а позже и России. С целью расширить связи с Россией и усилить пропаганду марксизма руководители группы «Освобождение труда» направляли из-за границы революционеров.

Одним из наиболее известных был проходивший по жандармским донесениям М. Шоур, который, прибыв в Уфу в 1905 г., создал кружок, куда входили и бывшие гимназистки, слушательницы Высших женских курсов А. Липницкая,

О. Серебрякова, О. Дихар и другие. В агентурном рапорте говорилось, что члены кружка стремились путём чтения на своих собраниях книжных, журнальных и переводных статей из сочинений Маркса, Бюхнера, Гегеля, Бабеля, Каутского умножить контингент социал-демократов для борьбы с существующим в России классовым и экономическим строем.

Традиционным каналом проникновения революционных идей в среду уральской молодёжи, как и в прежние годы, оставались политические ссыльные. Большинство составляли социал-демократы (63,7 %). Особенно много их было в конце XIX в. в традиционном для Урала и России того времени месте: Вятской губернии. Только по делу петербургского «Союза борьбы» здесь отбывали наказание 58 человек. А всего в 1898 г. в 10 колониях губернии проживало 257 человек, отбывавших наказание за политические преступления. Такое скопление революционеров не могло не беспокоить правоохранительные органы России. Министр внутренних дел страны указывал вятскому губернатору 9 января 1897 г., что при размещении ссыльных необходимо стремиться предупреждать вредное влияние ссыльных на местное население, в особенности на учащуюся молодёжь [140].

Однако выполнить это указание оказалось трудно. В конце XIX – начале XX в. ссыльные создали более десятка нелегальных кружков учащейся молодёжи в городах Вятка, Глазов, Слободской, Орлов, Нолинск.

Для молодого поколения того времени революция была, по словам Н. Бердяева, религией, догмы которой брались проповедовать различные политические партии и движения.

В 1902 г. в программе социалистов-революционеров подчёркивалось, что «особенное внимание партия обращает на учащуюся молодёжь, как наиболее восприимчивую к социально-революционным идеям» [43].

В левых партиях (большевики, эсеры) молодёжь составляла большинство. «Молодость революционного поколения, – писал Троцкий, – совпала с молодостью рабочего движения. Это было время людей от 18 до 30 лет. Юноши и девушки, которые целиком отдавали себя движению, ничего не требуя взамен, не были худшими представителями своего поколения» [86].

Молодёжь продолжала искать для себя такую политическую партию, программа которой ответила бы если не на все, то хотя бы на основные вопросы. Однако уже современники заметили, что в эту переходную эпоху произошла смена настроения молодёжи. Идеи борьбы за народное дело и принесение себя в жертву являлись одним из основных в мировоззрении учащейся молодёжи в это время, но в начале XX в. они уступили место идее сознательного служения делу рабочего класса.

Весной 1903 г. в Вятке под руководством социал-демократов работали два кружка. В первый входили ученики мужской и женской гимназии, фельдшерской школы, а во второй – сельскохозяйственного и реального училища. В кружках молодёжь изучала революционную теорию, издавала журналы «Пробуждение» и «Проблеск». Осенью Вятский комитет РСДРП, выполняя решения II съезда партии, объединил все социал-демократические кружки в общеученическую организацию РСДРП – одну из первых в стране.

За влияние на учащуюся молодёжь активно боролись и социалисты-революционеры.

В 1903 г. в г. Уфе возникла группа «Объединение учащихся», куда, кроме учащихся мужской гимназии, землемерного училища, духовной семинарии, вошли и ученицы женской гимназии. За короткий срок группа «Объединение учащихся» выпустила четыре прокламации под общим названием «Ко всем учащимся». Первая прокламация заканчивалась призывом: «Долой самодержавие!».

Объединенные организации учащихся в то время, кроме Уфы, были созданы в городах Вятке, Перми, Екатеринбурге.

Среди учащихся Урала энергичную пропаганду вели представители либеральной оппозиции. Борясь за конституционную монархию, они требовали образования всесловного и всероссийского представительного учреждения. С июля 1902 г. в Штутгарте под редакцией П. Струве (отец которого в 60-х гг. XIX в. был пермским губернатором) начал выходить журнал «Освобождение», оказавший определённое воздействие на сознание интеллигенции России.

Революционное движение учащейся молодёжи с его сильными республиканскими и демократическими традициями, стало заметным фактором политической борьбы начала XX в. По данным тайного советника Спешкова, к концу 90-х гг. в гимназиях, реальных училищах, духовных семинариях, епархиальных училищах страны «успела уже образоваться целая сеть ученических организаций». В 1895–1904 гг. в 98 населённых пунктах России действовало 148 ученических революционных объединений. Большин-

ство из них (82 объединения, или 55,4 %) придерживалось социал-демократической ориентации. На Урале, по данным известного уральского учёного, профессора В. Рушанина, подпольные группы и организации действовали не менее чем в 17 городах [55, 71].

Наиболее организованными были выступления учащихся специальных заведений. Примерно 60 % всех выступлений учащихся этого периода (18 из 30) приходилось на воспитанников этих учебных заведений.

Женские средние учебные заведения Урала в тот период (как и в дальнейшем) не занимали ведущего места в революционном и демократическом движении.

Несмотря на это, в 70–80-е гг. XIX в. в отношении школы правительство России приняло ряд мер, препятствующих расширению революционной пропаганды. Так, в отчёте министра народного просвещения графа Д. Толстого говорилось, что учителя выполняют теперь и обязанности классных наставников [116].

Через несколько лет последовали более крутые шаги Министерства народного просвещения, которое своим циркуляром предписало преподавателям, председателям педсоветов и начальницам гимназий и прогимназий принять за правило, чтобы, прежде чем допускать избранных кандидатов на учительские места или выдавать дипломы желающим стать учителями, делать запросы местным губернаторам «о нравственных качествах и политической благонадёжности этих лиц».

Данное указание Министерства послужило основанием для того, чтобы, к примеру, директор Уфимской муж-

ской гимназии, председатель педсовета женской гимназии 19 февраля 1883 г. запросили у губернатора «сведения о нравственных качествах и политической благонадёжности дочери коллежского асессора С. Серебряковой на предмет выдачи ей свидетельства на звание сельской учительницы». 5 марта 1883 г. уфимский полицмейстер по запросу канцелярии губернатора докладывал, что дочь коллежского асессора С. Серебрякова нравственности хорошей и политически благонадёжна.

Запросы посыпались и из женских прогимназий. Например, 31 декабря 1882 г. председатель педагогического совета Мензелинской женской прогимназии К. Шейковский сообщал уфимскому губернатору, что дочь мензелинского уездного казначейства, девица В. Ярославцева «обратилась с просьбой об определении её учительницей в местную женскую прогимназию», и просил сообщить сведения о её политической и нравственной благонадёжности. Ответ полиции был благоприятным для будущей учительницы.

О нравственных качествах и политической благонадёжности в эти годы запрашивались сведения по целым учительским коллективам. Власть проверяла всех: законоучителей, учителей-предметников и даже врачей. Так, 7 апреля 1882 г. инспектор Стерлитамакской женской прогимназии запрашивал сведения у уфимского губернатора. В запросе фигурировали фамилии почти всего педагогического коллектива, в том числе школьного законоучителя, учителя русского языка А. Зверева, математики – В. Семёнова, истории и географии – Г. Румянцева, немецкого и французского языков – М. Братухина, чистописания и

рисования – Н. Демидова, приготовительного класса – В. Костенко, врача – М. Юсупова, помощника классных наставников – М. Иванова.

Вместе с политическим надзором за учителями существовал и административно-педагогический контроль за учениками. Организованный в неумелой форме, он вызывал недовольство учениц старших классов женских средних школ. Учителя и классные наставники обязаны были вести наблюдения за частной жизнью своих учеников и вне школы: в театре, в кино, на катке, на танцах и т.п.

Охранительные функции, которые навязывало школе государство, состояли в том, что руководители учебных заведений, попечители, владельцы домов через открываемые в женских средних учебных заведениях общежития, пансионаты, общие ученические квартиры строго контролировали жизнь детей.

Например, педагогический совет Пермской Мариинской женской гимназии разработал правила, по которым работали педагоги в общежитии школы. Согласно этой инструкции, классные надзирательницы должны были посещать квартиры своего класса, причём как можно чаще и не всегда в обычное время, например: после обеда или поздним вечером. Ученицам вменялось в обязанность, чтобы с 6 часов вечера они были дома и не отлучались по вечерам без особых причин. Если нужно было отлучиться после 6 часов, то школьница должна была записать место, куда она уходила, причём срок «отлучки» ограничивался 10 часами вечера.

Всё это отвечало тем требованиям, которые Министерство народного просвещения предъявляло к устройству

«бдительного надзора за домашнею жизнью учениц вне стен учебных заведений» и в связи с этим поощряло открытие при них пансионов, общежитий или, по крайней мере, ученических квартир, «содержимых вполне благонадёжными лицами» [119].

Контроль за ученицами осуществлялся и в общественных местах.

5 февраля 1898 г. начальница Уфимской Мариинской женской гимназии княгиня Багратион-Имеретинская сообщила учителям и классным надзирательницам, что в зале Дворянского собрания состоится концерт, в помещении землемерного училища – городской танцевальный вечер, куда приглашены ученики мужской и ученицы женской гимназий. Начальница просила сообщить ей, желают ли господа учителя и классные надзирательницы «взять на себя труд составить списки тех учениц, которые отправятся в собрание и на вечер, с точным сообщением лиц (родителей, родственников, старших особ), которые будут сопровождать учениц. К 12 февраля были составлены «Списки лиц, отправляющихся на концерт и на вечер в землемерное училище», которые были подписаны классными надзирательницами и представлены ими начальнице гимназии.

Если ученицы шли в театр одни, то должны были сообщить об этом начальству школы, которое отвечало за выбор пьес, разрешённых для просмотра ученицам. Посещение ученицами театра в течение учебной недели запрещалось. Исключение из этого правила делалось только по случаю какого-нибудь семейного праздника. На вечерах ученицы могли веселиться только на глазах своих род-

ственников и учителей. Эти и другие меры позволяли обеспечить надзор за ученицами и уберечь их различных внешкольных и непедagogических влияний и воздействий.

Эти меры школьной и полицейской администрации, несмотря на то, что были направлены на благо обучавшихся в женской средней школе Урала, вызывали, естественно, раздражение, а позднее, с 1905 г., даже протесты со стороны как учителей, так и учениц. Эти протесты оформлялись в петиции, предъявлялись во время митингов, демонстраций, школьных обструкций. За это отдельные ученицы и организаторы таких мероприятий в школах могли быть достаточно сурово наказаны.

В конце 90-х гг. XIX в. – начале XX в. в нашей исторической и педагогической литературе появилось понятие «цена исторического события», с помощью которого пытаются определить, во что обходится обществу, государству, тому или иному слою, классу населения, в целом народу то или иное историческое событие: подготовка к нему, участие в нём, его организация, результаты и последствия. В каждом отдельном историческом событии, явлении, процессе «цена» имеет, на наш взгляд, свое конкретное содержание и отражает в себе как общее, так и особенное для данного региона или страны.

Рассматривая участие представительниц женской средней школы Урала (учителей, учениц, выпускниц) в революционном и демократическом движении, мы видим среди них очень молодых девушек и женщин. Огромна ответственность, которая лежала на тех, кто привлёк их к участию в революционной борьбе, и тех, кто пытался помешать

этой борьбе. Безусловно, в данном случае «цена» не может носить абстрактного характера и не должна рассматриваться в одной плоскости (быть «высокой» или «низкой»), т.к. люди платили по иному счёту: крушение судеб, утратой здоровья.

На наш взгляд, такую «цену» можно было бы назвать «умеренной школьной», так как она замыкалась на школе: во-первых, расплачивались учителя, ученицы, выпускницы; во-вторых, наказания были чисто административными (выговор, снижение балла за поведение, исключение).

Но другая «цена», которую платили учителя, ученицы и выпускницы женской средней школы, могла быть иной политической, «кровавой»: аресты, тюрьмы, избиения, ссылки, убийства. Кровь лилась не только с одной, школьной стороны, её проливали и те, кто пытался остановить, воспрепятствовать политическим выступлениям, привлекая для этой цели полицию, суды, тюрьмы, армию, ссылки. Это была «цена политическая, кровавая». В её основе политические методы борьбы, так как государство видит в участниках антиправительственного движения не столько членов общества (учителей или учениц), сколько преступников, бандитов, террористов, которые посягают на общественно-политический строй страны не только лозунгами, но и активным участием в революционном и демократическом движении.

Уровень и школьной и политической цены, которую семья, школа, общество и государство платили за участие или подавление революционного и демократического движения, зависел от нескольких факторов. Важнейшими из них,

на наш взгляд, были социально-экономическое положение страны; политическая обстановка, формы и методы борьбы и уровень противостояния в обществе; отдельные личности, стоящие как во главе страны и органов её управления, так и во главе политических партий, групп, движений.

Мы считаем, что женская средняя школа в лице своих представительниц – учителей, учениц и выпускниц – менее, чем другие учебные заведения (мужские гимназии, духовные семинарии, реальные, коммерческие, специальные училища и др.), расплачивалась за участие в революционно-демократическом движении. Причина не в блестящих конспиративных особенностях женщин и в особой заботе о них со стороны соратников по революционному делу. Женская средняя школа в силу целого ряда обстоятельств (отличная от мужской средней школы система финансирования, деятельность попечительских советов, которых не было в мужских средних учебных заведениях, большой демократизм и национальный характер учебных заведений с элементами многонациональности и т.д.) была и менее всего подвержена революционной и либеральной агитации и пропаганде, а отсюда – принимала незначительное участие в революционно-демократическом движении, платя за это, как мы уже говорили, наименьшую цену.

В отчёте попечителя Оренбургского учебного округа за 1880 г. отмечалось, что из 2 713 учениц к концу года имели отметку «3» за поведение только 5 учениц. Средний балл по поведению во всех женских средних учебных заведениях был равен 4,96. Проступки учениц не выходили за рамки обыкновенных школьных шалостей и нуждались

только в замечаниях или, в редких случаях, в выговорах и снижении баллов за поведение. Более серьёзных проступков было 7, последствием которых было исключение из учебного заведения. Например, в Уфимской женской гимназии за уклонение от уроков и прогулки в это время на бульваре в сопровождении молодых людей.

В 1984 г. министр народного просвещения России отмечал, что поведение учениц женской средней школы было удовлетворительно. Высшей мере наказания – исключению из школы – были подвергнуты ученицы 27 женских гимназий и прогимназий. Наибольшее количество исключений приходилось на одесский учебный округ – 31, где 10 учениц были исключены из частной женской гимназии Пиллер, 11 – из правительственных гимназий, 10 – из прогимназий. В Оренбургском учебном округе была исключена одна ученица [118].

Через год поведение учениц женских средних школ в России и на Урале так же высоко оценивалось в Министерстве: «как заслуживающее безусловной похвалы», достойное «питать лишь отрадные чувства».

Поведение 92,2 % учениц России было аттестовано высшим баллом «5». В Казанском учебном округе, куда входила «неспокойная» Вятская губерния, «5» имели 99 % учениц.

Таким образом, в 60-80-е гг. XIX в. «цена» за участие в антиправительственном движении измерялась только исключением или снижением балла за поведение. Это связано с тем, что это движение у нас на Урале только зарождалось и не коснулось ещё вплотную уральской женской средней школы. В этот период школьное начальство, чтобы ослабить влияние

в России и на Урале революционных, социал-демократических идей, углубляет и расширяет религиозное образование учениц. Это не было сиюминутным увлечением. Такой путь был опробован ещё в 60-е гг. XIX в., когда Министерство народного просвещения с целью искоренения «умствования» предписало улучшить учебно-воспитательную работу путём усиления религиозного воспитания.

Как это происходило на практике, можно видеть на примере Пермской Мариинской женской гимназии. Пока здесь не было своего храма, ученицы собирались на молитву и религиозные праздники в церкви мужской гимназии. В 90-е гг. XIX в. в женской гимназии был построен свой храм, который вмещал более тысячи человек. С вводом этой церкви администрации, педагогическому коллективу стало легче воздействовать на религиозно-нравственные и иные чувства учениц.

С 1895 г. началось повсеместное строительство религиозных сооружений в школах, было принято официальное решение правительства о преподавании в женских средних учебных заведениях России для учениц-католичек римско-католического вероучения. В 1899 г. такое же решение было принято и по отношению к ученицам иудейского вероисповедания.

В 90-е гг. XIX столетия поведение учениц продолжало оставаться ценной, которую общество платило за недосмотр в работе с молодёжью, за попытки, иногда удачные, вовлечения её в революционно-демократическое движение.

В то же время были и определённые успехи в работе администрации в борьбе с недисциплинированностью детей в школах. В женских гимназиях Оренбургского учебно-

го округа за крайне беспокойные 15 лет, с 1885 по 1900 г, количество проступков уменьшилось с 1 401 до 95, т.е. в десятки раз (см. табл. 4). В прогимназиях округа число нарушений в школах сначала уменьшается в три раза, затем происходит некоторый рост, а к 1900 г. вновь идёт на убыль. В ряде учебных заведений вообще не было нарушений: в Уфимской женской гимназии, в Челябинской женской прогимназии.

Высокую оценку работы педагогических коллективов давал и министр народного просвещения, который отмечал, что поведение учениц гимназии и прогимназии, за незначительным исключением, было «заслуживающим полного одобрения». Проступки учениц заключались, по его словам, преимущественно в нарушении классной дисциплины, в опоздании на уроки, в гулянии позже установленного времени, в непослушании, за что и были снижены оценки по поведению.

Таблица 4

Число нарушений ученицами женских гимназий и прогимназий Оренбургского учебного округа (1885-1900 гг.)

Учебные заведения	1885 год	1890 год	1895 год	1900 год
1	2	3	4	5
Гимназии				
Оренбургская	17	62	22	16
Уфимская	156	18	3	0
Пермская	709	357	25	23
Екатеринбургская	519	132	27	41
Красноуфимская	-	-	-	15

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5
Прогимназии				
Оренбургская	-	2	5	8
Троицкая	-	9	4	27
Кунгурская	57	3	11	3
Бирская	12	45	32	29
Камышловская	11	7	1	1
Пермская	2	5	-	-
Осинская	138	14	210	7
Челябинская	-	-	-	-
Мензелинская	74	-	-	-
Ирбитская	4	-	-	-
Чердынская	-	-	-	1
Всего	1699	555	314	175

Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1369. Л. 23; Д. 1379. Л. 12; Д. 1387. Л. 11; Д. 1369. Л. 8.

В Оренбургском учебном округе средний балл за поведение был равен 4,94. Уволенных за «неодобрительное» поведение в учебных округах по всей стране было 7: в Московском – 2, в Казанском – 2, в Оренбургском, Виленском, Западно-Сибирском – по 1. В числе уволенных 4 ученицы – из гимназии, а 3 – из прогимназии. В 1893 г. в женских гимназиях и прогимназиях Оренбургского учебного округа оценку «5» за поведение получили 100 % учениц.

Не менее высоким, чем в женских средних учебных заведениях Министерства народного просвещения, было поведение учениц епархиальных женских училищ Святейшего Синода. Например, в 1894–1895 учебном году поведение всех учениц Пермского епархиального училища было безукоризненным: все имели высший балл – «5». В

1899–90 учебном году поведение учениц Уфимского епархиального училища «было похвальным».

Подведём некоторые итоги участия представительниц женской средней общеобразовательной школы Урала в демократическом и революционном движении в 60-е гг. XIX – начале XX века.

В 60–70-е гг. XIX в. женские средние учебные заведения на Урале, как и по всей стране, только открывались, тогда как мужские гимназии существовали уже по 20–40 лет. Основные выступления учениц женской средней школы в это время оцениваются администрацией «как школьные шалости». В то же время под воздействием начавшейся революционной пропаганды на Урале в женских средних школах отмечаются первые случаи участия школьниц, учителей и выпускниц в революционно-демократическом движении. Некоторые представительницы этой борьбы в первой половине 70-х гг. заявили о себе во всероссийском масштабе. В этот период ни школа, ни общество почти не платили «политическую кровавую цену» за участие молодёжи из женской средней школы в революционном движении.

В 80–90-е гг. XIX столетия правительство, местная школьная администрация обращали больше внимания на воспитательную роль учителей в женских средних учебных заведениях, на их участие в профилактике и недопущении пагубного влияния на детей и молодёжь ультрареволюционных и радикально-демократических идей. Расширился внешкольный контроль за ученицами, были построены новые общежития, пансионаты, в том числе и с правоохранительной целью

В это время продолжало расти внимание властей, общественности и школы к религиозно-нравственному воспитанию: строились храмы и церкви, вводилось преподавание вероучения не только Русской Православной Церкви, но и римско-католической, иудейской. Своё место занял контроль за ученикам в театрах, на концертах, на танцах и в других общественных местах и массовых мероприятиях. Всё это привело к резкому снижению числа проступков в женских средних учебных заведениях Урала. Это, в свою очередь, лишало почвы тех, кто пропагандировал революционные, радикальные взгляды на историю России, призывая молодёжь к выступлению против экономической и политической системы России.

4.2 | ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЖЕНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ РЕВОЛЮЦИЯМИ

В начале XX в. крайне обострилась обстановка в большинстве регионов мира. Российская империя находилась на изломе. Противоречия, присущие обществу, дошли до предела. Всё более значимой стороной жизни становились революционные настроения. Революционные партии консолидировались. Проходили съезды и конференции, которые принимали решения, толкающие страну от использования мирных форм борьбы с произволом самодер-

жавия, остатками крепостничества к баррикадам, вооружённым бунтам, восстаниям. Почву для революционных выступлений пролетариата, молодёжи, крестьянства, армии, флота готовили не только революционеры и их партии, но и правительство, которое своей непоследовательной внутренней политикой, попытками реформирования только отдельных частей государства, экономики, социальных и общественных отношений вызывало недовольство всех слоёв и классов общества. О непоследовательности, шатаниях, робости правительства России говорит тот факт, что за время царствования императора Николая II – неполных 23 года – сменилось одиннадцать министров народного просвещения, которые только в начале XX в. четыре раза брались за реформу средней школы, в последний раз при графе П. Игнатеве, в 1915 г.

Сознавая, что российская школа, в том числе и женская средняя, нуждается в преобразованиях, самодержавие всё же не нашло в себе политической воли откликнуться на нужды образования, оставив школу наедине со своими проблемами и, тем самым, подготовив почву для действий политических партий и движений, вовлекавших юношей и девушек, учителей в пучину революционно-демократического движения.

Немаловажным фактом, влиявшим на участие представительниц женской средней школы в революционном движении, была, по словам В. Ленина, отвратительная картина «духовной забитости, приниженности, придавленности, бесправия учащихся и учащих России» [46].

Так, в начале XX в. окончившая курс Вятской Маринской женской гимназии дочь купца А. Романова вместе с прошением о приёме на работу подала на имя попечителя Оренбургского учебного округа и «подписку», в которой сообщала, что не принадлежала, не принадлежит и впредь не будет принадлежать ни к каким тайным обществам и масонским ложам. В другой женской гимназии – Красноуфимской – председатель педсовета, посылая в канцелярию попечителя округа документы своих выпускниц, просил о том, чтобы всем им (давшим собственноручно написанные О. Гуржевой и А. Вяткиной «подписки» о том, что они «не принадлежат, не принадлежали и не будут принадлежать к тайным обществам и масонским ложам») были выданы свидетельства домашних наставниц до 1 августа, так как прошения о приёме их на высшие женские курсы принимались только до этого числа.

Такой произвол, конечно, воспринимался как полицейский гнёт абсолютизма, «травящего мысль и знание», толкал наиболее активных представителей уральской интеллигенции – учителей, гимназисток, курсисток и других – на борьбу с самодержавием в рядах различных партий и движений.

Партия большевиков придавала большое значение работе с молодёжью. Одной из форм такой работы накануне первой русской революции в России оставались кружки. Действовал, например, революционный кружок в Челябинске, где с ученицами женской гимназии занимался В. Рукавишников.

Особенно много нелегальных кружков, в которых девушки изучали марксистскую литературу, накануне революции 1905–1907 гг. было в женских средних учебных заведениях Перми, Вятки, Уфы, Кунгура, Красноуфимска, Сарапула, Глазова и других городов Урала. Именно в этих кружках стали активными членами большевистской партии ученицы и выпускницы средней женской школы, в том числе М. Авейде, А. Бычкова, М. Бычкова, С. Дерябина и другие. Старейший ветеран партии большевиков А. Бычкова, вспоминая о М. Авейде (Оскарловна), писала, что никто лучше её не мог воздействовать даже на самых отсталых рабочих и работниц, пробуждая в них классовое сознание и волю к победе.

Начавшаяся в январе 1905 г. первая русская революция значительно ускорила рост революционной сознательности, политической активности, консолидации в женских средних учебных заведениях.

Уже 11 января 1905 г. в Уфе в одной из гостиниц под предлогом студенческого праздника (Татьянин день) собралось около 200 учителей, учащихся, студентов. Не успели собравшиеся дослушать сообщение о событиях в Петербурге, как прибывшая на место полиция разогнала их.

Местный вице-губернатор сообщал в департамент полиции, что после расстрела демонстрации в Петербурге обстановка в городе заметно обострилась: «на собраниях открыто обсуждается, как и что подлежит сделать в Уфе, чтобы поднять и здесь рабочих и учащихся, не отстать от общего движения» [143].

В 1905 г. в Перми действовало 7 специальных и 13 подготовительных кружков, в которых занималось около 100 учащихся. Среди них были ученицы женской гимназии. Кружковцы платили членские взносы (40 копеек). Пермский комитет РСДРП руководил работой этих кружков по специальной программе, опираясь на открытую здесь библиотеку. Эту работу вела «коллегия» пропагандистов при комитете РСДРП, куда входили и М. Авейде, А. Семченко, Н. Бушен.

Кроме кружков, ученицы женских школ использовали и более решительные формы борьбы. Уже в февралемарте 1905 г., т.е. на начальном этапе революции, объявили забастовку ученицы Вятской и Сарапульской женских гимназий. Среди требований школьниц были: отмена внешкольного надзора, свободное чтение книг, свобода собраний, работа кружков самообразования, отмена богослужений, уважение прав личности учащихся и другие.

Левые партии и движения (большевики, эсеры, анархисты) с весны 1905 г. усилили агитацию за насильственные методы борьбы с самодержавием. Так, на III съезде РСДРП В. Фридолин в своём выступлении подчеркнул, что революционное движение на Урале «должно принять форму вооруженного восстания» [156].

Важной вехой в политическом воспитании молодёжи явились первомайские события, которые совпали с вступлением революции во второй этап (май–сентябрь) – этап её развития вширь. Так, прокурор Уфимского окружного суда сообщал в департамент полиции, что 1 мая «до трёхсот рабочих и учащихся собрались в лесу за Уфой для праздни-

вания Первого мая и, выдвинув красный флаг, двинулись к городу, но были рассеяны войсками» [142].

14 мая 1905 г. в очередную годовщину коронации Николая II в Перми состоялась политическая демонстрация. Поводом для неё послужил запрет на проведение съезда учителей губернии. Вечером большая группа рабочих Мотовилихинских заводов (от 3 до 5 тысяч человек) устроила демонстрацию с красными знамёнами и пением революционных песен. Вечером 15 мая полиция арестовала 32 участника демонстрации. Среди них была и гимназистка местной школы Ю. Белоусова.

Революционные партии продолжали большую агитационную и пропагандистскую работу, семена которой, попав на благоприятную почву в сентябре 1905 г., дали резкий рост участия школьниц женских средних школ в антиправительственных выступлениях. Это нашло отражение в использовании основных форм борьбы: кружковая работа, деятельность нелегальных библиотек, выпуск революционных молодёжных газет и журналов, выдвижении петиций, участие в демонстрациях, забастовках и т.п.

В годы первой российской революции появились десятки, если не сотни, новых нелегальных кружков, многие были созданы в женских средних школах Урала. Особенно активной была работа в кружках Екатеринбургской, Вятской, Глазовской, Уфимской, Пермской женских гимназий, частной женской гимназии Л. Барбатенко.

Социал-демократические кружки руководствовались в этот период установками В. Ленина, который считал, что главным в деятельности передовой учащейся молодёжи

должно быть серьёзное изучение марксизма, формирование убеждённых, стойких и выдержанных социал-демократов. Известная на Урале большевичка М. Бычкова вспоминала, что в 1905 г. кружок из 10 учениц Екатеринбургской женской гимназии начал занятия под руководством члена РСДРП С. Дерябиной с изучения истории культуры, затем приступил к книгам по политэкономии А. Богданова «Краткий курс экономических наук», а потом – к «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельса.

В начале 1905–1906 учебного года резко активизировалось нелегальное революционное движение в средних учебных заведениях страны. Особенностью этого этапа, было то, что почти все школьные выступления учащихся носили чисто политический характер. Левые партии призывали учеников превратить учебные аудитории в «трибуны революции», «связать свою судьбу с судьбой революции» [171].

Ещё одной особенностью этого периода революции на Урале было то, что многие ученические кружки стали объединяться в единые городские или уральские молодёжные организации разной политической окраски.

К осени 1905 г. общегородские организации учеников действовали не менее чем в 10 городах: в Вятке, Екатеринбурге, Перми, Уфе, Оренбурге, Кунгуре, Красноуфимске, Сарапуле, Глазово, Елабуге.

В Пермской, Челябинской, Глазовской, Екатеринбургской женских гимназиях социал-демократические группы имели свои библиотеки, даже органы печати. Редакция выходившей в 1906–1907 гг. нелегальной газеты

учениц Глазовской женской гимназии «Первый луч» ставила целью объединение учащихся, освещение вопросов школьной жизни и оценку общественных событий с точки зрения научного социализма.

Уральские учащиеся имели хорошие нелегальные библиотеки, которые постоянно пополнялись литературой, привозимой из Москвы, Петербурга, из-за границы. Так, библиотека пермских учащихся хранилась на квартире члена РСДРП, гимназистки 7 класса В. Михайловой. В 1905–1907 гг. она насчитывала свыше 100 книг: важнейшие работы К. Маркса и Ф. Энгельса («Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке», «К критике политической экономии»), произведения В. Ленина («Аграрный вопрос в России в конце XIX века», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Доклад об объединительном съезде») и др.

Библиотеки пополнялись с помощью знакомых, друзей, братьев, сестёр, которые жили в крупнейших университетских центрах. Так, весной 1905 г. ученицы Троицкой женской гимназии получили посылки с нелегальной литературой от студента Казанского университета Алакиса, а ученицы Красноуфимской гимназии – из Москвы. 3 мая 1905 г. полиция перехватила письмо Коноваловой из Красноуфимска в Москву к И. Павлову, в котором сообщалось, что книги в библиотеку, посланные им, получены.

Требования уральской молодёжи становились всё более радикальными. Так, например, осенью 1905 г. ученицы Оренбургской женской гимназии в своей петиции выдвинули целый ряд требований, состоящих из нескольких бло-

ков. Первый среди них – «уничтожение полицейского режима», затем – ликвидация института классных дам и замена их классными наставниками из педагогов, отмена внеклассного надзора, уничтожение «шпионства» во всяком его проявлении. Гимназистки требовали свободы слова: право каждой ученицы свободно высказываться в классах, на общих собраниях. Более того, в этой петиции школьницы требовали «свободы сходов и союзов» без присутствия начальства: распространение кружков самообразования, создания касс взаимопомощи. Было и требование отменить обязательное посещение богослужений. В петиции учениц другой женской гимназии, Екатеринбургской, ещё более радикальной, предлагали изучать закон Божий «по желанию и притом с философской точки зрения» [26].

В петиции учениц Оренбургской женской гимназии наиболее часто употреблялось слово «свобода», что было не только данью революционной обстановке в стране, но и определённым отражением той атмосферы в школах Урала, которая толкала девушек на активное участие в революционном движении.

Октябрьская политическая стачка 1905 г. ввергла страну в тяжёлый политический кризис. Выходом из создавшегося положения явился опубликованный 17 октября Высочайший Манифест, провозглашавший основные политические свободы в стране и созыв Государственной Думы. Царский манифест, с одной стороны, стал компромиссом правительства с революционными силами и народом; с другой стороны, Манифест способствовал заметному продвижению страны по пути конституционного, европей-

ского развития. Однако и этот документ не усмирил радикально настроенные силы, в числе которых, к сожалению, была и учащаяся молодёжь, уральские школьницы. Об этом наглядно говорит сообщение попечителя Оренбургского учебного округа от 19 октября: «В Перми педагогические советы временно прекратили занятия; Уфа: гимназисты бастуют, ученье прекращено; Оренбург: учащиеся под влиянием семинаристов и революционеров волнуются».

Страна, с одной стороны, поддержала Манифест, с другой – выступила против него. На Урале это вылилось в стачки, и даже побоища. 19 октября 1905 г. в Екатеринбурге в результате зверского избиения шедших на митинг учащихся погибло 2 человека, а 12 воспитанников, в том числе из женской гимназии, было ранено. В Вятке черносотенцы убили 6 человек, более 30 были ранены, среди них были юноши и девушки. Вот она политическая кровавая цена, которую заплатила молодёжь за участие в революционной борьбе.

Забастовки в учебных заведениях Урала, начавшиеся 19–20 октября, продолжались до двадцатых чисел ноября 1905 г. С 20–22 ноября занятия в большинстве учебных заведений возобновились, но продолжались недолго, так как уже 9–10 декабря 1905 г. многие учащиеся присоединились к всеобщей политической стачке. В октябре–декабре 1905 г. бастовали ученицы Вятской, Оренбургской, Екатеринбургской, Глазовской, Сарапульской, Кунгурской, Красноуфимской, Пермской, Троицкой и других гимназий Урала.

На использование тех или иных форм борьбы не мог не влиять состав участниц революционной борьбы: теперь

это были курсистки, гимназистки, учительницы, акушерки, фельдшерицы и т.п. Если до первой российской революции центральное место в ней занимала фигура студента, то в 1905–1907 гг. на первый план вышел учитель. Отметим, что среди учительства Урала, как и по всей стране, преобладали женщины: например, в Вятской губернии учительницы составляли 75 % от всего педагогического состава, в Пермской – 71,5 %. Дореволюционный историк С. Знаменский пришёл к выводу, что в это время большинство учащихся считали себя принадлежащими к партиям социал-демократов, Бунда, социалистов-революционеров. Именно эти партии руководили борьбой молодёжи.

Не только во время забастовок, но и на собраниях, митингах уральские социал-демократы разъясняли юношам и девушкам особенности политической ситуации, знакомили с историей освободительного движения. Например, 27 ноября 1905 г. на митинге, организованном Пермской ученической организацией РСДРП в здании женской гимназии, собралось несколько сот юношей и девушек. Здесь с рефератом «Конечные задачи социал-демократической партии» выступил Л. Воеводский. Старшеклассники Н. Соколова и Б. Костенецкий изложили программу-минимум РСДРП.

Против активных форм борьбы с самодержавием, которые вели к крови, выступили представители партии кадетов, считавшие, что забастовки ведут только к развитию в учениках духа праздности.

В подобной обстановке крайне сложно пришлось школьным учительским коллективам, на которые обрушилась

волна петиций, забастовок, митингов со стороны учениц. Как они действовали в этой сложной и не предусмотренной никакими инструкциями ситуации, посмотрим на примере двух школьных учебных заведений – Ирбитской и Бирской женских гимназий.

В сентябре 1905 г. среди традиционных вопросов, которые обсуждал педагогический совет Ирбитской женской гимназии (приём на работу, передача экзаменов, утверждение плана работы), был рассмотрен вопрос о возможных петициях от учениц школы. После бурного обсуждения этого вопроса приняли решение о том, что при появлении такого документа необходим совет с родителями учениц, согласны ли они на выдвинутые требования.

Уже на заседании педсовета 15 ноября 1905 г. среди традиционных (итоговые оценки за четверть, поведение и внимание учениц и др.) были рассмотрены и политические вопросы. В частности, обсуждался вопрос о том, разрешать или нет ученицам 6–8 классов посещение разных заседаний и собраний. Учителя, находя такие заседания нежелательными, запретили бывать на них школьницам этих классов.

25 ноября 1905 г. собрание учителей Ирбитской женской гимназии вновь рассматривало вопрос о посещении ученицами различных собраний. Вновь было обращено внимание на то, что ученицы, просидев от 7 вечера до 12 часов ночи в этих собраниях, по возвращении домой не могли заниматься, так как уставали и были сильно возбуждены. Педагогический совет постановил принять меры к тому, чтобы ранее принятое решение было выполнено, в том числе с привлечением родителей.

2 декабря 1905 г. педсовет Ирбитской женской гимназии заслушал заявление учениц 8 класса о возбуждении ходатайства об отмене репетиций и экзаменов. После обмена мнениями было решено: «отмену экзаменов в 8 классе признать возможной, заменив их полугодовыми репетициями, которые должны производиться комиссией, состоящей из трёх лиц».

Через две недели на заседании 15 декабря 1905 г. в Ирбитской же гимназии учителя, рассматривая успехи и поведение учениц за 2-ю четверть, «с грустью констатировали, что дисциплина за четверть пала. Несмотря на то, что ученицам было запрещено посещение различных собраний, они всё-таки их посещали. На общем собрании родители прямо высказались за допущение учениц на все собрания. С большим трудом педагогическому совету удалось отстоять своё мнение о том, что только «ученицы старших классов допускаются на заседания семейно-педагогического кружка, но не иначе как в сопровождении родителей».

2 января собрание учителей обсуждало вопрос о том, не следует ли отменить занятия до 10 января ввиду слухов о предстоящих рабочих волнениях 9-го января. Большинство голосов было решено: 9-го января не заниматься.

Такой сложной и непростой стала работа учителей во всех более чем тридцати женских гимназиях и 13 прогимназий Урала.

А что интересовало школьное начальство при организации посещения ученических съёмных квартир? Вот фрагмент из отчёта классной надзирательницы Бирской женской гимназии.

Квартира Красильниковой. В ней проживали ученицы 7 класса С. Жданова, 6 класса А. Вечтомова, 4 класса В. Вечтомова. Надзирательница посетила жильё в воскресенье и обнаружила, что все ученицы только что пришли от обедни. Не было Ждановой, которая из церкви пошла к своим знакомым. Девочки собирались пить чай, а потом идти гулять и решали, кто с кем пойдёт. Уроки были приготовлены ещё в субботу. На вопрос, как они собираются провести день, они ответили, что после прогулки повторят уроки, остальное время употребят на чтение.

В квартире Тимашёвой проживали ученицы 5 класса Копысова, Гонсиоровская, Попова. Девочки, как и в старой квартире, занимали две комнаты. В комнате Копысовой надзирательница заметила беспорядок: на кровати лежала шуба, а во всём остальном был «образцовый порядок».

Квартирой Протопоповой, где жили ученицы 5 класса Глухова и 2 класса Гуменская, надзирательница была довольна, по её замечанию, «более всего». Объяснялось это не тем, конечно, что плата за жильё здесь была самая высокая: не 8 или 9 рублей, как у всех, а 12 рублей. Но на эту сумму хозяйка предоставляла ученицам значительно больше услуг, чем в других домах: ученицы питались в счёт платы, хозяйка убирала комнату, мебели было больше. Это типичный отчёт о работе классной надзирательницы женской средней школы с ученицами, проживавшими на квартирах. Заметим, что школу интересовали в бурном 1905 г. при посещении ученических квартир вопросы подготовки уроков, досуга, чистоты и порядка, условий жизни и отдыха девочек вне школы.

Однако были и другие заботы и тревоги у учителей, учениц и выпускниц этой женской школы.

В 1905 г. в селе Бобино Вятской губернии учительницы Л. Дорофеева и О. Филимонова организовали воскресную школу, в которой, по донесению полиции, вели агитацию среди крестьян, распространяли нелегальную литературу. Учительница Е. Пищалкина в 1905 г. в селе Бубинском Пермской губернии проводила школьные народные вечера. В декабре их посещало 15 мужчин и 11 женщин. Здесь они знакомились с Программой РСДРП, законами о выборах в Государственную Думу, другой литературой, читали листовки [72].

По неполным данным, в 1905–1907 гг. в жандармских списках «политически неблагонадёжных» числилось более 120 учительниц [72].

Вся деятельность революционных партий свидетельствовала о приближавшемся вооружённом восстании. Министр внутренних дел Трепов в докладе Николаю II 17 ноября 1905 г. отмечал, «что вопрос о вооружении является животрепещущим в революционных кругах с целью скорейшего устройства вооружённого восстания» [31].

В начале декабря в стране началась всеобщая политическая стачка, которая должна была перерасти в вооружённое восстание. К этому времени вооружённые боевые дружины рабочей и учащейся молодёжи были созданы большевиками, эсерами, анархистами в 25 городах и рабочих посёлках: в Екатеринбурге – 200 дружинников, в Уфе – 35, в Мотовилихе – 300, в Златоусте и Ижевске – 150, в Челябинске и Воткинске – около 100 и т.д.

В их состав входили и ученицы женских средних школ. В состав Уфимской боевой дружины входили гимназистки: Е. Емельянова, Л. Сперанская, О. Казаринова, А. Ларионова, О. Симонова. Особой смелостью, по наблюдениям жандармов, отличалась Ольга Казаринова. Она принимала участие в забастовке рабочих железнодорожных мастерских; была впереди, когда бастовавших окружили казаки, и не только с санитарной сумкой, но и с бомбами!

Во многих боевых дружинах Урала были созданы санитарные отряды из девушек. В Екатеринбурге после черносотенного погрома 19 октября 1905 г. инициатором создания такого отряда стала К. Новгородцева. Сюда, кроме рабочих, входили ученицы средних школ. При обысках у дружинниц находили лекции по медицине, бинты, вату, лекарства. Санитарные отряды были созданы при боевых дружинах Златоуста, Сима, Миньяра, Мотовилихи. В санитарную дружину Мотовилихи вошли девушки первого женского социал-демократического кружка, созданного А. Туркиным: А. Колеватова, Е. Белозёрова, А. Хохрякова, А. Запольская, Р. Захарова, А. Табанова. Все они приняли участие в Мотовилихинском вооружённом восстании [72].

Активная роль учениц уральской женской средней школы в революционных событиях 1905–1907 гг. не ограничивалась санитарными дружинами. Они проводили работу и с солдатами местных гарнизонов. В Перми весной 1905 г. по заданию Я. Свердлова этой работой занималась гимназистка К. Кирсанова, которая установила связь с солдатами гарнизона, снабжала их нелегальной литературой, газетами, листовками. К работе с военнослужащими она привлекла своих подруг из частной женской гимназии

Л. Барбатенко. Кстати, ротмистр местного жандармского управления Сизых отмечал, что «эта гимназия почти при каждой ликвидации даёт новых и новых клиентов Охранному отделению».

Вождь мирового пролетариата В. Ленин позже отмечал, вести пропаганду среди солдат, находящихся на действительной службе, чрезвычайно трудно, иногда почти невозможно [47].

После поражения декабрьского вооружённого восстания в стране начался медленный спад революции. Но московское поражение не означало прекращения борьбы с произволом самодержавия и его пережитками. На Урале молодёжь по-прежнему принимала активное участие во всех революционных акциях, которые проводились и левыми и правыми партиями. Так, Пермский губернатор Болотов в отчёте за 1905 г. сообщал: «ряд школьных забастовок с предъявлением всевозможных требований привёл к тому, что к началу отчётного года средние учебные заведения были закрыты» [141].

Действительно, после рождественских каникул среди не преступивших к занятиям назывались Благовещенская учительская семинария, Оренбургский медресе, Глазовская женская гимназия и другие.

В начале 1906 г. была арестована и заключена в Николаевские арестанские роты группа учащихся Нижнее-Тагильского горнозаводского училища и женской гимназии, а в ночь на 8 января в Екатеринбурге арестовали 29 юношей и девушек, в том числе из местной женской гимназии.

Судя по отчёту губернатора Вятского края, 1906 г, «как и предыдущий, был одним из самых тяжёлых и для школ» [140].

В средних учебных заведениях «освободительное движение», нарушив жизнь школы, вызвало неаккуратное и небрежное посещение уроков, упадок дисциплины, выразившийся в грубых выходках, в неповиновении и демонстративных протестах против преподавателей и наставников, в забастовках.

По замечанию губернатора, «подобные печальные явления замечались как в мужских, так и в женских учебных заведениях» [19].

1 мая 1906 г. под влиянием революционных партий во многих городах и заводских посёлках прошли митинги и демонстрации, политические забастовки. Конные стражники и казаки в Сарапуле напали в этот день на колонну демонстрантов, состоящую из рабочих, учащихся реального училища и женской гимназии. Многие юноши и девушки были жестоко избиты. При обыске у них находили листовки «Первое мая», «К товарищам рабочим», изданные эсерами и социал-демократами. Ученицы Слободской женской гимназии Е. Рябова и С. Бобровская распространяли большевистские листовки.

В 1906 г. продолжалось создание новых ученических групп, кружков, организаций, которые в той или иной мере разделяли идеологию различных партий. Так, Челябинская группа РСДРП весной 1906 г. создала Челябинский союз учащихся, объединивший революционно настроенных юношей и девушек из реального училища и женской гимназии. Члены союза собирали деньги для партии, проводили работу в кружках. В отчёте Челябинской группы РСДРП

за август говорилось, что здесь работали 4 кружка по 8 человек в каждом.

Организации и кружки учащихся к осени 1906 г. работали в Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Троицке, Глазове, Вятке и других городах.

За действиями правительства и борющейся молодёжи с тревогой наблюдала уральская пресса, которая справедливо считала, что необходимо «коренное переустройство школы». «Главное условие нормального течения жизни школы, – писал 30 марта 1906 г. в газете «Урал» Н. Глушук, – это удаление из её стен увлечение политикой».

Сделать это было крайне трудно хотя бы потому, что во время первой российской революции на политической арене страны действовало около 50 партий, каждая из которых стремилась привлечь на свою сторону как можно больше молодёжи. Самой партийной из всех уральских губерний была Пермская – с развитой промышленностью, многотысячными отрядами рабочих, интеллигенции и молодёжи. Уже в 1906 г. были приняты программы Русской монархической партии, Союза русского народа. Члены этих организаций чётко определили своё отношение к молодёжи: вернуть молодёжь в лоно «самодержавия, православия, народности» [43].

Подобным течениям и группам сделать это было довольно трудно, и они, по замечанию членов правительства, нигде в средних учебных заведениях особо активно не проявились. Зато «конкуренты» из других групп и организаций заметно преуспели. Это отмечали и консервативные партии.

Так, уральские черносотенцы писали о нарастании числа кружков саморазвития в средних учебных заведениях, не без основания опасаясь, что как бы эти посторонние лица, «просвещая у себя на квартирах общественным наукам наших детей, не привели бы их, недоучившихся, на баррикад»ы. В января 1906 г. в первых трёх номерах Уфимских губернских ведомостях публиковалось открытое письмо «От патриотического общества мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских, призывавшее молодёжь «утомониться» и отойти от революционеров».

Деятельность черносотенцев активизировалась в 1906–1907 гг. Однако лозунги левых партий для активной части молодёжи были привлекательнее, и молодёжь шла в ряды этих партий.

Партия социальных реформаторов (кадеты), выступая от имени «умеренных классов», боролась против реакции, ультрареволюционеров и анархии. Один из её лидеров на Урале С. Фармаковский, анализируя уроки 1905 г., писал, что действенность революционных партий основывается на поддержке молодёжи: ведь в революции гибнут лучшие силы, при ином порядке вещей они могли бы сослужить лучшую службу своей Родине [92].

26 января 1906 г. кадетская газета «Уральский край» в редакционной статье «О молодёжи» писала: «В семье, школе, дружеской беседе необходимо влить в молодые сердца мир и успокоение, вселить в колеблющиеся умы убеждение, что не новых приношений на жертвенник революции, а незаметного подвига культурной, упорной работы потребует от них Родина».

Однако до тихой семейной идиллии между государством и молодёжью, особенно школьной, было ещё далеко. Учащиеся учебных заведений продолжали свою борьбу за изменение жизни в школе, и формы этой борьбы были самые разнообразные.

В годы первой российской революции активизировалась издательская деятельность в школах по выпуску собственных рукописных и гектографированных газет и журналов. Они выходили на Урале в 11 городах. Так, кружок Глазовской женской гимназии выпустил своё революционное издание под названием «Первый луч», которое вышло в 1906–1907 гг. в двух номерах. Молодёжные издания решали в основном школьные задачи: сплочение учеников, сбор средств, выдвижение ученических требований к администрации.

Движение молодёжи на втором этапе революции быстро шло на убыль, хотя оставалось заметным фактором общественно-политической жизни на Урале с сентября по декабрь 1906 г. здесь было зарегистрировано 14 выступлений учащихся, что было на 5 меньше, чем с января по май того же года (6 волнений, 5 забастовок, 3 демонстрации). Два из них, или 12,3 %, пришлись на среднюю школу Урала. Это сентябрьские волнения учениц 5-7 классов Глазовской женской гимназии из-за увольнения любимого учителя и конфликт между учащимися и законоучителем Елабужской женской гимназии, в результате чего гимназия на короткое время была закрыта. Если конфликт в Глазовской женской гимназии коснулся только её, то ноябрьско-

декабрьский инцидент в Елабуге затронул местную женскую гимназию, епархиальное и реальное училища [71].

Несмотря на кажущуюся активность учениц женских средних учебных заведений в революционных событиях, мы должны сделать вывод о том, что их выступления на всех этапах революции был крайне незначительным, их протесты носили прежде внутренний, школьный, и в подавляющем большинстве случаев, не политический характер.

Об этом же мы можем говорить и при анализе всей ситуации в революции 1905–1907 гг.

В период революции 1905–1907 гг. из женских школ Урала и России учениц исключали по трём разным причинам: во-первых, «за неполный балл по поведению»; во-вторых, за «неудовлетворительные отметки по предметам»; и, наконец, в-третьих, «за неполный балл по поведению и неудовлетворительные отметки по поведению».

Рассмотрим эту практику (табл. 5).

Из женских гимназий и прогимназий Оренбургского учебного округа в 1905 г. с «неполным баллом по поведению» была исключена 71 ученица из всего числа выбывших из школ учениц, или 2,5 % , и ни одной в 1906 г. и в 1907 г. В России из женских гимназий и прогимназий выбыло «с неполным баллом по поведению» в 1905 г. 707 человек из 2 188 учениц, исключенных из гимназий и прогимназий, или 32,2 %; в 1906 г. – соответственно 75 из 997 человек, или 7,52 %; в 1907 г. – 83 школьницы из 1 449, или 5,7 % всего числа, выбывших из школы.

Другая категория учениц была обозначена как «исключённые с неудовлетворительными отметками по пред-

метам». В Оренбургском учебном округе она составила в 1905 г. 69 учениц, или 92,2 %, в 1906 г. – 17 человек, или 100 %, в 1907 г. – 44 человека, или 97,7 % всего числа, выбывших из женских гимназий и прогимназий. В России по этой причине выбыло из женских гимназий и прогимназий в 1905 г. – 1 305, или 59,6 %, в 1906 г. – 353 ученицы, или 86,5 %, в 1907 г. – 1 329 школьниц, или 91,7 % всего числа учениц, выбывших из женских гимназий и прогимназий.

И, наконец, из женских гимназий и прогимназий Оренбургского учебного округа «с неполным баллом по поведению и неудовлетворительными отметками по предметам»: в 1905 г. и 1906 г. никто не был исключён, в 1907 г. выбыла 1 ученица; по этой же причине в России было исключено из школы в 1905 г. – 176 учениц, или 8,04 %, всех выбывших, в 1906 г. – 59, или 5,9 %, в 1907 г. – 37 человек, или 2,55 %.

Таблица 5

Число учениц, выбывших из женских гимназий и прогимназий МНП в 1905–1907 гг.

Выбыло учениц	1905 г.		1906 г.		1907 г.	
	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия
С неполным баллом по поведению	2	707	0	75	0	33
С неудовлетворит. отметками по предметам	69	1305	17	833	44	1329
С неполным баллом по повед. и неудовл. отметками по предметам	0	176	0	59	1	37

Составлено по: Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1905 год. – СПб., 1907; Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1906 год. – СПб., 1908; Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1907 год. – СПб., 1908.

Данные таблицы подтверждают тот факт, что движение учениц женских средних учебных заведений Урала в революции 1905–1907 гг. не было массовым, в отличие от других учебных заведений. В то же время, являясь частью уральского школьного молодёжного движения, женские школы в 1905–1907 гг. были охвачены теми же формами борьбы, что и другие школы: кружки, ученические союзы, нелегальные библиотеки, забастовки, маёвки, демонстрации, волнения, школьные конфликты и др.

И в то же время в годы революции 1905–1907 гг. на Урале значительно выросла организованность участвовавшей в революционно-демократическом движении молодёжи. Всего за время первой революции здесь действовало не менее 38 ученических организаций, из них 13 работали под руководством эсеров, а 8 – социал-демократов. В 11 уральских городах издавалось 32 молодёжных журнала и газеты. В 25 учебных заведениях работали нелегальные библиотеки. За годы революции было охвачено волнениями 65 учебных заведений в 25 городах Урала. Около 200 выступлений – забастовок, волнений, демонстраций, конфликтов – было связано с этими учебными заведениями. Результатом борьбы школьников России стали серьёзные уступки со стороны Министерства народного просвещения и администраций учебных округов и заведений: был ликвидирован

внешкольный надзор, отменена школьная форма, избраны родительские комитеты и т.д.

Участие учениц и выпускниц женской средней школы в революционно-демократическом движении было достаточно заметным по сравнению с предыдущими десятилетиями XIX века. Если с 1861 по 1904 г. мы не находим почти ни одного факта революционно-демократической деятельности в женских средних учебных заведениях, то в 1905–1907 гг. произошло 10 забастовок, 2 демонстрации, 2 волнения. 2 школьных конфликта. Ученицы средних учебных заведений приняли участие в совместных акциях: в 3 маёвках, 5 демонстрациях, 1 забастовке, 2 волнениях. Если с 1870 по 1905 г. в женских средних учебных заведениях работало 7 нелегальных кружков, то с 1905 по 1907 г. их число выросло до 18, немало учениц занимались в кружках и состояли в организациях мужских учебных заведений.

К лету 1907 г. соотношение сил в России наконец-то изменилось в пользу правительства: была распущена Государственная Дума, назначены новые выборы. Революционное движение практически перестало носить открытый характер, хотя оставалось фактором политической жизни страны, с которым правительство ещё считалось.

Восстановление порядка в стране не могло быть полным без наведения его в школах. Циркулярным распоряжением Министерства народного просвещения вновь вводилось обязательное ношение школьной формы (25 июля 1907 г.), были запрещены сходки учащихся в помещениях учебных заведений (15 ноября 1907 г.), в полном объёме восстанавливалась прежняя система переводных экзаменов

(2 марта 1908 г.). Но не все завоевания революции были отменены. Так, власть, общественность, родители и ученики оценили полезность созданных в ходе революции родительских комитетов и совещаний, поэтому они не были закрыты, хотя их деятельность стала регламентироваться. Особым циркуляром Министерства народного просвещения от 15 ноября 1907 г. в средних учебных заведениях были запрещены ученические организации.

Несмотря на принятые правительством меры, учащиеся продолжали свою борьбу, правда, формы её были не так радикальны, да и масштабы выступлений стали другими. Учащиеся, как и старшие товарищи, отступали «с боями». В сентябре-ноябре 1907 г. в Екатеринбурге, Перми, Соликамске, Сарапуле прошло не менее 10 волнений и забастовок учащихся, направленных против школьной администрации, восстановления школьной формы, грубости учителей и т.п.

27 августа 1907 г. учащаяся молодёжь Вятки, Глазово, Нолинска приняла участие в демонстрации и митинге по случаю похорон ссыльного революционера. За участие в демонстрации ряд учащихся, в том числе и ученица 7 класса Нолинской женской гимназии П. Стяжкина, по постановлению Вятского губернатора были подвергнуты штрафу в 500 рублей, а затем и тюремному заключению на три месяца. Как видно, «цена» за участие в революционных выступлениях изменилась, перестала быть кровавой, как в 1905–1907 гг., но ученицы женских школ продолжали её «выплачивать».

Летом и осенью 1907 г. перед партией РСДРП, как и перед другими политическими силами, остро встала проблема явочных квартир. В Екатеринбурге члены РСДРП пользовались квартирной явкой гимназистки М. Бычковой, в Красноуфимске – ученицы женской гимназии Е. Макаровой.

Третьеиюньская система управления государством не привела к прекращению выступлений учащейся молодёжи. По подсчётам профессора В.Я. Рушанина, в 1905–1907 гг. в 14 городах Урала произошло не менее 25 выступлений учащихся, в их числе 15 забастовок, 3 волнения, 2 демонстрации. По мере нарастания реакции их количество неуклонно уменьшалось: во второй половине 1907 г. – 11 выступлений, в 1908 г. – 9, в 1909 г. – 6. Подавляющее число выступлений (22 из 25) носило академический, школьный характер. Из этих выступлений только забастовка в Котельниче осенью 1907 г. состоялась в женской средней школе. Все остальные прошли в других учебных заведениях.

В чём ещё, кроме падения числа выступлений и снижения их уровня, проявилась усталость и упадническое настроения молодёжи?

В начале 1908 г. в Перми возникло нелегальное общество «Огарков», в которое вошли учащиеся мужских и женских средних учебных заведений. В воззвании этой организации юноши и девушки, подвергнув острой критике политическое устройство России и состояние преподавания в школах, предлагали бороться за свои права, реформировать хотя бы часть государственного механизма путём «употребления в надлежащем количестве спиртных напитков и свободным общением полов» [174].

Другим трагическим явлением, поразившим русскую школу, стала волна самоубийств, захлестнувшая в 1907–1910 гг. учебные заведения. За три года только в двух учебных заведениях Оренбурга – мужской и женской гимназиях – покончили жизнь самоубийством 8 юношей и девушек. Ни одна из политических сил страны не взяла на себя ответственность за столь страшную «цену» последствий революционного безумия, в которое была ввергнута молодёжь.

Правая печать считала, что во всём виноваты «революционеры, которые являются не исцелителями современного общества от душевных и телесных его недугов, а главными поставщиками лазаретов, больниц, богоделен для увеченных, развратителями душ подрастающего поколения, поставщиками самоубийств» [170].

Левая печать считала, что волна самоубийств в школах – это прямой результат наступившей в стране реакции [171].

Мы считаем, что не без основания критиковали себя и других и левые и правые. Но нельзя забывать, что на эти процессы могли влиять и иные факторы.

Так, в 1906 г., по данным врачебно-санитарной комиссии Министерства народного просвещения, насчитывалось 88 случаев самоубийств и покушений на самоубийство, в 1911 г. – 242, в 1912 г. – 251, причём основная их часть падала на среднюю школу (187), особенно мужскую классическую гимназию. По данным врачей, главными причинами самоубийств являлись: школьные – 18,5 %, школьно-домашние – 11,9 %, нервные и душевные болезни – 18,7 %,

домашние – 14,3 %, романические – 5,5 %, разные – 5,5 %, невыясненные – 23,5 %. Наибольшее число случаев самоубийств в мужских школах падало на 16-летних, в женских – на 17-летних [103].

Эти события заставляли учебное начальство быть более внимательным к внеурочной и внешкольной жизни учениц в общежитиях и пансионатах и общих ученических квартирах, во время концертов, вечеров и др. мероприятий.

На самоубийства молодёжи реагировали и молодежные печатные органы. Так, газета пермских школьников «Наши думы» (1908, 3 марта), вскрывая причины самоубийств учащихся, призывал не просто осознать правду жизни, но и бороться за неё.

Огромные потери, понесённые партиями и движениями в связи с поражением революции, заставили их обратиться к политическому образованию и воспитанию молодёжи. В их арсенале ведущим звеном оставались кружки, распространение политической литературы, листовок и газет.

Так, в Челябинске с осени 1907 по 1908 г. действовал ученический союз, куда входили школьники старших классов женской гимназии и реального училища. Большевики поддерживали связь с кружком через гимназистку С. Кривую и реалиста В. Михельсона. Из более чем десяти кружков и союзов, действовавших в этот период на Урале, мы находим только два, в которых работали представители женских средних учебных заведений. В начале 1908 г. в Оренбурге была создана ученическая организация. Среди её членов были ученицы местной гимназии А. Худякова и А. Сотникова.

Ученицы женской средней школы принимали участие в распространении нелегальной литературы.

Целая группа ученических организаций в 1908–1910 гг. имела собственные нелегальные библиотеки, которые оказывали значительную помощь в организации революционной учёбы в кружках.

Только в январе–феврале 1908 г. марксистская литература была найдена в квартирах 14 учащихся средних учебных заведений Вятки. В ноябре 1908 г. у гимназисток А. Пермяковой, А. Анисимовой, З. Колчиной и других были найдены революционные книги, конспекты марксистских работ, сборники революционных песен, стихотворений. В середине июля 1908 г. в Красноуфимске у Н. Шевелиной, слушательницы высших женских курсов в Петербурге, полиция изъяла более 100 революционных изданий, в том числе произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, Г. Плеханова, и других. В марте–апреле 1908 г. во время обысков в пяти средних учебных заведениях г. Перми полиция обнаружила запрещённую литературу у 18 учеников. Немало было литературы у 18-летней гимназистки В. Михайловой: работы К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, В. Ленина и других.

Революционно настроенная молодёжь Урала внимательно читала и изучала центральные большевистские газеты. Номера газеты «Вперёд» были обнаружены в январе 1908 г. у ученицы 7 класса Пермской женской гимназии О. Кобелевой.

Хранение, распространение и изучение нелегальной литературы сурово наказывалось в царской России. Уча-

щийся 6 класса Пермского реального училища В. Кутузов за хранение и распространение революционной литературы в 1908 г. был осуждён Казанским окружным судом и заключён в крепость на два года.

Несмотря на это, в 1908–1910 гг. полиция находила нелегальную литературу у учащихся всех видов учебных заведений уральских городов Вятки, Перми, Оренбурга, Екатеринбургa, Челябинска, Глазово, Кунгура и других.

Большое влияние на молодёжь всегда оказывали нелегальные библиотеки и запрещённая литература в легальных учреждениях. Так, в конце 1909 г. было закрыто 14 школьных библиотек, где обнаружили «книги тенденциозного характера», о чём поступил донос в Пермское жандармское управление. В нём сообщалось, что во многих школьных библиотеках губернии хранятся и выдаются книги, на которые судебным установлением наложен арест [173].

В Пермской частной женской гимназии Л. Барбатенко ученической библиотекой заведовала учительница русского языка В. Постоленко. Ей были предъявлены обвинения в том, что библиотека подобрана тенденциозно: слишком представлен раздел русских и иностранных авторов, есть и такие, на произведения которых наложен арест. Книг же религиозно-нравственного и патриотического содержания в библиотеке почти нет. Например, здесь ученицы знакомились с работами Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Положение рабочего класса в Англии» и др.

Уральские эсеры, которые имели значительное влияние на учениц женских средних учебных заведений, на

первое место выдвигали террор. Им в этой пропаганде противостояли большевики, призывавшие к иным формам борьбы. Так, К. Кирсанова ещё в 1907 г. в письмах из тюрьмы обращала внимание своих младших подруг Ю. Чебыкиной, Т. Щекотаевой, М. Калугиной на вред террористических актов, которые совершались представителями других партий и прежде всего эсерами и анархистами [33].

Если революционные партии искали новые формы и средства борьбы, стремясь как можно шире привлечь на свою сторону учащуюся молодёжь, то школьное начальство, видя, что правительство справилось с массовым революционным движением в учебных заведениях, стремилось расширить и закрепить его успех, для чего полнее, чем обычно, использовало в практике педагогической работы как традиционные, так и нетрадиционные виды деятельности.

Например, в женской школе Урала закреплялся и получил дальнейшее развитие надзор за ученицами вне гимназий и прогимназий. В 1909 г. « с целью поднятия дисциплины, без которой учебное дело не может идти вполне удовлетворительно» в Пермской Мариинской женской гимназии педагогическим советом были разработаны и утверждены «Правила поведения учениц в гимназии и вне её». В них особое внимание было обращено на поведение учениц во время посещения театров, танцевальных вечеров, концертов, вводился контроль за досугом молодёжи со стороны учебно-воспитательного персонала. Подобная практика стала характерной для всей женской средней школы Урала и России.

Святейший Синод, в свою очередь, высказался против молодёжных «веселий» под праздничные и воскресные дни в учебных заведениях. Об этом «для зависящих распоряжений» Министерство народного просвещения уведомило учебное начальство 9 февраля 1908 г.

Кроме запретительных мер, в школах поощрялись полезные и разумные развлечения, для чего под руководством учителей и воспитателей совершались различного рода прогулки, экскурсии, паломничества.

В Елабужском женском епархиальном училище по окончании курса обучения воспитанницы ездили в город Москву, а по пути осмотрели Казань, Нижний Новгород, Ярославль [112].

В 1910 г. ученицы Екатеринбургской 2-й женской гимназии посетили: «17 января 8-й класс – физический кабинет мужской гимназии с целью осмотра беспроволочного телеграфа; 13 февраля этот же класс осмотрел храм Свято-Духовной церкви; 18 декабря по 10 января группа учеников гимназии посетила Санкт-Петербург, где осмотрела музей императора Александра III, Зимний дворец, домик Петра Великого. После обедни были в Исаакиевском соборе, Морском музее России, музее барона Штиглица, слушали оперу в консерватории, обошли залы Императорской публичной библиотеки, были на прогулке в Ботаническом саду и Зоологическом музее, ездили в Александро-Невскую лавру, смотрели спектакль и балет в Александринском и Мариинском театрах».

Ученицы 1–3 классов Кыштымской женской гимназии 8 мая 1914 г. ходили в лес для осмотра окрестностей города.

Ученицы 7 класса 11 и 12 мая вместе с преподавателями физики и пения были в Нижнетагильском заводе, где осмотрели электролитный, меднолитейный, сернокислотный и железопрокатный цеха. Ученицы 8 класса в сопровождении начальницы, преподавателей рукоделия и физики ездили на устроенную по американскому образцу ферму

В. Соловьёва.

Школа не оставила без внимания не только внеклассную, но и внегимназическую жизнь своих подопечных, справедливо полагая, что внимательное отношение к условиям проживания учениц – лучшая гарантия благополучия школьниц. Так, в общежитии Ирбитской женской гимназии было поселено к 1912 г. 21 человек. Большинство учащихся (281 человек) жили у своих родителей или родственников. Часть учениц (85 человек) проживали на общих ученических квартирах, т.е. в среднем в одной квартире 5–6 человек. Деятельность классных надзирательниц заключалась в традиционных дежурствах на вечерах, катках, в театре, кинематографе. Они посещали ученические квартиры для ознакомления с условиями проживания, а иногда и для того, чтобы справиться о причинах пропуска уроков.

Конец первого – начало второго десятилетия XX в. было во многом переломным временем для России. На смену длительной депрессии в экономике, продолжавшейся до 1909 г., пришёл рост промышленности, который затем сменился бурным подъёмом. В 1909–1910 гг. гигантскими темпами развивались основные отрасли народного хозяйства, изменился состав рабочего класса и всех основных

слоёв общества. Серьёзные изменения произошли в народном образовании, в том числе и в ведущих регионах России. Значительно изменилась и окрепла женская средняя школа на Урале.

Политическая система не смогла в условиях надвигавшейся войны удовлетворить общество, остановить революционную борьбу масс. Смерть председателя Государственной Думы С. Муравьёва, великого русского писателя Л. Толстого подтолкнула революционное и молодёжное движение в России. В ноябре 1910 г. прошли волнения учащейся молодёжи и в уральских городах Екатеринбурге, Уфе, Перми и других.

В начальный период нового революционного подъёма на Урале действовали социал-демократические кружки, объединявшие учащихся на борьбу с царизмом. В 1910–1912 гг. они действовали в Уфимской и Сарапульской женских гимназиях.

В сентябре 1910 г. в Сарапуле возник кружок самообразования, в который вошли ученицы местной женской гимназии, реального училища, мужской гимназии. Инициатором создания кружка стала гимназистка 4 класса Ю. Журавлёва. По субботам учащиеся собирались у неё на квартире, читали и обсуждали рефераты. После получения известия о смерти великого писателя Л. Толстого они решили организовать демонстрацию молодёжи города Сарапула, которая и была запланирована ими на 20 ноября. Но ночью всех членов кружка арестовали.

В Челябинской женской гимназии ученица С. Баландина вместе со ссыльными студентами И. Кузьминым,

С. Гауком, А. Лесницким печатали в 1910 г. первомайские листовки.

На политической арене России за молодёжь продолжали бороться и правые, и левые партии, и анархисты.

Социал-демократическая фракция РСДРП в Государственной Думе, в связи с насилием над учащимися, назвала «естественным и отрядным» стремление учащейся молодёжи к расширению «своего кругозора путём самообразования». Фракция подчеркнула, что только коренное преобразование государственного строя способно освободить школу от полицейских пут.

Один из лидеров кадетов Н. Некрасов считал, что необходимо учитывать настроения учащейся молодёжи. Кадеты признавали право учащихся на создание кружков самообразования.

Представители монархических кругов прямо заявили, «что школа должна быть выше политики». По словам В. Пуришкевича, левые партии наводнили школу преступными изданиями «по подготовке России к государственному перевороту» [182].

В 1910–1914 гг. на Урале произошло 29 выступлений учащейся молодёжи, из них только в трёх принимали участие ученицы женской средней школы. Например, в феврале 1911 г. ученицы Красноуфимской женской гимназии бойкотировали «реакционно настроенного преподавателя». Учащиеся средних учебных заведений Уфы объявили акцию солидарности с бастовавшими в 1911 г. студентами. В Перми в это же время прошли волнения школьников в

связи с прибытием в местную тюрьму студентов Петербургского университета.

В 1909–1914 гг. в женских средних школах фактически прекратились антиправительственные выступления. Школа, общество, семья почти прекратили «платить» революции по её счетам, особенно по «ценам» политическим, кровавым, как это было в 1905–1907 гг. Отсутствие активной политической борьбы позволило школе сосредоточиться на чисто ученических проблемах, которые решались хорошо знакомыми и привычными педагогическими приёмами. «Ценой» этой школьной политики оставались в 1909–1914 гг. и позднее снижение баллов за поведение, отчисление из школы и т.п.

В 1908 г. выбывшие из женских гимназий и прогимназий Оренбургского учебного округа составили 79 человек из 13 226 обучавшихся здесь учениц, или 0,59 %. Все они были исключены за «неудовлетворительные отметки по предметам». В России за это же время из женских гимназий и прогимназий выбыло 2 024 ученицы из 225 947, или 0,63 %. Из них исключены «с неполным баллом за поведение» 119 человек, или 5,88 %. С «неудовлетворительными отметками по предмету» исключено 1 847 человек, или 91,3 % от всего числа исключенных. С «неполным баллом по поведению и неудовлетворительными отметками по предмету» исключено 56 школьниц, или 2,7 % [169].

В 1912 г. число учениц, выбывших из женских гимназий и прогимназий Оренбургского учебного округа, составило 125 человек, из 15 862, или 0,74 % от всего числа учениц округа. Из них исключенных с «неполным баллом по

поведению» было 2 человека (1,58 %), с «неудовлетворительными отметками по предмету» – 120 учениц (95,2 %), «с неполным баллом по поведению и неудовлетворительными отметками» – 4 школьницы (3, 17 %)..

В России в 1912 г. выбыло из женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 2 824 человека из 303 620 (0,92 % от всего числа учениц), из них «с неполным баллом по поведению» – 75 человек (2,65 % от числа исключённых), «с неудовлетворительными отметками по предметам» – 2 668 (94,47 %), с «неполным баллом по поведению и неудовлетворительными отметками по предметам» – 81 школьница (2,86 %).

В 1909–1910 учебном году поведение учениц Уфимского епархиального женского училища «было вполне безукоризненным». В 1909–1910 учебном году поведение всех учениц Пермского епархиального женского училища было отмечено оценкой «5». В России поведение воспитанниц всех епархиальных женских училищ в 1910 г. было признано «вполне удовлетворительным». Только 15 человек имели уменьшенный балл «4», а остальные – «5».

Поведение учениц Уфимского епархиального женского училища в 1913–1914 учебном году «было вполне безукоризненным». «Чаще встречались лишь незначительные нарушения дисциплины, но они были единичными. Особое внимание обращалось на воспитание школьниц в духе православия, на развитие в них религиозного чувства [176].

В целом какой-то особой «цены» за участие в революционной борьбе ученицы женских гимназий и прогимназий, епархиальных женских училищ Урала не платили. Это

объясняется, на наш взгляд, сравнительно малой ролью в революционном и демократическом движении учениц женской средней школы. Участие в этом движении представителей других групп молодёжи – студентов, курсисток, учеников мужской средней школы, солдатской, крестьянской, призывной молодёжи – было гораздо более активным. В женских школах – гимназиях, епархиальных училищах – это движение, если и было, либо повторяло чьи-либо лозунги, либо носило школьный характер, затрагивая в основном вопросы учёбы, быта, поведения внутри и вне школы. Поэтому и меры, применяемые к ученицам, участвующим в выступлениях, носили школьный, педагогический характер, а не полицейско-политический. «Цена», которую платили ученицы женских средних учебных заведений за своё участие в антиправительственной борьбе, была «школьной», «педагогически» взвешенной, а не политической, кровавой, что выгодно отличало женскую среднюю школу от других учебных заведений России.

Начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война стала поворотным рубежом и в истории России. Миллионы молодых людей были призваны в армию и на флот. Объявление войны вызвало мощную волну патриотизма, которая особенно проявилась в молодёжной, учащейся среде. Уральские гимназистки, епархиалки, институтки шили бельё, организовывали сбор средств, дежурили в госпиталях, давали концерты в лазаретах.

Мы полностью согласны с выводом профессора В.Я. Рушанина о том, что «война, с её патриотическим подъёмом, захватившим поначалу, хотя и в разной степени,

все классы, партии, группы, социальные слои тогдашней России, и вызванные к жизни законы военного времени привели к тому, что революционное движение заметно пошло на убыль и стало набирать силу лишь во второй и третий год войны, а революционные партии подверглись разгрому и их деятельность была малозаметной» [72].

В 1915–1916 гг. в стране заметно усилилось недовольство средних городских слоёв. Авторитет царской власти в среде учащейся молодёжи упал до предельно низкого уровня. Многие ученицы старших классов средних учебных заведений были в оппозиции к правительству, критиковали при случае её действия, презрительно относились к царской чете.

Эти настроения в среде учащейся молодёжи подогревались сообщениями с мест. Например, в газете «Вятская речь» 18 февраля 1918 г. печаталось большое количество корреспонденций о низкой оплате труда учителей, дороговизне, о голодных обмороках в школах, о самоубийствах учителей, особенно в сельской школе. Конечно, это не могло не беспокоить тех, кто после окончания учебных заведений должен был прийти работать в школы и чей труд оплачивался также низко, как труд чернорабочих. Всё это волновало выпускниц гимназий и прогимназий, епархиальных училищ, Оренбургского женского института.

Ответы на эти вопросы учащаяся молодёжь продолжала искать, в том числе и в антиправительственной прессе. В годы войны, несмотря на большие трудности, в ряде мест теплилась искра революционной пропаганды. Так, в этот период в Челябинске работал кружок учениц старших

классов женской гимназии, в котором его члены Р. Крепицкая, Л. Попова, А. Шабурникова, С. Бондаренко, С. Локшанцева, О. Берзина, З. Круковская, И. Замятина и другие читали нелегальную литературу, изучали историю французской революции, готовили рефераты о империалистической войне.

В 1914–1917 гг. в Вятке большой активностью отличались приезжавшие домой на каникулы слушательницы высших женских курсов Петрограда, Харькова, Киева. Среди них особенно выделялись большевички В. Зубарева, О. Гребнева. Они распространяли листовки среди рабочих.

В отличие от начала XX в. в 1914–1917 гг. на Урале не было организованной в союзы учащейся молодёжи, если не считать «группу молодых революционеров» в Екатеринбургe, распавшуюся в 1915 г. [63].

В конце 1915 – начале 1917 г. ситуация на Урале, как и по всей России, крайне обострилась. Снежные заносы задерживали продвижение поездов. Заводы не получали топлива и сырья. Не хватало хлеба. Начались хлебные бунты.

Таким образом, в период с 1907 по 1917 г. на Урале происходило снижение революционной активности учащейся молодёжи во всех видах учебных заведений. Почти полностью прекращаются выступления учениц женской средней школы, что, на наш взгляд, объясняется двумя причинами: во-первых, проведением активной социальной политики в школах; во-вторых, снижением политической активности партий и движений.

Причиной, приведшей представительниц женской средней школы Урала к активным революционным действиям

в ходе первой русской революцией и в период между двумя буржуазно-демократическими революциями, стало несоответствие уровня развития женских средних учебных заведений тем требованиям, которые общество предъявляло школе: страну не устраивало качество школ и качество образования и воспитания учениц. Общественность сопротивлялась некоторым требованиям, которые трудно было объяснить нормами педагогики: обязательное ношение формы, внешкольный надзор, цензура спектаклей, фильмов, книг и т.п. Общественность волновали и чрезмерные попытки влияния политических партий на школу.

Это нашло отражение в использовании основных форм борьбы: кружковая работа, деятельность нелегальных библиотек, выпуск революционных молодёжных газет и журналов, выдвижении петиций, участие в демонстрациях, забастовках и т.п.

Ещё одной особенностью этого периода революции на Урале было то, что многие ученические кружки стали объединяться в единые городские или уральские молодёжные организации разной политической окраски.

Требования уральской молодёжи были достаточно радикальными: уничтожение полицейского режима, ликвидация института классных дам и замена их классными наставниками из педагогов, отмена внеклассного надзора, уничтожение шпионства во всяком его проявлении. Гимназистки требовали свободы слова: право каждой ученицы свободно высказываться в классах, на общих собраниях, требовали свободы сходок и союзов без присутствия начальства: распространение кружков самообразования,

создания касс взаимопомощи. Было и требование отменить обязательное посещение богослужений, предлагали изучать закон Божий по желанию, и притом с философской точки зрения.

На использование тех или иных форм борьбы не мог не влиять состав участниц революционной борьбы: теперь это были курсистки, гимназистки, учительницы, акушерки, фельдшерицы и т.п.

Несмотря на кажущуюся активность учениц женских средних учебных заведений в революционных событиях, их выступления на всех этапах революции был крайне незначительным, их протесты носили внутренний, школьный, и в подавляющем большинстве случаев, не политический характер.

К началу 1917 г. политический кризис самодержавия в России достиг своего апогея, и новая революция в России вновь встала на повестку дня. Хозяйственная разруха, жестокий продовольственный кризис, поражения армии на фронтах, слабость царской фамилии, казнокрадство, рост революционной борьбы, расцвет националистических, сепаратистских тенденций на окраинах России – всё это обострило противоречия в стране и ускорило наступление революции.

Сложившаяся в России политическая ситуация в феврале 1917 г. завершилась революцией, о которой на Урале стало известно в промежуток между 28 февраля и 3 марта 1917 г.

Первую русскую национальную школу на Урале - женскую среднюю общеобразовательную школу - ждали новые испытания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России и на Урале в конце 50-х гг. XIX в. начала создаваться и развиваться новая русская национальная школа – женская средняя общеобразовательная школа, в состав которой входили женские гимназии и прогимназии, епархиальные женские училища, Оренбургский институт императора Николая I. Они создавались и принадлежали трём ведомствам: Министерству народного просвещения, Святейшему Синоду Русской Православной Церкви, ведомству учреждений императрицы Марии

Женская средняя школа на Урале в XIX и начале XX в. создавалась и развивалась как русская национальная школа, которую характеризовали следующие черты:

– во-первых, по учебным предметам и языку обучения уральская женская средняя школа была русской национальной и общеобразовательной. Её историческое развитие проходило в борьбе двух тенденций. Первую характеризовали те предметы и уроки, которые вбирали в себя черты русской национальной духовности и культуры. Это такие предметы, как закон Божий, русский и славянский языки, русская история, русская литература, русская география, церковное пение. Вторую тенденцию отражали предметы и уроки, которые в большей мере связывали её с европейской и мировой культурой, давали этой школе качество общеобразовательной школы. Это такие предметы, как

иностранные языки, физика, химия, всеобщая история и география и т.п. И, наконец, русский язык, на котором велось обучение, объединял обе тенденции в обучении и воспитании, превращая уральскую женскую среднюю школу в русскую национальную школу;

- во-вторых, по вероисповедальному составу учителей и учениц этой школы она была православной с элементами многоконфессиональности и многонациональности;

- в-третьих, по сословному составу учениц уральская женская средняя школа развивалась как демократическая школа. Её развитие шло в постоянной борьбе двух основных тенденций, которые отражали уход с исторической арены одного класса и приход другого: дворянство уступало место городским сословиям, буржуазии. Одновременно, мы должны помнить, что представители господствующего класса, руководившие созданием и развитием новой школы России в XIX в. открывали их в первую очередь для своих детей и внуков, а потом уже для остальных, демократических слоёв. Они собирались давать образование здесь, в России, а не за границей.

Кроме того, женская средняя школа на Урале, как и в России, в своём развитии прошла два этапа. Первый этап – этап училищ и прогимназий. Он длился почти 40 лет. Второй этап – этап преобразований училищ и прогимназий в гимназии. Он длился менее 20 лет.

В создании женской средней общеобразовательной, православной, многоконфессиональной, демократической школы ведущую роль сыграли местные органы самоуправ-

ления – это городские Думы и управы, губернские и уездные земства.

Городские Думы, управы и земства приняли на себя финансирование целого ряда программ: подготовка учительских кадров, строительство учебных корпусов, общежитий, пансионатов, выделение стипендий (для обучения в средней и высшей школе), бесплатный отвод земли под строительство школ, храмов, общежитий и т.п.

Общие усилия всех сословий, школьной администрации, государства и местных органов власти привели к созданию педагогического поля и на Урале, и в России. На Урале количество женских гимназий выросло с 14 в 1865 г. до 70 в 1915 г.. Численность учениц с тысячи человек поднялась до 30 тысяч.

Отметим, что новую русскую национальную школу Урала – женскую среднюю школу – характеризовал и рост образовательного ценза: в школах уменьшалось число учителей с низшим и домашним, и росло число тех, кто закончил педагогические классы женских гимназий и институтов, высшие женские курсы. В школу шли те, кто окончил профессиональные средние и высшие педагогические учебные заведения. Была создана русская национальная педагогическая интеллигенция, ставшей частью российской интеллигенции.

К началу XX в. уральская женская средняя школа – работавшая как русская национальная школа – обладала ещё одним ярким преимуществом: здесь проводилась целенаправленная социальная политика, которая включала в себя такие элементы как не высокая плата за обучение,

освобождение от платы (почти 20% учениц пользовались этой льготой), стипендиальная политика школьных и местных органов власти, система благотворительности, деятельность обществ вспомоществования, эффективная работа попечительских советов.

Именно благодаря продуманной школьной социальной политике в отношении первой русской национальной школы на Урале – женской средней общеобразовательной школы – в годы нестабильности, революционного подъёма и революций ученицы этой школы, на протяжении всего периода становления и развития (с 50-х гг. XIX в. и до 1917 г. оказались вне активной школьной и политической, анти-правительственной политики всех партий и движений.

Первая русская национальная школа на Урале – женская средняя общеобразовательная школа – выполнила свою миссию: она обучала и воспитывала настоящих граждан России.

Главным для теории и практики в области образования и строительства гражданского общества современной России является опыт становления и развития доеволюционной уральской женской средней школы, который заключается:

во-первых, в том что успешное развитие системы образования возможно только в том случае, если основные рычаги управления школой будут сосредоточены в органах местного самоуправления;

во-вторых, в основе функционирования и развития современной школы будет продуманная социальная политика;

в-третьих, современная российская наука, педагогическая в том числе, должна разрабатывать основы национального обучения и воспитания прежде всего для основной, титульной, русской нации. При этом обязательно краеугольным камнем процесса воспитания русской нации должны быть догматы Русской Православной Церкви.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Рост числа учебных заведений всех типов и видов
и количество учащихся в них на Урале (1905–1914 гг.)**

Губерния	Год	Число учебных заведений	Число учащихся		
			Мужско-го пола	Женско-го пола	Обоего пола
Вятская губерния	1905	2 441	105 177	43 445	148 622
	1910	2 822	125 443	54 911	180 354
	1914	3 489	146 033	70 834	216 867
Пермская губерния	1905	1 313	73 320	34 057	107 377
	1910	2 644	124 541	61 172	185 713
	1914	3 351	148 871	81 715	230 586
Уфимская губерния	1905	1 201	48 168	18 232	66 400
	1910	1 530	63 379	26 503	898 82
	1914	2 010	82 235	40 077	122 312
Оренбургская губ.	1905	1 661	70 311	29 820	100 131
	1910	1 868	87 404	36 101	123 505
	1914	-	-	-	-
Урал	1905	6 616	296 976	125 554	422 530
	1910	8 864	400 767	178 687	579 454
(без Оренб. губ.)	1914	8 850	377 139	192 626	569 765

Составлено по: Обзор Пермской губернии за 1905 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Пермского губернатора за 1905 год. Ведомость № 27; Обзор Пермской губернии за 1910 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Пермского губерна-

тора за 1910 год. Ведомость № 24; Обзор Пермской губернии за 1914 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Пермского губернатора за 1914 год. Ведомость № 24; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1905 год. Ведомость № 15; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 год. Ведомость № 13.; Обзор Вятской губернии за 1905 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту. Вятка. 1905. Ведомость № 10; Обзор Вятской губернии за 1910 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту. Вятка. 1911. Ведомость № 10; Обзор Вятской губернии за 1914 год. Вятка. 1915. Ведомость № 10; Обзор Уфимской губернии за 1905 год. Ведомость № 22; Обзор Уфимской губернии за 1910 год. Уфа. 1912. Ведомость № 12; Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа. 1916. Ведомость № 37.

**Численность женских средних учебных заведений
и учащихся на Урале (1865–1915 гг.)**

Год и тип учебного заведения	Оренбургская губерния		Урал	
	Кол-во школ	Кол-во учениц	Кол-во школ	Кол-во учениц
1	2	3	4	5
1865 г.				
Гимназии	-	-	4	445
Прогимназии	3	211	8	461
Епарх. училища	-	-	1	58
Институт	1	-	1	100
1875 г.				
Гимназии	1	225	5	1 456
Прогимназии	3	400	15	2 227
Епарх. училища	-	-	2	496
Институт	1	-	1	-
1885 г.				
Гимназии	1	282	6	2 190
Прогимназии	3	424	19	2 990
Епарх. училища	-	-	2	674
Институт	1	94	1	94
1895 г.				
Гимназии	1	323	6	3 753
Прогимназии	3	507	20	3 396
Епарх. Училища	1	-	3	728
Институт	1	-	1	-
1905 г.				
Гимназии	2	993	25	10 664
Прогимназии	2	618	13	2 966

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
Епарх. Училища	1	334	6	1 975
Институт	1	226	1	226
1915 г.				
Гимназии	6	3 132	52	24 821
Прогимназии	3	527	6	971
Епарх. училища	2	301	7	-
Институт	1	-	1	-

Составлено по:

Обзор деятельности Министерства народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862,63,64 годах. С приложением. – СПб., 1865.

Белавин К. К истории просвещения Оренбургского края. Женские гимназии и прогимназии. В 1875–1899 гг. / К. Белавин. – Оренбург, 1903.

Обзор Оренбургской губернии за 1885 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Оренбургского губернатора. Ведомость № 8.

Статистический обзор Оренбургской губернии за 1905 год. Ведомость № 15.

Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1916 г. – Б.М., 1916. – С. 9–172, 204–205.

Приложение 3

**Число освобождённых от платы за право учения
и стоимость содержания 1-й ученицы в Пермской
Мариинской женской гимназии (1861–1910 гг.)**

Год	Всего уч-ц	Число освобожден. от платы	На сумму (руб.)	Сбор за право учения со всех уче- ниц	Стоимость содержания 1-й уч-цы в год
1	2	3	4	5	6
1861	57	-	330	1 799	-
1862	120	-	405	1 097	-
1863	80	25	375	1 114	-
1864	79	19	285	948	-
1865	63	20	300	962	-
1866	65	-	315	1 052	-
1867	75	18	270	899	-
1868	67	29	435	957	-
1870	115	46	690	1 577	-
1871	152	56	840	2 555	-
1872	180	56	840	3 000	-
1873	201	64	960	3 217	-
1874	257	73	1 059	4 012	-
1875	295	69	1 035	4 490	-
1876	335	112	1 680	4 005	-
1877	366	88	1 320	5 002	-
1978	371	85	1 320	4 727	-
1979	375	103	1 275	4 854	-
1880	419	120	1 545	6 516	-

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
1881	482	106	1 800	8 448	-
1883	447	129	2 415	8 489	-
1884	416	102	1 945	7 547	-
1885	372	-	1 530	7 102	-
1886	374	90	2 221	7 111	56-26
1887	368	90	2 224	7 318	64-26
1888	379	90	2 249	7 384	52-38
1889	373	78	1 973	7 411	56-70
1890	421	109	1 968	7 899	55-82
1891	416	77	1 755	8 358	48-44
1892	443	69	1 592	8 363	48-69
1893	522	102	1 994	10 337	47-50
1894	558	106	1 735	11 174	41-40
1895	600	115	2 107	11 315	44-02
1896	625	107	2 292	12 462	45-04
1897	613	135	3 831	15 322	32-09
1898	671	143	4 000	15 312	41-16
1899	761	181	4 485	15 793	38-12
1900	786	133	5 228	17 724	42-63
1901	790	130	5 458	18 015	39-83
1902	784	175	5 453	17 640	44-53
1903	816	148	5 010	21 874	37-18
1904	774	157	4 999	19 241	36-99
1905	851	144	4 779	18 956	38-44
1906	977	155	4 809	23 632	37-09

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6
1907	1013	159	3 983	29 672	42-06
1908	982	113	3 783	35 208	44-07
1909	900	227	3 999	33 648	60-41
1910	950	219	4 000	34 472	58-33
1861- 1910	22 700	5 070	110 570	508 729	-

Составлено по: Мариинская женская гимназия в Перми.
К пятидесятилетию юбилею. – Пермь, 1913. – С. 106-107.

Приложение 4

Цены на продукты и рабочую силу в Пермской губернии
(1877, 1887, 1896, 1911, 1915 гг.)

Год Наименование товара	Цена		
	Высшая	Низшая	Средняя
1	2	3	4
1877 г.			
Мука ржаная, куль 9-ть пудов	10 р. 35 к.	9 р.	9 р. 60 к.
Мясо, 1 сорт, пуд	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.	2 р. 40 к.
Мясо, 2 сорт, пуд	2 р. 40 к.	2 р. 40 к.	2 р. 40 к.
Мясо, 3 сорт, пуд	1 р. 80 к.	1 р. 60 к.	1 р. 60 к.
Падённая плата человеку	60 к.	60 к.	60 к.
Падённая плата человеку с лошадыю	1 р. 40 к.	1 р. 40 к.	1 р. 40 к.
1887 г.			
Мука ржаная, 9-ть пудов	5 р. 85 к.	5 р. 85 к.	5 р. 65 к.
Мясо, 1 сорт, пуд	3 р. 80 к.	3 р. 60 к.	3 р. 60 к.
Мясо, 2 сорт, пуд	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.
Мясо 3 сорт, пуд	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.	2 р. 80 к.
Падённая плата человеку с лошадыю	1 р. 80 к.	1 р. 40 к.	1 р. 40 к.
1896 г.			
Мука ржаная, один пуд	72 к.	36 к.	
Мясо говяжье, 1 сорт, пуд	3 р. 20 к.	2 р. 80 к.	
Мясо говяжье, 2 сорт, пуд	2 р. 80 к.	2 р. 40 к.	
Мясо, баранина, пуд	2 р. 80 к.	2 р. 40 к.	
Мясо, свинина, пуд	2 р. 40 к.	1 р. 80 к.	
Масло подсолнечное, пуд	6 р.	5 р. 25 к.	
Яйцо, 100 шт.	1 р. 30 к.	1 р. 20 к.	
Вино хлебное, (40 %) ведро	8 р.		
Вино хлебное, (40 %) ¼ ведра	2 р.		
Падённая плата человеку с лошадыю	2 р.	1 р. 50 к.	

Окончание таблицы

1	2	3	4
1911 г.			
Мука ржаная, пуд	1 р. 7 к.	86 к.	
Мясо, 1 сорт, пуд	4 р. 41 к.	3 р. 25 к.	
Сахар, 1 сорт, пуд	6 р. 45 к.	5 р. 91 к.	
1915 г.			
Мука ржаная, пуд	1 р. 22 к.	95 к.	
Мясо, 1 сорт, пуд	5 р. 97 к.	4 р. 93 к.	
Сахар, 1 сорт, пуд	8 р. 11 к.	7 р. 32 к.	

Составлено по: ГАПО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23, ЛЛ. 8, 51, 294; Д. 108. Л. 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аграев, Г.В. Родители. Учителя. Ученики. Жизнь средней школы за последние годы / Г.В. Аграев. – СПб., 1908.
2. Алфеев, И. Исторический очерк Уфимского епархиального женского училища. 1862–1912 / И. Алфеев. – Уфа, 1913.
3. Аминов, Т.М. Мусульманское педагогическое образование в дореволюционной Башкирии / Т.М. Аминов, Л.Я. Аминова // Педагогика. – 2002. – № 1.
4. Атангулов, У.Ш. О национальной школе / У.Ш. Атангулов // Педагогика – 2011. – № 3. – С. 102 – 105.
5. Айхенвельд, Ю.И. Памяти Ушинского // Отдельные страницы. Сборник педагогических, философских и литературных статей: в 2 т. / Ю.И. Айхенвельд. – М., 1910. – Т. 1. – С. 113.
6. Бабин, В.Г. Проблемы национальной школы в Государственной Думе I–IV созывов: дис. ... канд. ист. наук / В.Г. Бабин. – СПб., 1992.
7. Белавин, К. К истории просвещения в Оренбургском крае. Женские гимназии и прогимназии в 1875–1899 гг. / К. Белавин. – Оренбург, 1903.
8. Беленчук, Л.Н. Концепция национального воспитания на рубеже XIX–XX вв. / Л.Н. Беленчук // Педагогика. – 1998. – № 5.

9. Белова, А.В. Женское институтское образование в России / А.В. Белова // Педагогика. – 2002. – № 9. – С. 74–77.
10. Белозерцев, Е.П. О национально-государственном образовании в России / Е.П. Белозерцев // Педагогика. – 1998. – № 3.
11. Белюстин, И. Об училищах для девиц в уездных городах / И. Белюстин. – М., 1859.
12. Блонский, П.П. О национальном воспитании / П.П. Блонский. – М., 1915. – С. 15–17, 19–20.
13. Бугаева, С.Я. Образовательный уровень уральской интеллигенции в конце XIX – начале XX в. / С.Я. Бугаева // Народное образование на Урале в XVIII – в начале XIX в. – Свердловск, 1990.
14. Буня, М. Глазовские находки. Записки краеведа / М. Буня. – Ижевск, 1971. – С. 35–37.
15. Веселов, М.О. Учебные планы начальной и средней школы (сравнительный анализ) / М.О. Веселов. – М., 1939.
16. Вендровская, Р.Б. В.Н. Сорока-Росинский: проблемы русской национальной школы / Р.Б. Вендровская // Педагогика. – 1996. – № 3.
17. Водовозова, Е.Н. К свету (из жизни людей 60-х годов) / Е.Н. Водовозова // Голос минувшего. – 1916. – № 4. – С. 5.
18. Вопрос о положении наших частных учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1867.

19. Герц, С. Разгром средней школы и необходимость в ней коренных реформ / С. Герц. – М. 1906.
20. Григорьев, П. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910 гг. / П. Григорьев. – Уфа, 1910.
21. Гришина, З.В. Женские организации в России (1905 – февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук / З.В. Гришина. – М., 1977.
22. Данилюк, А.Я. Понятие и понимание русской национальной школы / А.Я. Данилюк // Педагогика. – 1997. – № 1.
23. Демидовская, А.Ф. Женское образование во Франции в XVIII веке.: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.Ф. Демидовская. – Архангельск, 2009.
24. Днепров, Э. Женское образование в пореформенной России / Э. Днепров. – М., 1980.
25. Зотова, Л.В. Женское образование в Вятской губернии во 2 пол. XIX–начале XX в. / Л.В. Зотова. – Киров, 2003.
26. Знаменский, С. Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 годов и их значение. Общий очерк и материалы / С. Знаменский. – СПб., 1909.
27. Интеллигенция и революция. XX век. – М., 1985.
28. Историческое описание Татъянинской женской гимназии Вятской губернии. – Вятка, 1911.
29. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии. 1860–1910. – Пермь, 1910.

30. Исторический очерк развития народного образования в Чердынском уезде в период 1870–1910 гг. деятельности Чердынского уездного земства. – Пермь, 1915. – Ч. 1–2.
31. История Урала в период капитализма. – М., 1990.
32. Калугина, Г.В. Народное образование в конце XIX – начале XX в. / Г.В. Калугина. – Свердловск, 1979.
33. Капцугович, И.С. История политической гибели эсеров на Урале / И.С. Капцугович. – Пермь, 1975.
34. Климаков, С.А. Развитие профессионального образования на Урале в 60-е гг. XIX – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук / С.А. Климаков. – Челябинск, 2001.
35. Ключевский, В.О. Материалы разных лет / В.О. Ключевский. – М., 1990.
36. Кондратьева, М.А. Отечественная гимназия: исторический опыт и современные проблемы / М.А. Кондратьева // Педагогика. – 1994. – № 1.
37. Конев, Л.М. К истории Оренбургской частной женской гимназии М.Д. Комаровой-Калмыковой / Л.М. Конев // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Материалы научной конференции. – Челябинск, 1993.
38. Конев, Л.М. К истории становления и развития многонациональной школы на Урале в XIX–XX вв. / Л.М. Конев // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Тезисы докладов. Ч. II. – Челябинск, 1995.
39. Конев, Л.М. Становление и развитие женской средней общеобразовательной школы на Урале (1861 – февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук / Л.М. Конев. – Оренбург, 1995.

40. Кошелева, О.Е. У истоков женского образования в России / О.Е. Кошелева // Педагогика. – 1993. – № 2. – С. 88–91.

41. Краткий исторический очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному образованию 1870–1890. – Екатеринбург, 1890.

42. Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет её существования (с 1859 по 1909 год). – Вятка, 1910. – С. 51–52.

43. Куклин, Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862–1902 гг.) / Г.А. Куклин. // Сборник программ, программных статей, русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения. – Женева, 1908.

44. Лапчинская, В.П. Возникновение женских гимназий в России и история первых лет их деятельности (Петербург, 1858–1868): дис. ... канд. пед. наук / В.П. Лапчинская. – М., 1959.

45. Лейкина-Свирская, В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В.Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971.

46. Ленин, В.И. К вопросу о политике Министерства народного просвещения / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1985. – Т. 23. – С. 130.

47. Ленин, В.И. Антимилитаристская пропаганда и союзы социалистической молодёжи / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1985. – Т. 16. – С. 114.

48. Лупшов, П.Н. Политическая ссылка в Вятский край / П.Н. Лупшов. – М., 1933.

49. Львов, К.М. Женское образование в СССР в прошлом и настоящем. В связи с проблемой совместного и раздельного обучения девочек народов СССР: дис. ... докт. пед. наук / К.М. Львов. – М., 1946.

50. Медынский, Е.Н. История педагогики в связи с экономическим развитием общества / Е.Н. Медынский. – М., 1926.

51. Милюков, П.Н. Очерк истории русской культуры / П.Н. Милюков. – М., 1993–1994.

52. Минович, Н. Из истории женского образования в России. XVIII и XIX вв. / Н. Минович // Русская мысль. – 1900. – Кн. IX.

53. Михайлова, М.В. Передовые школы нового типа, созданные общественной и частной инициативой в России в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / М.В. Михайлова. – М., 1977.

54. Миронов, Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX и XX вв. / Б.Н. Миронов // Отечественная история. – 1994. – № 4.

55. Образцова, О.А. Социал-демократическая пропаганда в средних учебных заведениях России в 1895–1904 гг. / О.А. Образцова // Вопросы истории КПСС. – 1987. – № 10. – С. 117.

56. Овцин, В. Развитие женского образования в России и его задачи / В. Овцин. – СПб., 1883.

57. Острогорский, В.П. Двадцатипятилетие женских гимназий. Историческая записка / В.П. Острогорский // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Т. II, кн. IV, апрель. – СПб., 1883.

58. Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. – М., 1976. – С. 148.

59. Павлюченко, Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской и до Веры Фигнер / Э.А. Павлюченко. – М., 1988. – С. 56–57.

60. Паначин, Ф.Г. Педагогическое образование в России. Историко-педагогические очерки / Ф.Г. Паначин. – М., 1979. – С. 98

61. Победоносцев, К.П. Московский сборник / К.П. Победоносцев. – М., 1896. – С. 72.

62. Плеханов, Г.В. Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям) / Г.В. Плеханов. – Л., 1989. – С. 168.

63. Просветов, К. Уральский комсомол в борьбе за Октябрь / К. Просветов. – Свердловск, 1928. – С. 20–21.

64. Пуришкевич, В. Школьная подготовка второй русской революции. Издание Русского Народного Союза имени Михаила Архангела / В. Пуришкевич. – СПб., 1913. – С. 9.

65. Пятидесятилетие Екатеринбургской женской гимназии. 1860–1910. – Екатеринбург, 1912.

66. Розанов, В.В. Сумерки просвещения / В.В. Розанов. – М., 1991. – С. 235, 236.

67. Розанов, В.В. Религия. Философия. Культура. / В.В. Розанов. – М., 1992.

68. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / С.В. Рождественский. – СПб., 1902.

69. Рушанин, В.Я. Революционно-демократическое движение уральской молодёжи в 1861–1904 гг. / В.Я. Рушанин. – Челябинск, 1992.

70. Рушанин, В.Я. Из истории среднего образования на Урале (1861–1917 годы) / В.Я. Рушанин, Л.М. Колев, В.В. Чуприн. – Магнитогорск, 1994.

71. Рушанин, В.Я. Революционно-демократическое движение уральской молодёжи (1861–1917 гг.): дис. ... доктора ист. наук / В.Я. Рушанин. – Челябинск, 1994. – С. 372.

72. Рушанина, Н.П. Деятельность большевиков Урала по вовлечению женщин в революционную борьбу на буржуазно-демократическом этапе революции в России (1903– февраль 1917 г.): дис. ... канд. ист. наук / Н.П. Рушанина. – Челябинск, 1990.

73. Семаков, С. Из революционного прошлого молодёжи Вятской губернии (1905–1908 гг.) / С. Семаков. – Вятка, 1926.

74. Семченко, В.К. Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за 25 лет её существования (с 1861 по 1886 год) / В.К. Семченко. – Пермь, 1886.

75. Синицын, Н.А. Краткий исторический очерк развития народного образования в Камышловском уезде с введения земства и до последних дней / Н.А. Синицын. – СПб., 1900. – С. 7–9.

76. Слепенкова, Е.А. Из истории женского среднего образования в России / Е.А. Слепенкова // Педагогика. – 2000. – № 9. – С. 74–78.

77. Стрельцов, А.А. Гимназическое образование: прошлое и настоящее / А.А. Стрельцов // Педагогика. - 2007. - № 7.

78. Сучков, И.В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX веков / И.В. Сучков // Отечественная история. - 1995. - № 1.

79. Сорока-Росинский, В.Н. Пед соч. / В.Н. Сорока-Росинский. - М., 1991.

80. Тарасов, И. Образование женщин и женский труд / И. Тарасов. - М., 1903.

81. Тишкин, Г.А. Женский вопрос в России. 50–60-е годы XIX в. / Г.А. Тишкин. - Л., 1980.

82. Тишкин, Г.А. Революционно-демократическая традиция и русская культура / Г.А. Тишкин. - Л., 1987.

83. Ткаченко, П.С. Учащаяся молодёжь в революционном движении 60–70-х годов XIX в. / П.С. Ткаченко. - М., 1978.

84. Толстой, Л.Н. Педагогические сочинения / Л.Н. Толстой. - М.: Учпедгиз, 1953.

85. Троицкий, В.Ю. Национальные духовные традиции и будущее русского образования / В.Ю. Троицкий // Педагогика. - 1998. - № 2. - С. 3–7.

86. Троцкий, Л. Сталин / Л. Троцкий. - М., 1990. - Т. I.

87. Удинцев, С.А. Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии / С.А. Удинцев. - Ирбит, 1892. - С. 108–110.

88. Усачёва, Р.Ф. Формирование системы женского среднего образования в России (60-е годы XVIII – 60-е годы

XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р.Ф. Усачёва. – Ростов – н/Д, 1973.

89. Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. – Спб., 1906. – С. 56

90. Ушаков, А.В. Демократическая интеллигенция периода трёх революций в России / А.В. Ушаков. – М., 1985.

91. Ушинский, К.Д. Пед. соч.: в 6 т. / К.Д. Ушинский. – М., 1988.

92. Фармаковский, С. Надо действовать / С. Фармаковский // Уральское горное обозрение. – 1906. – № 1. – 23 января.

93. Фаттахов, М.Н. Народное образование на Южном Урале во второй половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук / М.Н. Фаттахов. – Уфа, 1987.

94. Филиппов, Б.А. Образование и социальный порядок (взгляд на дискуссии XIX века) / Б.А. Филиппов // Педагогика. – 1995. – № 1. – С. 107-108.

95. Филиппова, Л.Д. Из истории женского образования России / Л.Д. Филиппова // Вопросы истории. – 1863. – № 2.

96. Фильштинский, А. О еврейской народной школе / А. Фильштинский // Вестник воспитания. – 1915. – № 7.

97. Христофорова, Н.В. Женские гимназии в России / Н.В. Христофорова // Педагогика. – 1999. – № 5. – С. 80-86.

98. Царевский, А.А. Значение русской словесности в национальном русском образовании / А.А. Царевский. – Казань, 1893. – С. 29.

99. Чаадаев, П.Я. Сочинения / П.Я. Чаадаев. – М., 1989.

100. Чеков, М.В. Зарождение и функционирование системы частных и общественных учебных заведений Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв (По материалам Казанского учебного округа): автореф. дис. ... канд. ист. наук / М.О. Чеков. – Самара, 1994. – С. 16.

101. Чехов, Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии / Н.В. Чехов. – М., 1923.

102. Чуприн, В.В. Земство и развитие среднего образования на Урале (60-е гг. XIX в. – 1917 год): дис. ... канд. ист. наук / В.В. Чуприн. – Оренбург, 2000.

103. Шамахов, Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями. 1907–1917 гг. / Ф.Ф. Шамахов. – Томск, 1966. – С. 89.

104. Шумигорский, Е. Императрица Мария Фёдоровна в истории русской женщины. 1796–1896 / Е. Шумигорский // Вестник благотворительности. – 1897. – № 1.

105. Эфиоров, А.Ф. Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири. Исторические очерки / А.Ф. Эфиоров. – М., 1948.

106. Экономическая оценка народного образования. Очерки. – СПб., 1890.

107. Юзефович, Б.М. Школьная подготовка второй русской революции / Б.М. Юзефович. – СПб., 1913. – С. 8–9.

108. Ярош, К. Современные задачи нравственного воспитания / К. Ярош. – Харьков, 1893. – С. 37.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

109. Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1905 г. – СПб., 1907. – С. 124–127.

110. Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1908 г. – СПб., 1910. – С. 125– 129, 132–133.

111. Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г. – Пг., 1915. – С. 126–129.

112. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедения за 1910 г. – СПб., 1913. – С. 290.

113. Всеподданнейший отчёт Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедения за 1914. – Пг., 1916. – С. 240.

114. Годовой отчёт по Троицкому женскому училищу за 1865–1866 учебный год // Оренбургские губернские ведомости – 1867. – № 12.

115. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения. Сборник документов. – 1858–1905. – СПб., 1905.

116. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1871 г. – СПб., 1873. – С. 109.

117. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1875 г. – СПб., 1877.

118. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1884 г. – СПб., 1887. – С. 120.

119. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1885 г. – СПб., 1890. – С. 125.

120. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1886 г. – СПб., 1891. – С. 164.

121. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1890 г. – СПб., 1894.

122. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1894 г. – СПб., 1898. – С. 214.

123. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта Обер-прокурора Святейшего Синода. 1875–1910 гг. – СПб., 1878–1915.

124. Кузьменко, А. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870–1912 гг.: в 3-х ч. / А. Кузьменко. – М., 1912.

125. Лаурсон, А.М. Частные учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Сборник действующих законоположений и распоряжений о частных учебных заведениях и домашнем обучении / А.М. Лаурсон. – СПб., 1912.

126. Лихачёва, Е.О. Материалы для истории женского образования в России. / Е.О. Лихачёва. – СПб., 1899–1901. – Т. I–IV.

127. Обзор деятельности Министра народного просвещения и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах. – СПб., 1865.

128. Обзор Оренбургской губернии за 1880–1915 гг. – Оренбург, 1881–1916.

129. Обзор развития народного образования в Оханском уезде Пермской губернии за последнее двадцатилетие и настоящее состояние его. – Казань, 1890.

130. Обзор Уфимской губернии за 1878–1912 гг. – Уфа, 1879–1913.

131. Обзор Уфимской губернии за 1894 год. – Уфа, 1895. – С. 76.

132. Обзор учебного дела в институтах и гимназиях ведомства учреждений императрицы Марии по данным 1912 года. – Пг., 1915.

133. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года. – СПб, 1905.

134. Отчёт Совета общества для доставления квартир ученицам Пермской женской гимназии за первые три года существования общества (1884/5, 1885/6, 1886/7). – Пермь, 1887. – 34 с.

135. Отчёт о состоянии Екатеринбургского женского училища 1-го разряда за 1868–1869 учебный год. – Екатеринбург, 1870..

136. Отчёт попечителя Казанского учебного округа Д. Шестакова, представленный в ноябре 1865 года. – СПб., 1866.

137. Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1910 год. – Уфа, 1910.

138. Письма Победоносцева к Александру III: в 2 т. – М., 1926. – Т. 2. – С. 39.

139. Полный сборник платформ всех русских политических партий. – СПб., 1906.

140. Приложение ко всеподданейшему отчёту Вятского губернатора за 1872–1911 гг. – Вятка, 1873–1912 гг.

141. Приложение ко всеподданейшему отчёту. Обзор Пермской губернии за 1890–1915 гг. – Пермь, 1891–1916 гг.

142. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель–сентябрь: Документы и материалы. – М., 1957. – Ч.1. – С. 59.

143. Сборник документов и материалов о революционном движении 1905–1907 гг. в Башкирии. – Уфа, 1955. – С. 26.

144. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 35-летие (1867–1902 гг.). – Вятка, 1906. – Вып. 1.

145. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год (1892–1913). – Вятка, 1913. – Т.1

146. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865–1898 гг.– Т. IX –X.

147. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том четвёртый. Царствование императора Александра II. 1856–1870. – СПб., 1871.

148. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1901.

149. Систематический сборник постановлений Пермского губернского земского собрания за 1870–1879 гг. – Пермь, 1879. – Вып.1

150. Систематический свод постановлений Екатеринбургского уездного земского собрания. Вып. II. Народное образование. 1870–1902 гг. – Екатеринбург, 1904.

151. Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания. Вып. V. Народное образование. – Пермь, 1910. – Приложение 1.

152. Списки учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения за 1883–1916 гг. – СПб., 1884–1917.

153. Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1-му января 1916 г. – Пг., 1917.

154. Списки чиновников и преподавателей Казанского учебного округа, расположенные по 1) местам их службы, 2) по азбучному порядку на 7 декабря 1860 г. – Казань, 1860.

155. Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. – Вятка, 1880. – С. 460.

156. Третий съезд РСДРП. Апрель– май 1905 г. Протоколы. – М., 1959.

157. Устав епархиальных женских училищ с приложением. – СПб., 1905.

158. Устав женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии. – СПб., 1855..– С. 6–7, 78.

159. Устав Общества вспомоществования нуждающимся учащимся частной женской гимназии Л.В. Барбатенко // ПОКМ. НВ. 11685. – Пермь, 1916.

160. Устав Оренбургского девичьего училища. – СПб., 1848. – С. 3.

161. Учебные заведения всех ведомств и наименований, находящихся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 31 декабря 1894 года. – Оренбург, 1896.

162. Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. – СПб., 1906.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ: ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

163. Вестник воспитания. Педагогический журнал. – 1890–1917. – СПб., 1890–1917.
164. Вестник воспитания. – 1917. – № 3. – С. 49.
165. Невская звезда. – 1912. – 15 июля.
166. Новое время. – 1908. – 28 марта.
167. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1891. – 1 марта;
168. Оренбургские губернские ведомости. – 1867. – 18 марта, 25 марта.
169. Пермские губернские ведомости. – 1863–1916. – Пермь, 1863–1916.
170. Правый путь. – 1907. – 27 октября.
171. Пролетарий. – 1905. – 27 сентября.
172. Русская школа. Педагогический журнал. – 1900–1916. – СПб., 1900–1916.
173. Степь. – 1900. – 5 февраля.
174. Уральская жизнь. – 1908. – 13 марта.
175. Уральский археографический вестник за 1970 год. – Пермь, 1971. – С. 298.
176. Уфимские епархиальные ведомости. – 1910. – № 24; 1915. – № 4.
177. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1876. – № 11. – С. 92–94.

Приложение 5

Источники содержания женских гимназий и прогимназий МНП на Урале (1871-1916 гг.)

Год. Тип учебного заведения	Из государств. казначейства		Из сбора за учение	От города	От зем- ства	Пожертво- вания	Прочие	Всего
1	2		3	4	5	6	7	8
1871 г.								
Гимназии	-		-	-	-	-	-	-
Прогимназии	7 100	4,8%	34 745	46 530	29 628	17 038	12 360	147 401
Всего:	7 100		34 745	46 530	29 628	17 038	12 360	147 401
1875 г.								
Гимназии	4 400	6,6 %	20 212	7 868	21 700	9 814	-	63 995
Прогимназии	2 000	9,6 %	1 552	8 132	7 762	1 386	-	20 832
Всего:	6 400	7,5 %	21 764	16 000	29 462	11 200	-	84 827
1880 г.								
Гимназии	12 440	5,6 %	81 703	35 739	44 560	42 728	4 030	221 200
Прогимназии	25 000	7,4 %	12 239	78 394	83 407	48 524	8 333	337 655
Всего:	37 440		93 942	114 133	127 967	91 252	12 363	558 855
1885 г.								
Гимназии	7 140		48 421	15 435	43 701	18 827	19 210	152 734
Прогимназии	8 500		10 016	32 098	40 344	4 660	466	96 084
Всего:	15 640		58 437	47 538	84 045	23 487	19 676	248 818
1890 г.								
Гимназии	5 040		38 813	10 996	32 985	22 820	14 921	125 575

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
Прогимназии	3 960	8 742	26 386	17 969	2 588	17 876	77 521
Всего:	9 000	47 555	37 382	50 954	25 408	32 797	203 096
1895 г.							
Гимназии	4 880	51 931	10 500	34 147	37 017	59 180	197 655
Прогимназии	4 320	12 213	39 956	20 598	8 341	18 450	103 878
Всего:	9 200	63 544	50 456	54 745	45 358	77 630	301 533
Гимназии	15 680	113 729	26 897	88 204	15 560	67 167	327 237
Прогимназии	9 078	27 873	41 697	42 580	7 729	41 625	170 586
Всего:	24 758	141 602	68 594	130 784	23 289	108 792	497 823
1905 г.							
Гимназии	39 502	149 890	45 506	126 590	5 775	59 947	427 210
Прогимназии	7 939	32 333	23 215	39 086	3 478	18 970	125 021
Всего:	47 441	182 223	68 721	165 676	9 253	78 917	552 231
1910 г.							
Гимназии	69 256	476 246	125 673	29 484	-	862	967 021
Прогимназии	4 050	47 303	5 282	40 403	-	1 891	98 929
Всего:	73 906	523 549	130 955	335 387	-	2 753	1 065 950
1916 г.							
Гимназии	127 105	539 524	125 666	353 125	-	129 460	1 274 880
Прогимназии	1 250	8 391	1 000	10 171	-	-	20 812
Всего:	128 355	547 915	126 666	363 296	-	129 460	1 295 692

Составлено по: Конев Л.М. Становление и развитие женской средней общеобразовательной школы на Урале (1861 - февраль 1917 г.): дисс. ...канд. ист. наук / Л.М. Конев. - Челябинск, 1995.

Приложение 6

Основные источники содержания частных женских гимназий и прогимназий на Урале

Год. Тип учебного заведения	Пермская губерния			Уфимская губерния			Оренбургская губерния		
	Сбор за учение	От города	От зем- ства	Сбор за учение	От города	От зем- ства	Сбор за учение	От города	От земства
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1906 г.									
Гимназии	24 235	1 000	-	-	-	-	8 005	500	-
Прогимназии	8 271	300	599	3 615	-	1 000	-	-	-
Всего	32 596	1 300	500	3 615	-	1 000	8 005	500	-
Процент	91	3,6	1,3	77,3	-	21,3	82,3	5,1	-
1910 г.									
Гимназии	38 655	1 700	2 000	8 237	-	1 240	20 614	-	-
Прогимназии	12 534	700	1 100	2 240	-	-	11 146	2 000	-
Всего	51 183	2 400	3 100	10 477	-	1 240	31 760	2 000	-
Процент	89,4	4,2	5,4	85	-	10,1	82,2	5,1	-

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913 г.									
Гимназии	53 657	3 200	5 900	19 051	692	600	32 070	1 500	-
Прогимназии	9 936	800	1 600	-	-	-	-	-	-
Всего	63 593	4 000	7 500	19 051	692	600	32 070	1 500	-
Процент	84,5	5,3	9,9	89,6	3,2	2,8	92,1	4,4	-
1916 г.									
Гимназии	59 435	3 400	7 200	-	-	-	55 635	1 500	-
Прогимназии	9 362	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	68 797	3 400	7 200	-	-	-	55 635	1 500	-
Процент	79,4	3,9	8,3	-	-	-	97,3	2,6	-

Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 4. Д. 2200. Л. 26; Оп. 205. Д. 2204. Л. 72-75; Д. 2207. ЛЛ. 61-64; Д. 2209. ЛЛ. 36-43; Д. 2210. ЛЛ. 37-42.

Источники содержания Пермской Мариинской женской гимназии (1860–1916 гг.)

Год	Из казначейства	Из сбора за учение	От гор. Думы	От земства	Пожертвования	Всего
1	2	3	4	5	6	7
1860	-	-	-	-	5 010	5 010
1861	-	1 799	277	-	600	2 674
1862	-	1 097	281	-	700	2 078
1863	-	1 114	328	-	1 025	2 477
1864	-	948	850	-	2 854	4 652
1865	-	962	1 128	-	2 106	4 196
1866	-	1 052	642	-	2 456	4 150
1867	-	899	675	-	4 767	6 341
1868	-	957	544	-	2 564	4 065
1869	-	1 332	527	-	2 713	4 572
1860–1869	-	10 158	5 252	-	24 795	40 215
%	-	25,2	13	-	61,6	-
1870	585	1 577	697	893	2 208	5 960
1871	500	2 355	756	3 000	668	7 279
1872	1 000	3 000	654	3 000	1 799	9 453
1873	1 500	3 217	1 000	3 000	1 054	9 771
1874	1 500	4 012	1 000	6 000	1 372	13 839

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
1875	-	4 490	1 000	4 500	1 362	11 352
1876	2 500	4 005	1 500	7 700	1 245	17 050
1877	1 400	5 002	1 500	7 600	1 127	16 629
1878	1 400	4 727	1 500	8 550	1 056	17 233
1879	1 400	4 854	1 500	8 250	1 029	17 033
1870-1879	11 885	37 239	11 107	52 493	12 920	125 599
%	9,4	29,6	8,8	41,7	10,2	-
1880	1 200	6 516	2 000	8 800	900	19 416
1881	1 200	8 448	2 000	8 850	566	21 064
1882	1 000	7 576	2 000	8 550	1 666	20 792
1883	1 000	8 489	2 000	8 250	1 079	20 878
1884	1 000	7 547	1 150	9 150	1 217	20 064
1885	900	7 102	2 935	8 300	370	19 607
1886	900	7 111	2 000	8 300	916	19 227
1887	900	7 318	2 000	8 300	617	19 135
1888	900	7 384	1 000	8 300	515	18 099
1889	900	7 411	2 000	8 300	1 019	19 630
1880-1889	9 900	74 902	19 145	85 100	8 865	197 912
%	5	37,8	9,6	42,9		
1890	900	7 899	2 000	8 300	4 508	23 607
1891	900	8 358	2 000	8 300	982	20 540
1892	900	8 363	2 000	8 300	834	20 397

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7
1893	900	10 337	2 000	8 300	836	22 373
1894	900	11 174	3 000	9 300	1 130	25 504
1895	900	11 315	3 000	9 300	501	25 016
1896	900	12 426	3 000	9 300	690	26 352
1897	900	15 332	3 000	9 300	544	29 066
1898	900	15 312	3 000	9 300	276	28 788
1899	900	15 799	3 000	9 300	157	2 915
1890–1899	9 000	116 335	26 000	89 000	10 458	250 793
%	3,5	46,3	10,3	35,4	4	
1900	1 200	17 724	3 000	9 300	200	31 424
1901	1 200	18 015	3 000	9 000	100	31 315
1902	1 200	17 640	4 000	9 200	100	32 140
1903	1 200	21 874	3 000	9 400	100	35 574
1904	1 200	19 241	3 000	9 000	100	32 541
1905	1 400	18 956	3 000	9 200	100	32 356
1906	1 100	26 632	3 000	9 000	100	39 832
1907	1 100	29 672	3 000	9 000	100	42 872
1908	1 500	35 208	3 000	9 000	100	48 808
1909	1 300	33 648	3 000	9 000	–	46 948
1900–1909	12 900	238 610	31 000	91100	1 000	373 810
%	2,7	63,8	8,2	24,3	0,2	
1910	1 300	34 472	3 000	9 000	–	47 772
1860–1910	44 085	508 729	95 446	326 693	58 042	1 032 995

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
%	4,2	49,2	9,2	31,6	5,6	
1913	4 000	42 450	3 000	9 000	-	54 450
1915	4 000	42 450	3 000	9 000	-	54 450
1916	4 000	49 883	3 900	9 900	-	67 683
%	5,9	73,7	5,7	14,6	-	

Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 2207. ЛЛ. 61-64; Д. 2209. ЛЛ. 36-48; Д. 2110. ЛЛ. 37-42; Маринская женская гимназия в Перми. К пятидесятилетию юбилею. - Пермь, 1913. - С. 73-79.

**Образовательный ценз учителей женских гимназий и прогимназий
Оренбургского учебного округа (1885–1900 гг.)**

Год	Тип учебного заведения	Всего		Служащие мужского пола, получившие			
		Учебных заведен.	Служащих	Высшее образование	Среднее образование	Низшее образование	Домашнее образование
1	2	3	4	5	6	7	8
1885 г.	Гимназии	4	117	39	15	3	2
	Прогимназии	10	119	8	23	8	2
	Всего:	14	236	47	38	11	4
1890 г.	Гимназии	4	130	39	21	2	1
	Прогимназии	10	138	12	31	4	2
	Всего:	14	268	51	52	6	3
1895 г.	Гимназии	4	126	41	13	3	–
	Прогимназии	11	142	18	29	9	–
	Всего:	15	268	59	42	12	–
1900 г.	Гимназии	5	180	58	16	6	–
	Прогимназии	15	198	26	45	3	1
	Всего:	20	378	84	61	9	1

Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1369. ЛЛ. 18. Ведомость № 3; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1379. Л. 6. Ведомость № 3; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1387. Б/Л. Ведомость № 3; РГИА Ф. 733. Оп. 203. Д. 1395. Л. 4. Ведомость № 3.

**Образовательный ценз учительниц женских гимназий и прогимназий
Оренбургского учебного округа (1885–1900 гг.)**

Год	Тип учебного заведения	Служащие женского пола, получившие				Все служащие
		Высшее образование	Среднее образование	Низшее образование	Домашнее образование	
1	2	3	4	5	6	7
1885 г.	Гимназии	-	45	3	10	58
	Прогимназии	-	65	5	10	80
	Всего:	-	110	8	20	138
1890 г.	Гимназии	-	51	3	12	66
	Прогимназии	-	43	34	8	85
	Всего:	-	94	37	20	151
1895 г.	Гимназии	-	56	5	8	69
	Прогимназии	1	70	5	6	82
	Всего:	1	126	10	14	151
1900 г.	Гимназии	4	82	5	9	100
	Прогимназии	4	104	9	6	123
	Всего:	8	186	14	15	223

Составлено по: РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1369. ЛЛ. 18. Ведомость № 3; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1379. Л. 6. Ведомость № 3; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1387. Б/Л. Ведомость № 3; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1395. Л. 4. Ведомость № 3.

Приложение 10

Изменение численности учениц женских гимназий и прогимназий Урала и России по вероисповедальному составу (1865–1917 гг.)

Год. Тип учебного заведения	Всего учениц		Православные		Католики		Лютеране		Иудеи		Магометане		Прочие	
	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1865 г. Гимназии, прогимназии	929	7 829	96,3	95,6	0,4	1,2	0,7	1,5	-	1,4	2	0,3	0,6	-
1885 г. Гимназии, прогимназии	5 197	63 779	96,2	77	1	5,5	0,8	6,9	1,4	8,3	-	0,03	0,6	2,3
1894 г. Гимназии, прогимназии	3 562	70 765	94	76,1	1,9	5,5	1,1	5,8	1,3	9,7	-	0,1	1,7	3
1905 г. Гимназии, прогимназии	1501 7	18378 9	95	77,5	1,2	3	-	-	2,4	13	0,2	0,1	1,2	6,3
1914 г. Гимназии, прогимназии	-	32357 7	-	76,6	-	3,8	-	-	-	13	-	0,2	-	6,4

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1917 г. Гимназии, прогимназии	1995 0	-	91	-	1,3	-	0,2	-	3,5	-	1,1	-	2,4	-

Составлено по:

Урал - Обзор Уфимской губернии за 1880-1915 гг. - Уфа, 1882-1916 гг.; Приложение ко Всеподданнейшему отчёту Вятского губернатора за 1872-1913 гг.; Обзор Пермской губернии 1890-1915 гг. - Пермь, 1891-1916 гг.; Статистический обзор Оренбургской губернии за 1900-1911 гг. - Оренбург, 1901-1912гг.; Учебные заведения всех ведомств находящихся на территории Оренбургского учебного округа по переписи 31 декабря 1894. - Оренбург, 1896; РГИА. Ф. 733. Оп. 202. Д. 724. Л. 2 об.; Оп. 4. Д. 2200. Л. 20; Д. 1168. Л. 21; Д. 1175. Л. 15; Д. 1364. Л. 18; Д. 1369. Л. 2; Д. 1379. Л. 2 об.; Д. 1385. Л. 8; Д. 2200. Л. 20; Д. 1395. Л. 6. Д. 1168. Л. 21; Д. 1175. Л. 15; Д. 1364. Л. 18; Д. 1369. Л. 20; Д. 2204. Л. 52-55; Д. 2207. ЛЛ. 41-44; Д. 2209. ЛЛ. 16-21; Д. 2210. ЛЛ. 16-21;

Россия - Извлечение из всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1858-1901 гг., СПб., 1859-1902 гг.; Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1902-1913 гг. - СПб., 1903-1916 гг.

Приложение 11

Изменение численности учениц женских гимназий и прогимназий
Урала и России по социальному составу (1865–1917 гг.)

Год. Тип учебного заведения	Всего учениц		Из дворян и чиновников		Духовенства		Городского сословия		Сельского сословия		Прочие	
	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия	Урал	Россия
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1865 г. Училища 1 разряда	445	3 503	60,6	61,8	9,6	5,8	27,6	28,1	0,8	2,2	1,1	1,8
Училища 2 разряда	484	4 326	19,6	19,9	7,2	5,4	62,8	67,1	10,3	7,3	-	-
Всего	929	7 829	39,2	38,6	8,3	5,6	45,9	49,7	5,8	5	0,50	8
1875 г. Гимназии	-	-	58,8	-	7,2	-	26,5	-	5,9	-	1,6	-
Прогимназии	-	-	15,1	-	11,9	-	59,1	-	13,7	-	0,2	-
1885 г. Гимназии	2 181	39 907	48,6	51	8,3	5,8	32,7	36,4	9,5	4,4	0,6	2,5
Прогимназии	3 016	23 872	14,1	21,7	10,6	8,7	51,7	53,6	22,8	13,8	0,5	1,3
Всего:	5 197	63 779	28,6	40	9,6	6,9	43,8	42,9	17,2	7,9	0,7	2,3

Окончание таблицы

1895 г. Гимназии	-	-	54,9	45,1	2,8	3,3	33	43,4	8	5,3	1,3	2,9
Прогимназии	-	-	19,6	17,0	4,6	7,3	52,8	56,9	22,6	16,1	0,4	2,7
1905 г. Гимназии	12458	152729	21,5	31,6	4,8	4,3	38,9	47,1	30,1	13,0	4,04	2,86
Прогимназии	2 559	31 059	12,4	15,6	1,7	5,3	46,2	51,2	34,1	25,7	5,8	2,5
Всего:	15017	133788	19,9	28,8	4,3	4,5	40,2	47,9	31,2	15,9	3,9	2,8
1914 г. Гимназии	23884	311637	19,9	21,8	5,3	4,8	35,6	44,8	39,3	25	3,4	3,4
Прогимназии	849	11 940	13,4	13,2	3,2	4,05	18,3	40,6	54,6	38,3	8,7	3,6
Всего:	24733	323577	16,1	21,5	5,2	4,3	35	44,6	39,8	25,5	3,6	3,4
1917 г. Гимназии	19370	-	16,6	-	4,4	-	35,3	-	40,4	-	3,6	-
Прогимназии	580	-	8,7	-	4,6	-	35,1	-	47,9	-	3,4	-
Всего:	19950	-	-	-	-	-	35,2	-	40,6	-	3,6	-

Составлено по: Извлечение из всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1861–1913 гг. – СПб., 1866–1915 гг.; РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1360. Л. 20; Оп. 203. Д. 1168. Л. 18; Оп. 4. Д. 2200. Л. 20; Оп. 205. Д. 2209. ЛЛ. 16–21; Оп. 203. Д. 1168. Л. 18; Оп. 204. Д. 473. Л. 24–25; Игнатъев В.Е. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе. Вып. 2 / В.Е. Игнатъев. – Оренбург, 1901.

**Заработная плата директоров, начальниц, инспекторов, учителей,
обслуживающего персонала в Оренбургской женской гимназии в 1884 г.**

ФИО, должность	Возраст	Вера	Год начала службы	Сем. пол.	Жалованья	Столовые	Квартирные	Разъездные	Друг. поруч.	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Нач-ца гимназии баронесса М.К. Гершау	45	Правсл. (П)	1865	Д	1 000	-	Натурой (Н)	-	-	1 000
Законоуч., протоиерей П.М. Поспелов	51	П	1873	Ж	840	-	Н	-	1 280	2 120
Преподаватели:										
Словесности, рус. яз. А.П. Лучинин	43	П	1879	Ж	550	-	Н	-	1 455	2 005
Русского языка Е.А. Мешкова	26	П	1879	Д	765	-	-	-	280	1 045
Математики, физики А.Н. Муратовский	25	П	1882	Х	850	-	-	-	-	850
Арифметики, стат. сов. М.В. Голубков	48	П	1852	Ж	110	-	-	-	2 148	2 258
Арифметики О.П. Манишевич	26	П	1876	Д	675	-	-	-	-	675

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Истории, географии Ф.О. Барановский	45	П	1862	Ж	200	-	Н	-	1 200	1 400
Истории Н.С. Шустиков	23	П	1883	Х	400	-	-	-	420	820
Истории, географии П.Е. Андреева	26	П	1880	Д	720	-	-	-	-	720
Естест. Истории, стат.сов. А.Н. Сниткин	38	П	-	Ж	190	-	-	-	1 200	1 390
Педагогики, секр. пед. совета П.А. Позднев	30	П	1882	Ж	450	-	-	-	1 000	1 450
Французского языка А.В. Жанколя	34	П	1865	ЗМ	685	-	-	-	-	685
Французского языка М.И. Свинцова	32	П	1878	Д	630	-	-	-	-	630
Немецкого языка Э.Э. Флюгель	43	Л	1876	Ж	225	-	-	-	1 170	1 395
Немецкого языка А.А. Кизеветтер	24	П	1881	Д	315	-	-	-	-	315
Немецкого языка Е.К. Ульянова	31	П	1871	ЗМ	450	-	-	-	-	450
Рисования Н.И. Иванов	26	П	1878	Ж	120	-	-	-	510	630

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Рисования И.А. Рашевский	30	П	1874	Ж	300	-	-	-	500	800
Чистописания, тит сов. Е.Л. Кутергин	45	П	1854	Ж	420	-	240	-	120	780
Рукоделия Л.О. Сверкунова	31	П	1874	ЗМ	250	-	-	-	-	250
Танцев и гимнастики А.В. Протопопова	30	П	1872	Д	120	-	-	-	320	440
Пения И.А. Инчагов	47	П	-	Ж	120	-	-	-	60	180
Класные надзирательницы:										
М.П. Безак	31	Л	1878	Д	400	-	-	-	-	400
С.Л. Зилова	30	П	1875	Д	400	-	-	-	-	400
А.П. Скотникова	22	П	1881	Д	400	-	-	-	-	400
М.М. Винер	26	П	1878	Д	400	-	-	-	-	400
Л.М. Андреева	31	П	1880	Д	400	-	-	-	-	400
Е.А. Суворова	24	П	1881	Д	400	-	-	-	-	400
Надзир. в панс. О.П. Топорнина	42	П	1875	Вд	300	-	Н	-	-	300

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Надзир. в панс. Н.А. Михальская	-	-	1883	Д	300	-	Н	-	-	300
Сверх. штат. пр-ль А.Н. Фёдорова	20	П	1882	Д	Не	по	лу	Ча	ют	-
Сверх. штат. пр-ль А.В. Альберт	20	П	1883	Д	Не	по	лу	Ча	ют	-
Врач, дейст. стат. сов. Ю.К. Неймарк	57	П	1847	Ж	120	-	-	-	2 822	2 942

Составлено по: Адрес-календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии по всем ведомствам 1884 г. Б.м. Б.г. - С. 98, 104-107.

Приложение 13

Список женских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения по городам и селениям. Урал (1847–1916 гг.)

Гимназия в городе, губернии	Год открыт.	Год преобр.	Число уч-ся	Число педагог.	Средства содержания			Помещение
					Из казны	Прочие	Всего	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
г. Белебей, Уф. губ.	1904	1908	362	16	4 000	15 765	19 765	Собственное
г. Бирск, Уф. губ.	1871	1903	437	18	4 000	21 050	25 050	Городское
Благовещенский з-д, Уф. губерния (У.г.).	1907	1913	281	15	1 887	10 875	12 732	Наёмное
г. Верхнеуральск, Оренбург. губ. (О.г.)	1906	1911	288	15	3 300	17 322	20 622	Собственное
г. Верхотурье (Перм. губ. (П.г.))	1902	1908	489	24	2 500	24 400	26 900	Земское и наёмное
Воткинский з-д, Вятская губ. (В.г.)	1903	1910	291	13	3 595	21 688	25 283	Наёмное
г. Вятка, Марин. гим.	1859	1870	730	27	8 650	26 711	35 361	Собственное
г. Вятка, В.г., 2-я гим.	1907	1911	454	27	2 500	28 791	32 291	Наёмное
г. Глазов, В.г.	1876	1898	531	16	23 105	2 200	25 305	Собственное

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
г. Екатеринбург, П.г. - 1-я	1860	1870	705	27	5 500	49 482	54 982	Собственное
г. Екатеринбург, П.г. - 2-я	1903	1909	597	22	3 500	45 666	49 166	Собственное
Там же, Румянцевой	1900	1910	311	24	-	19 205	19 205	Наёмное
г. Елабуга, В.г.	1860	1896	460	17	1 500	22 794	24 294	Собственное
г. Златоуст, У.г.	1905	1908	446	20	2 000	21 340	23 340	Городское
Ижевский завод, об- щественная.	1907	1910	637	27	1 500	27 909	29 409	Собственное
г. Ирбит, Мариин., П.г.	1873	1903	395	18	3 000	22 064	25 064	Собственное
г. Камышлов, П.г.	1871	1903	595	28	2 500	27 037	29 537	Земское
г. Кательнич, В.г.	1870	1907	438	15	3 000	21 481	24 481	Собственное
Эвак. из г. Риги, с прав. правит.	1903	1905						
г. Красноуфимск, П.г.	1891	1897	334	19	3 500	19 206	22 706	Собственное
Слоб. Кукарка, В.г.	1859	1909	287	9	3 000	14 595	17 595	Общественное
г. Кунгур, П.г.	1874	1902	534	30	4 500	41 920	46 420	Городское и наёмное

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
г. Куртамыш, О.г.	1914	-	63	7	-	13 260	13 260	Наёмное
Кушвинский з-д, П.г.	1907	1912	283	21	2 200	19 293	21 493	Наёмное
г. Малмыж, В.г.	1878	1905	292	16	-	15 814	15 814	Городское
с. Месягутово, Злат. уезд, У.г., 5 кл. прогимназия.	1907	1913	224	11	750	15 820	16 570	Земское
Романовских, Миасс	1900	1915	316	15	4 500	14 339	18 839	Собственное
Наеждин. з-д, П.г., ср. уч. зав., частн., для детей обоего пола	1915	-	87	7	-	5 086	5 086	Наёмное
Невьянский з-д, П.г.	1907	1912	306	16	1 050	14 884	16 134	Земское
Н.-Тагил. з-д, П.г.	1847	1905	699	32	4 500	25 000	29 500	Собственное
Жен. гимн. с правами правит. Будковой	-	-	-	-	-	-	-	-
г. Нолинск, В.г.	1870	1905	361	23	2 246	14 908	17 154	Собственное и наёмное
Омутинский з-д., В.г.	1906	-	136	5	1 000	2 382	3 382	Наёмное
Оренбург, О.г. 1-я	1868	1870	794	40	2 508	55 086	57 594	Собственное
Там же, 2-я гим.	1860	1907	567	26	4 000	33 697	37 697	Городское

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Там же, частная, Ко - маровой-Калмыковой	1903	1906	569	42	-	44 750	44 750	Наёмное
г. Орлов, В.г.	1870	1898	705	27	3 500	25 076	28 576	Собственное
г. Орск, О.г.	1911	1913	258	18	1 200	27 805	29 005	Наёмное
г. Оса, П.г.	1881	1906	466	21	2 250	25 124	27 374	Собственное
г. Оханск, П.г.	1901	1906	369	18	4 500	20 778	25 278	Собственное
г. Пермь, Мариинская	1860	1871	801	32	4 000	56 881	60 811	Собственное
Там же, 2-я	1881	1907	655	23	2 500	32 619	35 119	Собственное
Там же, частная Бар- батенко, с прав.	1901	1902	386	28	1 500	26 801	28 301	Наёмное
Зиновьевой, с прав.	1907	1913	338	28	-	23 142	23 142	Наёмное
Там же, частная Дрекслер-Гольнец, с правами	1909	1915	282	25	4 340	17 190	21 530	Наёмное
г. Сарапул, В.г.	1870	1881	732	22	<u>16 400</u>	24 153	40 553	Собственное
г. Слободской. В.г.	1859	1896	601	19	1 500	24 380	25 880	Собственное
г. Соликамск, П.г.	1900	1910	466	17	2 700	25 070	27 770	Собственное и наёмное

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
г. Стерлитамак, У.г.	1905	1909	402	21	4 000	21 000	25 000	Собственное
г. Троицк, О.г.	1861	1902	469	27	5 500	28 589	34 089	Собственное
г. Уржум, В.г.	1871	1899	531	14	3 500	18592	22 092	Собственное
г. Уфа, Мариинская	1860	1870	630	27	3 725	40 862	47 587	Собственное
Там же, 2-я	1899	1903	742	25	4 000	36 536	40 536	Собственное
Там же, частная Хит- ровской	1904	1910	440	20	-	26 500	26 500	Наёмное
г. Челябинск, О.г.	1861	1906	736	31	3 836	38 722	42 558	Собственное
Там же, прогимназия	1914	-	148	10	1 000	6 778	7 778	Городское
г. Чердынь, П.г.	1899	1906	422	18	500	29 400	29 900	Собственное
Чусовой з-д, П.г., сред. част. учебн. завед., сме- шанное, содержится на ср-ва науч.-образ об-ва	1915	-	84	5	-	3 100	3 100	Нар. образ
г. Шадринск, П.г.	1883	1906	547	20	2 000	27 171	29 171	Наёмное
г. Яранск, В.г.	1872	1898	460	20	3 100	26 350	29 450	Собственное

Всего 62 женских общеобразовательных средних учебных заведений на Урале.

Составлено по: Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен на 1 января 1916 года. Сенат. Типография. - СПб., 1916. - 215 с.

Приложение 14

Недельное расписание учебных занятий в Оренбургском
епархиальном женском училище 1895–1896 учебном году

Дни	Урок	Время	6 класс	5 класс	4 класс	3 класс	2 класс	1 класс
1	2	3	4	5	6	7	8	9
П О Н Е Д Е Л Ь Н И К	1	8.45–9. 45	География	Физика	Славян- ский язык	Русский язык	Арифме- тика	Чтение класс- ное
	2	10.00– 11.00	Физика	География	Словес- ность	Арифме- тика	Закон Бо- жий	Чистописание
	3	11.15– 12.15	Гражданская история	Словесность	Арифме- тика	Чистопи- сание	Классное чтение	Арифметика
	4	12.30– 13.30	Урок в об- разцовой школе	Гражданская история	Церковное пение	Церковное пение	Чистопи- сание	Рукоделие
В Т О Р Н И К	1	8.45–9.45	Гражданская история	Арифметика	Закон Бо- жий	Закон Бо- жий	Арифме- тика	Чтение класс- ное
	2	10.00– 11.00	Закон Божий	Дидактика	Граждан- ская исто- рия	Церковное пение	География	Арифметика
	3	11.15– 12.15	Литература	Гражданская история	Арифме- тика	География	Русский язык	Чистописание
	4	12.30– 13.30	Чтение клас- сное	Урок в образ- цовой школе	Рукоделие	Русский язык	Рукоделие	Рукоделие

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
С Р Е Д А	1	8.45-9.45	Физика	География	Гражданская история	Чтение классное	Русский язык	Рукоделие
	2	10.00-11.00	Гражданская история	Геометрия	География	Русский язык	Закон Божий	Арифметика
	3	11.15-12.15	Педагогика	Закон Божий	Чтение классное	Арифметика	Чистописание	Церковное пение
	4	12.30-13.30	Урок в образцовой школе	Церковное пение	Чистописание	Рукоделие	Рукоделие	Закон Божий
Ч Е Т В Е Р Г	1	8.45-9.45	География	Словесность	География	Рукоделие	Церковное пение	Русский язык
	2	10.00-11.00	Литература	Гражданская история	Церковное пение	Русский язык	Арифметика	Закон Божий
	3	11.15-12.15	Закон Божий	Физика	Словесность	Славянский язык	Русский язык	Арифметика
	4	12.30-13.30	Церковное пение	Урок в образцовой школе	Рукоделие	Закон Божий	Чистописание	Рукоделие

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
П Я Т Н И Ц А	1	8.45-9.45	Физика	Чтение классное	Закон Божий	География	Арифметика	Русский язык
	2	10.00-11.00	Геометрия	География	Чтение классное	Арифметика	Закон Божий	Чистописание
	3	11.15-12.15	Литература	Закон Божий	Арифметика	Закон Божий	Русский язык	Арифметика
	4	12.30-13.30	Закон Божий	Рукоделие	Рукоделие	Чистописание	Церковное пение	Церковное пение
С У Б О Т А	1	8.45- 9.45	Закон Божий	Арифметика	Закон Божий	Арифметика	Чтение классное	Русский язык
	2	10.00-11.00	Арифметика	Закон Божий	Рукоделие	Закон Божий	География	Чистописание
	3	11.15-12.15	Гражданская история	Словесность	География	Чтение классное	Рукоделие	Закон Божий
	4	12.30-13.30	Рукоделие	Рукоделие	Словесность	Рукоделие	Закон Божий	-

В течение св. Четырдесятницы, по средам и пятницам, по случаю совершения литургии преждеосвящённых Даров, означенное расписание изменялось следующим образом: уроки начинались с 8 ч., продолжались по 45 мин. С 3-я пятиминутными перерывами и 1-й десятиминутной, оканчивались в 11 ч. 20 мин. Литургия начиналась в 11 ч. 30 мин.

Составлено по: Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1895-1896 учебный год. - Оренбург, 1896. - С. 8-9.4

Приложение 15

Фонды Пермского губернского земства на выдачу стипендий (1886–1908 гг.)

Год	Фонд на выдачу возвратных стипендий на обучение в высших учебных заведениях			Фонд на выдачу безвозвратных стипендий на обучение в высших учебных заведениях			Фонд на выдачу безвозвратных стипендий на обучение в средних учебных заведениях			Общая сумма фондов на выдачу стипендий		
	Прибыль	Выдано	Остаток	Прибыль	Выдано	Остаток	Прибыль	Выдано	Остаток	Прибыль	Выдано	Остаток
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1886	4 317	1	4 316	-	-	-	-	-	-	4 317	1	4 316
1887	4 725	1 864	7 176	-	-	-	-	-	-	4 725	1 864	7 176
1888	387	1 224	6 340	-	-	-	-	-	-	387	1 224	6 340
1889	1 044	1 609	5 775	-	-	-	-	-	-	1 044	1 609	5 775
1890	30	839	6 331	6 331	-	6 331	3141	-	3 141	9 729	1 440	14 064
1891	225	601	4 591	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1892	27 352	175	31 768	228	191	6 368	114	143	3 112	27 694	509	41 249
1893	10 044	480	41 333	1 033	383	7 018	2 116	1 073	4 156	13 195	1 936	52 508
1894	10 325	-	51 568	248	-	7 264	153	151	4 147	10 726	154	63 080
1895	11 599	1 674	61 582	341	-	7 605	210	75	4 292	12 151	1 750	73 480
1896	13 165	47	74 700	263	301	7 567	155	241	4 206	13 584	590	86 475
1897	23 300	7 980	90 020	800	801	7 567	152	136	4 222	24 252	8 918	101 809
1898	17 046	4 863	102 203	781	808	7 540	152	151	4 222	17 979	5 823	113 966
1899	24 467	14 439	115 231	1 193	1 210	7 524	560	555	4 226	26 221	13 205	126 966
1900	24 690	9 353	130 568	285	302	7 506	159	151	4 235	25 135	9 806	142 310
1901	24 497	9 100	145 965	288	295	7 500	159	153	4 241	24 945	9 549	157 706
1902	24 872	12 246	158 592	385	251	7 633	159	150	4 250	25 417	12 648	170 476

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1904	26 791	12 971	172 412	288	300	7 622	159	150	4 260	27 240	13 421	184 295
1905	20 773	10 781	198 736	288	299	7 600	159	150	4 289	21 222	11 230	210 616
1906	11 274	3 907	206 103	288	288	7 600	159	150	4 289	11 722	4 346	217 992
1907	28 792	10 530	224 365	288	288	7 600	159	150	4 298	29 241	10 969	236 264
1908	37 215	17 952	243 648	288	288	7 600	159	150	4 308	37 664	18 370	255 557

Составлено по: Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания. Народное образование. 1870–1907 г. – Пермь, 1910.

Расходы Челябинской женской гимназии (1861–1908 гг.)

Годы	Жалованье служащим и прислуге	Класс. принагл. и матлы для рукоделия	Книги, в т.ч для награж.	Покупка карт, мебели и др. имущ.	Наём дома для гимн., кварт. начцы	Покупка, перестройка, и ремонт домов для гимназии	Страхов - ание домов гимназии	Отопл. и освещ.	Оборот. ср-ва	Разные расходы	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1861	294 р.33 к.	-	13 р. 84	-	49 р. - 99 к.	-	-	35 р.	-	15 р. - 55 к.	408 р. - 71 к.
1865	819-01	37-87	58	34-40	140	-	-	89-60	3 007-50	61-50	4 247-88
1870	981-20	6-25	40-46	-	150	-	-	71-63	1 100	59-88	2 995-74
1875	2 863-40	42-23	321-25	38-40	68	101-80	49-03	83-65	-	96-41	3 664-77
1880	3 052-30	96-25	177	91-50	-	253-38	91-86	305-73	21	210-09	4 301-11
1885	3 144-25	42-37	264-58	75-49	-	156-60	90-26	133-54	129-44	300-88	4 337-41
1889	2 572-72	26-70	194-35	-	-	887-36	74-91	59-97	-	275-41	3 954-45

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1896	4 767-10	-	-	-	-	2 048-27	-	-	-	-	-
1898	4 666-90	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13 852-94
1902	5 809-40	125-78	138-80	184-30	-	924-18	230-56	552-62	79-62	786-64	8 792-05
1905	9 164-14	292-31	29-64	149-85	-	36-23	209-26	512-08	-	-	10 393-51
1908	19 592-81	67-51	767-70	-	-	652-48	216-56	967-21	-	756-58	23 065-82

Составлено по: ОГАЧО. Ф. 3. Оп. 1. ДД, 223, 230, 356, 472, 698-а, 1039.

Приложение 17

Расписание недельных уроков в Оренбургской женской 1-й гимназии (1901-1902 учебный год)

	Ур.	1-а	1-б	2-а	2-б	3-а	3-б	4-а	4-б	5	6-а
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
П О Н Е Д Е Л Н И К	1	Фр. яз.	Нем. яз.	Географ.	Фр. яз.	Рус. яз.	Ариф.	Чистописание		З. Бож.	Геом.
	2	Нем. яз.	Рус. яз.	Фр. яз.	Чистоп.	Геогр.	Фр. яз.	Рукод.	Арифм.	Нем. яз.	Танцы
	3	Арифм.	Фр. яз.	Нем. яз.	Рус. яз.	Рукод.	Нем. яз.	Француз. язык		Танцы, гимн.	Зак. Бож
	4	Танцы и гимнастика		Рус. яз.	Арифм.	Нем. яз.	Рукод.	Истор.	Рисов.	Истор.	Нем. яз.
	5	П	е	н	и	е	Пение	Рус. яз.	Зак. Бож.	Словесн.	Рисов.
В Т О Р Н И К	1	Рисов.	Нем. яз.	Арифм.	Фр. яз.	Рус. яз.	Фр. яз.	Зак. Бож.	Истор.	Фр. яз.	Алгеб.
	2	Нем. яз.	Фр. яз.	Фр. яз.	Географ.	Арифм.	Рус. яз.	Фр. яз.	Язык	Рисов.	Истор.
	3	Географ.	Рисов.	Нем. яз.	Арифм.	Танцы и гимн.		Нем. яз.	Рус. яз.	Геометр.	Фр. язык
	4	Рус. яз.	Географ.	-	-	Нем. яз.	Рисов.	Арифм.	Рукод.	Нем. яз.	Зак. Бож.
	5	-	-	Закон Бож.	-	Рисов.	-	П	Е	Н	И Е
	5	-	-	Закон Бож.	-	Рисов.	-	П	Е	Н	Ие

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
С Р Е Д А	1	Нем. яз.	Арифм.	Фр. яз.	-	Фр. яз.	Рус. яз.	Геомет.	Рисов.	Зак. Бож.	Рукод.
	2	Чистоп.	Нем. яз.	Географ.	Фр. яз.	Рус. яз.	Фр. яз.	Зак. Бож.	Арифм.	Рисован.	Нем. яз.
	3	Фр. яз.	Зак. Бож.	-	Рус. яз.	Чистоп.	Ариф.	Естествовед.	Географ.	Алгебра	Фр. яз.
	4	Рус. яз.	Фр. яз.	Нем. яз.	Зак. Бож.	История	Рукод.	Арифм.	-	Естеств.	Физика
	5	П	Е	Н	И	Е	Пение	Рисов.	-	Словесн.	Истор.
Ч Е Т В Е Р Г	1	Рус. яз.	-	Фр. яз.	Рисов.	Географ.	Зак. Бож.	Арифмет.	Естеств.	-	Рукод.
	2	-	Рус. яз.	Нем. яз.	Фр. яз.	Фр. яз.	Географ.	Рисов.	Арифмет.	Нем. яз.	Геометр.
	3	Нем. яз.	Географ.	Чистоп.	Зак. Бож.	Арифм.	Рус. яз.	Танцы и гимнастика		Геометр.	Фр. яз.
	4	Географ.	Арифм.	Танцы и гимнастика		Нем. яз.	-	Рус. яз.	Зак. Бож.	Фр. яз.	Словес.
	5	Фр. яз.	Нем. яз.	Рус. яз.	-	Рисов.	-	Нем. яз.	-	Словесн.	История
П Я Т Н И Ц А	1	Арифм.	Чистоп.	Нем. яз.	Рус. яз.	История	Рисов.	Фр. яз.	Фр. яз.	Рукод.	Нем. яз.
	2	Чистоп.	Нем. яз.	Рус. яз.	Фр. яз.	Нем. яз.	Арифм.	История	Рукод.	Естеств.	Физика
	3	Нем. яз.	Зак. Бож.	-	Арифм.	Фр. яз.	Чистоп.	Рус. яз.	История	История	Фр. язык
	4	Фр. яз.	Рус. яз.	Арифм.	Рисован.	Зак. Бож.	История	П	Е	Н	ИЕ
	5	Зак. Бож.	Фр. яз.	Рисован.	-	-	-	-	-	-	-

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
С У Б Б О Т А	1	Фр. яз.	Фр. яз.	Ариф м.	Гео- граф.	Фр. яз.	Зак. Бож.	Естеств.	Рус. яз.	Рукод.	Рисован.
	2	Рус. яз.	Чистоп.	Чистописание		Арифм.	Географ.	Рукод.	Естеств.	Нем. яз.	Рукод.
	3	Ари фм.	Рисов.	Рус. яз.	-	Зак. Бож.	Фр. яз.	Нем. яз.	Гео- граф.	Фр. яз.	Алгеб.
	4	Зак. Бож.	Арифм.	Рисов.	Рус. яз.	Рукод.	-	Гео- граф.	-	Истор.	Физика
	5	Ри- сов.	Рус. яз.	Зак. Бож.	-	-	-	-	-	-	Словес.

Примечание: во вторник, на 5 уроке (с 13.30 до 14.30) уроки закона Божия католического и лютеранского веро-исповедания.

Составлено по: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 85. Оп. 1. Д. 77. ЛЛ. 85-86 об.